

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ
К. Батюшкова.

А
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1817.

15. V.

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗЪ

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ I.

ПРОЗА.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon
temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves
à pensemens utiles ou agréables?

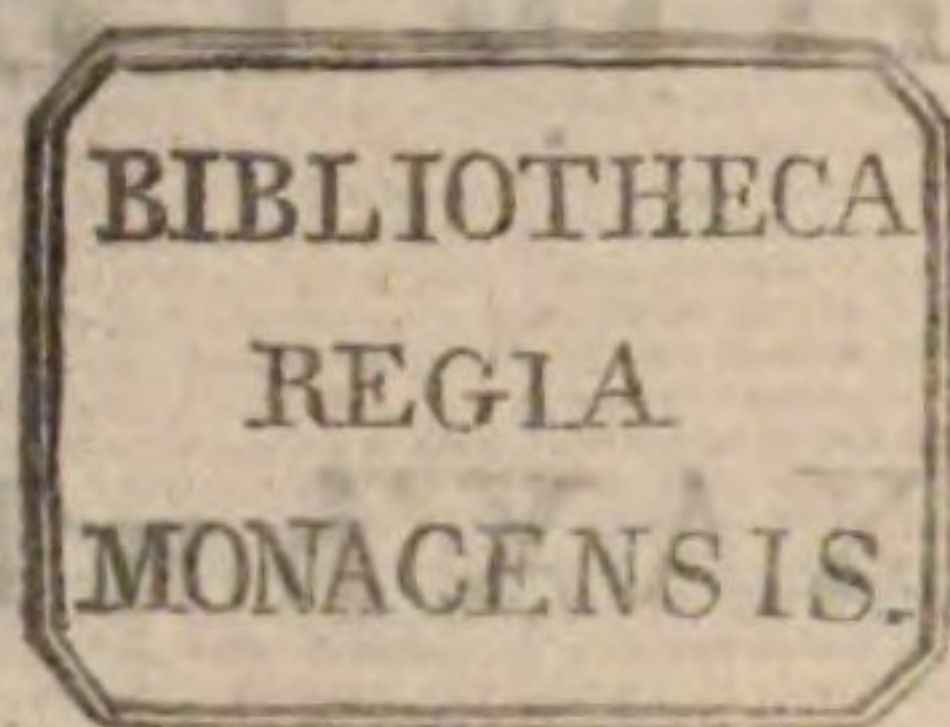
MONTAIGNE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1817.

15. D.

FACTS I

THE G. A.

The grand personage he has, as is plain from
the way he makes himself heard of himself
I suppose must be a great one.
M. A. A.

THE G. A.

THE G. A.

THE G. A.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска
изъ типографіи, предсшавлены были въ Цен-
зурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комишеша, другой
для Депаршамеша Минисшра Народнаго
Просвѣщенія, два экземпляра для Импера-
торской Публичной Библіюшеки и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ.

Санкшпетербургъ. Декабря 30 дня, 1816 года.

*Цензоръ Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ
Ие. Тиликовской.*

Въ двухъ сихъ книжкахъ помѣ-
щены почти всѣ произведенія Г. Ба-
пюшкова въ Стихахъ и Прозѣ, раз-
сѣянные по разнымъ періодическимъ
изданіямъ и присоединены еще новыя,
нигдѣ не печатанныя. Говорить объ
нихъ въ предисловіи я почишаю излиш-
нимъ. Скажу только что случай,
доставившій мнѣ средства, предпри-
нять сіе изданіе я почишаю пріятнѣй-
шимъ въ жизни: ибо увѣренъ, что
удовлетворю желаніе просвѣщенныхъ
любителей Словесности.

Н. Гнѣдигъ.

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

I.

Р Ѣ Ч Ъ

О ВЛІЯНІИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗІИ НА ЯЗЫКЪ,
ЧИТАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ
МОСКВѢ. Іюля... 1816.

Избраніе меня въ Сочлены ваши
есть новое свидѣтельство, Мм. Гг., ва-
шей снисходительности. Вы обращае-
те внимательные взоры не на одно да-
рованіе, вы награждаете слабые тру-
ды и малѣйшіе успѣхи; ибо имѣете
въ виду важную цѣль: будущее богат-
ство языка, спользѣнно сопряжен-
ное съ образованностію гражданскою,
съ просвѣщеніемъ, и слѣдственно — съ
благоденствіемъ страны славнѣйшей и
обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ
моимъ я не имѣю права засѣдать съ

вами; но если усердіе къ Словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ Поэзіи, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли Общества. Занятія мои были маловажны, но непрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія, и доставили мнѣ счастье засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ Музъ отечественныхъ, которое возраждается изъ пепла вмѣстѣ съ Столицею Царства Русскаго, и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле Словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драгоценныя сокровища Краснорѣчія и Спихворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность занятій моихъ; но успѣшаюсь мыслію, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли Словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпопея, Дра-

Машиническое искусство, Лирическая Поэзія, Исторія, Краснорѣчіе духовное и гражданское требуютъ великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Щастливы тѣ, которые похищаютъ пальму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ становящіяся бессмертными; ибо щастливья произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества. Особенно великія произведенія Музъ имѣютъ вліяніе на языкъ новый и необработанный. Ломоносовъ тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ. Онъ тоже учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Пётръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Пётръ Великій пробудилъ народъ усыпленный въ оковахъ невѣжества; Онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему Краснорѣчіе и Стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ

шаланшовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданскою образованностію и людкостию. Но Ломоносовъ, сей исполинъ въ наукахъ и въ искусствѣ писатъ, испытывая Русской языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его нѣжнѣйшими выраженіями Анакреоновой Музы. Сей великій образователь нашей Словесности, зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ, и состоятъ не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая Поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнасѣ и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омеромъ и пріема Трагиками, вельрѣчіемъ Историковъ своихъ, убѣ-

дишельнымъ и спремительнымъ краснорѣчіемъ Демосѳена: но Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Теоκριшъ, мудрецъ Теоосскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдители Грековъ оружіемъ, не талантомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій и другіе состязались съ Греками. Важные Римляне, попомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ; но Эрошическую Музу Капулла, Тибулла и Проперція не отвергали. По возрожденіи Музъ, Петрарка, одинъ изъ ученичайшихъ мужей своего вѣка, свѣшльникъ Богословіи и Полипики, одинъ изъ первыхъ создателей славы возраждающейся Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Даншомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія Тосканскаго, подражая Тибуллу, Овидію и Поэзіи Мавровъ, исполненной воображенія и нѣги. Маро, Царедворецъ Франциска I, извѣстный по Эрошическимъ спихотвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образователей языка Француз-

скаго , кошораго владычештво , почши пагубное, распроспранилось на всѣ народы , не доспигшіе высокой спешени просвѣщенія. Въ Англіи Валлеръ, пѣвецъ Захариссы, въ Германіи Гагедорнъ, и другіе Писатели, предшесшвенники Творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жершвовашъ Граціамъ и говорицъ языкомъ спрасши и любви, любимѣйшимъ языкомъ Музъ, по словамъ глубокомысленнаго Моншана. У насъ, преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ — кошораго одно имя испинный шаланшъ произносишъ съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный Пѣвецъ высокихъ испинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ опдыхашъ со спарцемъ Оеосскимъ. По слѣдамъ сихъ Поэшовъ, множештво Писателей опличились въ эшомъ родѣ, по видимому споль легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія шрудности и прешкновения, особенно у насъ; ибо языкъ Русской, громкій, сильный и выразишельный, сохранилъ еще нѣкошорую суровосшь и упрямештво, несовершенно исчезающія даже подъ перомъ опышнаго ша-

ланша , поддержаннаго наукою и терпѣніемъ.

Главныя достоинства стихотворнаго слога суть: движеніе , сила , ясность. Въ большихъ родахъ, чисташель, увлеченный описаніемъ спраспей, ослѣпленный живѣйшими красками Поэзіи, можешь забыть недоспашки и неровности слога, и съ жадностію внимаешь вдохновенному Поэту , или дѣйствующему лицу, имъ созданному. Во время представленія , какой холодный зритель будешь искашь ошибокъ въ слогахъ , когда Поликъ , лишенный вѣнца и внутренняго спокойствія, въ слезахъ, въ ошчаяніи бросается къ спопамъ разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки, поучительныя для дарованія, замѣчаешь просвѣщенный Крипикъ въ пишинѣ своей учебной храмины: каждое слово, каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ спрогаго вкуса; опвергаетъ слабое , ложно блестящее , невѣрное , и научаешь наслаждаться испинно прекраснымъ. — Въ легкомъ родѣ Поэзіи, чисташель требуешь возможнаго совер-

шенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ пребудетъ истины въ чувствахъ и сохраненія спрожайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьей, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣниться не можешь. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, есть искусство трудное и пребудующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для Поэзіи; этого мало: родясь надобно сдѣлаться Поэтомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ называемый Эропической и вообще легкой родъ Поэзіи воспріялъ у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раз-

дѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ: но замѣшимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносишь со временемъ пользу и дѣйствуешь непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой Поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмиріева, въ которыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ Философія оживилась неувядающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумныя, щастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣнъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкой талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненные

шенства, чистоты выраженія, стройности въ слогъ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія простайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ пошчасъ дѣлается строгимъ судьей, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не отвлекается. Красивость въ слогъ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣнишься не можешь. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, есть искусство трудное и требующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для Поэзіи; этого мало: родясь надобно сдѣлаться Поэтомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ называемый Эропической и вообще легкой родъ Поэзіи воспріять у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раз-

дѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ: но замѣтимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносишь со временемъ пользу и дѣйствуешь непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой Поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитриева, въ которыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ Философія оживилась неувыдающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумныя, щастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣнъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкой талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненные

чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; Гораціанскія оды Капништа; вдохновенныя спраспію пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковского, сіяющія воображеніемъ, часто собственнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Востокова, въ которыхъ видно отличное дарованіе Поэта, написаннаго чтеніемъ древнихъ и Германскихъ Писателей; наконецъ стихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія К. Долгорукова, исполненныя живописи; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ Стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ: (*) всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія, менѣе или болѣе приблизились къ желанному совершенству, и всѣ — нѣтъ сомнѣнія — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очисти́ли, утвердили. Такъ свѣтлыя ручьи, текущіе разными

(*) Смѣтри примѣчаніе А.

излучинами по одному посполнному наклоненію, соединяясь въ долины, образуюшь глубокія и обширныя озера: благодѣтельные воды сіи не изсякають ошъ времени; напрошивъ того, онѣ возраспають и увеличиваються съ вѣками, и вѣчно существують для блага земли, ими орошаемой!

Въ первомъ періодѣ Словесности нашей со временъ Ломоносова, у насъ много написано въ легкомъ родѣ; но малое число стиховъ спаслось ошъ общаго забвенія. Главною тому причиною можно положить не одинъ недоспашокъ таланта или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общества; большую его образованность и, можеть бытъ, большее просвѣщеніе, пребующія ошъ языка и Писателей большаго знанія свѣта и сохраненія его приличій: ибо сей родъ Словесности безпрестанно напоминаеть объ обществѣ; онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предразсудковъ, и долженъ бытъ яснымъ и вѣрнымъ его зеркаломъ. Большая часть Писателей, мною

названныхъ, провели жизнь свою посреди общества Екаперинина вѣка, споль благопріятнаго наукамъ и Словесности; тамъ заимствовали они эту людскость и вѣжливость, это благородство, которыхъ оппечашокъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ: въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать тайную игру спрасшей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно. Этого мало: всѣ сіи Писатели обогатились мыслями въ прилѣжномъ чтеніи иностранныхъ Авторовъ, иные древнихъ, другіе новѣйшихъ, и запаслись обильною жатвою словъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Всѣ сіи Писатели имѣютъ истинный талантъ, испытанный временемъ; истинную любовь къ лучшему, благороднѣйшему изъ искусствъ, къ Поэзіи, и уважаютъ, смѣютъ сказать, боготворять свое искусство, какъ лучшее достояніе человека образованнаго, истинный даръ Неба, который доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни, который даетъ намъ то, что

мы называемъ безсмертіемъ на земли —
мечту прелестную для душъ возвы-
шенныхъ !

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго.
Въ Словесности всѣ роды приносятъ
пользу языку и образованности. Одно
невѣжественное упрямство любитъ и
спарается ограничить наслажденія ума.
Истинная, просвѣщенная любовь къ ис-
кусствамъ снисходительна, и, такъ
сказать, жадна къ новымъ духовнымъ
наслажденіямъ. Она ничѣмъ не ограничи-
вается, ничего не желаетъ исключить
и никакой отрасли Словесности не
презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, дра-
ма и комедія, древній экзамеръ и
ямбъ, давно присвоенный нами, Пинда-
рическая ода и новая баллада, эпопея
Омера, Аріоса и Клоппшюка, столь
различные по изобрѣшенію и формамъ,
ей равно извѣстны, равно драгоценны.
Она съ любопытствомъ замѣчаетъ
успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ниче-
го не чуждается, кромѣ того, что
можетъ вредить нравамъ, успѣхамъ
просвѣщенія и здоровому вкусу (я беру

сіе слово въ обширномъ значеніи). Она съ удовольствіемъ замѣчаетъ дарованіе въ толпѣ Писателей и гошова ему подасть полезныя совѣты: она, какъ говоришь Поэтъ, гошова обняшь

Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни приспращіе, никакіе предразсудки ей неизвѣстны. Польза языка, слава Отечества: вошъ благородная ея цѣль! Вы, Мм. Гг., являетесь прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ сторонъ, безъ лицепріятія, безъ приспращія. Вы говорише каждому изъ нихъ: неси-те, неси-те свои сокровища въ общель Музъ, оптверзшую каждому таланту, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло: обогати-те, образуй-те языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняй-те славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія. Важныя Музы пода-ютъ здѣсь дружественно руку млад-

шимъ сеспрамъ своимъ, и олшаръ вку-
са обогащается ихъ взаимными да-
рами.

И когда удобнѣе совершишь желае-
мый подвигъ? въ какомъ мѣсцѣ при-
личнѣе? Въ Москвѣ, сшоль краснорѣчи-
вой и въ развалинахъ своихъ, близъ
полей, ознаменованныхъ неслыханными
доселѣ побѣдами, въ древнемъ Ошече-
ствѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! съ давняго времени все благо-
пріятствовало дарованію въ Универси-
тетѣ Московскомъ, въ сшаршемъ свя-
тилищѣ Музъ опечесшвенныхъ. Здѣсь
пламенный ихъ любитель съ радосшію
созерцаешь слѣды просвѣщенныхъ и
дѣятельныхъ покровишелей. Имя Шу-
валова, перваго Мецената Русскаго,
сливается здѣсь съ громкимъ именемъ
Ломоносова. Между знаменишыми По-
кровишелями наукъ мы обрѣшаемъ Хе-
раскова: Творецъ Россіяды посѣщаль
сіи мирныя убѣжища; онъ покровишель-
ствовалъ сему разсаднику наукъ; онъ
первый ободрялъ возникающій талантъ,

и славу Писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе лестною для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя наукъ. Муравьевъ, какъ человекъ Государственный, какъ Попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. (*) Подъ руководствомъ славнѣйшихъ Профессоровъ Московскихъ, въ нѣдрахъ своего Опечислва, онъ пріобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человеческого, которыми нерѣдко удивлялись ученые иностранцы: за благодаренія наставниковъ онъ плащилъ благодареніями сему Священищу наукъ: имя его будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ: имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели, — ученость обширную, ушверженную на прочномъ основаніи, на знаніи языковъ древнихъ; рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостію, съ снисходительностію.

(*) Смотри примѣчаніе В.

тельностью великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ посѣпиль землю одинъ изъ сихъ Геніевъ, изъ сихъ свѣщильниковъ Философін, которые нѣкогда раждались подъ щасливымъ небомъ Аппики, для разлннїа практической и умозрительной мудрости, для ушѣшенїа и назиданїа человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ. Вы наслаждались его бесѣдою; вы чипали въ глазахъ его живое участіе, которое онъ принималъ въ успѣхахъ и славѣ вашей; вы знаете всѣ заслуги сего рѣдкаго человѣка.... и—просише мнѣ нѣсколько словъ, въ его воспоминаніе чистѣйшею благодарностью испортуемыхъ! — я ему обязанъ моимъ образованіемъ и щасіемъ засѣдать съ вами, которое умью цѣнить, которыми умью гордиться. —

И эптопъ человѣкъ споль рано похищенъ смертію съ поприща Наукъ и добродѣтели! И онъ не былъ свидѣтелемъ великихъ подвиговъ богошворимаго имъ Монарха и славы народной!

Онъ не будетъ свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щасливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельство не были имъ столько благоприятны. Храмъ Януса закрытъ рукою Побѣды, неразлучной соупницы Монарха. Великая душа Его улаживаетъ успѣхами ума въ спранъ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ отечественныя таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Патриоты съ признательностію благословляютъ руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, посоянство и чисную славу Писателя, извѣстнаго и въ спранахъ ондаленныхъ, и которымъ должно гордиться Отечество. Правительство благотельное и прозорливое, пользуясь щасливѣйшими обстоятельствами: тишиною внѣшнею и внутреннею Государства, опверзаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его

руководствомъ процвѣтушъ Науки, Художества и Словесность, коснѣющія среди шума военнаго; процвѣтушъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человеческого, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію, и славу его дѣлаютъ прочною и незыблемою. — Самая Поэзія, которая питается ученіемъ, возраспаетъ и мужаетъ нравы съ образованіемъ общества, Поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ, рожденнымъ любовью и чувствованіемъ изящное. Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума: и тогда имя Писателя, Ученаго и общаго Спихотворца не будетъ дико для слуха: оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славіи Отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего щасливаго времени, мы совершимъ все, что въ силахъ совершить. Дѣятельное покровительство блюстителей просвѣщенія, которымъ сіе общество обязано существова-

ніемъ; рвеніе, съ копорымъ мы присту-
паемъ къ важнѣйшимъ трудамъ въ Сло-
весности; безприсрасіе, которое
мы желаемъ сохранить посреди разно-
гласныхъ мнѣній, еще непросвѣщен-
ныхъ здравою кришикою: все обыцаемъ
намъ вѣрные успѣхи; и мы достигнемъ,
по крайней мѣрѣ приблизимся къ же-
лаемой цѣли, одушевленные именами
полюзы и славы, руководимые безпри-
спрасіемъ и кришикою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А) Похвала или порицаніе частнаго человека не есть приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя Спихошворцевъ, опличившихся въ легкомъ родѣ Поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Можетъ быть я во многомъ и ошибся; но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и чинашель скорѣе обличитъ меня въ невѣжество, нежели въ приспращіи. Надобно имѣть нѣкоторую смѣлость, чтобы порицать дурное въ Словесности; но едва ли не потребно еще болѣе храбрости тому, кто вздумаетъ хвалить то, что истинно достойно похвалы.

В) Добро никогда не теряется, особливо добро, сдѣланное Музамъ: онѣ чувствительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, Г. Спрогонова, и Г. Н. П. Румянцева, который и понынѣ удо-

стойваетъ ихъ своего покровитель-
ства. Какое доброе сердце не замѣ-
тишь съ чистѣйшею радостію, что
онѣ осыпали цвѣтами гробницу Му-
равьева? Ученый Рихтеръ, почтенный
Сочинитель Исторіи Медицины въ Рос-
сіи, въ прекрасной рѣчи своей, гово-
ренной имъ въ Московской Медикохи-
рургической Академіи, и Г. Мерзля-
ковъ, извѣстный Профессоръ Москов-
скаго Университета, въ предисловіи
къ *Виргиліевымъ Эклогамъ*, упоми-
нали о немъ съ чувствомъ, съ жаромъ.
Нѣкоторые Спихотворцы, изъ числа
ихъ Г. Воейковъ въ посланіи къ Эми-
лію, и Г. Буринскій, слишкомъ рано
похищенный смертію съ поприща Сло-
весности, говорили о немъ въ стихахъ
своихъ. Последний, оплакавъ кончину
храбраго Генерала Глѣбова, продол-
жаетъ:

О Провидѣніе! ропшать я не дерзаю!...

Но — слабый — не могу не плакать предъ
тобой:

Тамъ въ славѣ, въ щастіи злодѣя созерцаю,
Здѣсь вьнешь, какъ шрава, мужъ крошкѣй и
благой!

Слезъ гореспныхъ пошокъ еще не осушился,
Еще мы... Злобный рокъ навѣки насъ ли-
шилъ

Того, кто щастіемъ Парнасса веселился.

.

Гдѣ ты, о Муравьевъ! прямое украшенье,
Парнасса Русскаго любитель, нѣжный другъ?

Увы! зачѣмъ среди снѣзи благошворенья,
Какъ въ добродѣтеляхъ мужалъ твои крош-
кій духъ,

Ты рано похищенъ отъ нашихъ ожиданій?

Гдѣ страхъ твой къ добру? сей душъ из-
бранныхъ даръ?

Гдѣ рано собранно сокровище познаній?

Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшій жаръ,

Служишь Отечеству, сіяя средь немногихъ,

Прямыхъ его сыновъ, творившихъ честь ему?

Любезность разума и прелесть нравовъ
крошкихъ —

Исчезло все!... Увы!... честь праху твоему!

II.

НѢЧТО О ПОЭТѢ

И

ПОЭЗІИ.

Поэзія — сей пламень небесный, который менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой — сіе сочепаніе воображенія, чувствительности, мечтательности — Поэзія, нерѣдко составляетъ и муку и наслажденіе людей, единственно для нее созданныхъ. *Вдохновеніемъ генія превозмощается Поэтъ, сказалъ извѣстный Спиховорецъ. Это совершенно справедливо. Есть минуты дѣятельной чувствительности: ихъ испытывали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лету Живописцу, Музыканту, и болѣе всѣхъ, Поэту: ибо онъ рѣдки, преходящи и зависятъ часно отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія вѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управляемъ не*

въ силахъ. Но, въ минушу вдохновенія, въ сладостную минушу очарованія поэтического, я никогда не взялъ бы пера моего, если бы нашелъ сердце способное чувствовать вполне то, что я чувствую; если бы могъ передать ему все тайныя помышленія, всю свѣжестъ моего мечтанія и заспавишь въ немъ пррешать тѣ же струны, копорыа издали голосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскаетъ сердце, гошовое раздѣляетъ съ нами все чувства и ощенія наши? Нѣтъ его съ нами — и мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои, въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для копорыхъ сильное и благородное чувство, щасливое выраженіе, прекрасный стихъ и страница живой, краснорѣчивой прозы—суть сокровища истинныя... „Они не могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочищаютъ книгу мою“— говорилъ Монпанъ; и въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ Опыты свои, и бесѣдуя съ доб-

рыми сердца́ми всѣхъ вѣковъ, забывалъ недостойныхъ современниковъ.

Нѣкто сравнивалъ душу Поэта въ мину́ту вдохновенія съ расплавленнымъ въ горни́лѣ металомъ: въ сильномъ и постоянномъ пламени, онъ долго остается въ первобытномъ положеніи, долго недвижимъ; но раскаленный — рдѣется, закипаетъ и клокочетъ: снятый съ огня, въ одну мину́ту успокоивается и упадаетъ. Вотъ прекрасное изображеніе Поэта, котораго вся жизнь должна приготавливать нѣсколько плодотворныхъ мину́тъ: всѣ предметы, всѣ чувства, все зримое и незримое должно распалать его душу и медленно приближать сіи ясныя мину́ты дѣятельности, въ которыя столь легко изображать всю исторію нашихъ впечатлѣній, чувствъ и страстей. Плодотворная мину́та Поэзіи! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ.

Люди, щастливо рожденные, коихъ природа щедро надѣлила памя-

тію, воображеніємъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умьющимъ давати вѣрное направленіе и памяти и воображенію, — сіи люди, имѣють безъ сомнѣнія даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человека; ибо посредствомъ его онъ оставляеши вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣеши на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго; и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькають, памятники рукъ человеческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ: но Омеръ и книги священныя говорятъ о прошедшемъ. На нихъ основана опытность человеческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя! что даеши вамъ сію прочность? Искусство письма, и другое, важнѣйшее — искусство выраженія.

Сей даръ выражаться и чувствуя и мысли свои давно подчинены спорогой

наукъ. Онъ подлежишь постояннымъ правиламъ, происшедшимъ отъ опытно-ности и наблюденья. Но самое изученіе правилъ, непрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ пристрастія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть Искусство. Поэзія, осмѣлюсь сказать, требуетъ *всего теловѣка*.

Я желаю — (пускай назовушь спра-нымъ мое желаніе!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образъ жизни, пищическую *Діэтику*; однимъ словомъ, чтобы сдѣлали науку изъ жизни Спихотворца. Эта наука была бы для многихъ едва ли не полезнѣе всѣхъ Аристотелевыхъ правилъ, по которымъ научаемся избѣгать ошибокъ; но какъ шворишь изящное — никогда не научимся! —

Первое правило сей науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. *Talis hominibus fuit ora-*

tio, qualis vita. — Иначе всѣ опголо-
ски лиры твоей будутъ фальшивы.
Къ чему произвела тебя природа? что
вложила въ сердце твое? Чѣмъ плѣ-
няется воображеніе, часто прошивъ
воли твоей? При чтеніи какого Писа-
теля препечаль твоя гений съ неизъ-
яснимою радостію, и гласъ, громкій
гласъ твоей пѣнической совѣсти вос-
клицалъ: проснись, и ты Поэтъ! —
При чтеніи творцовъ Эпическихъ? И
такъ, удались отъ общества, окружи
себя природою: въ тишинѣ сельской,
посреди грубыхъ, неиспорченныхъ нра-
вовъ читай Исторію временъ прошек-
шихъ, поучайся въ печальныхъ льто-
писяхъ міра, узнавай человека и спра-
спи его, но исполнись любви и благо-
воленія ко всему человѣчеству: да бу-
дутъ мысли твои важны и величе-
ственны, движенія души твоей нѣжны
и спрашны, но всегда покорены раз-
судку, спокойному владелину ихъ.
Этого мало! Эпическому Стихотвор-
цу надобно все испытать, *объ форту-
ны*. Подобно Тассу любишь и спра-
дашь всѣмъ сердцемъ; подобно Камоэн-

су сражаешься за Ошечество, обшекаешь
 всѣ страны, вопрошаешь всѣ народы,
 дикіе и просвѣщенные, вопрошаешь всѣ
 памяшники искусства, всю природу,
 кошорая говоришь всегда краснорѣчи-
 во и вняшно уму возвышенному, обо-
 гащенному опытами, воспоминаніями.
 Однимъ словомъ, надобно, забывъ всѣ
 ничпожныя выгоды жизни и самолю-
 бія, пожертвовавъ всѣмъ — славѣ; и
 тогда только погрузишься (не съ дер-
 зостію кичливаго ума, но съ рѣшимо-
 стію человека, носящаго въ груди
 своей внутреннее сознаніе собствен-
 ной силы), тогда только погрузишь-
 ся въ бурное и проспранное море
 Эпопей....

Жишь въ обществѣ, носишь на се-
 бѣ тяжелое ярмо должностей, часпо
 ничпожныхъ и суешныхъ, и хошьшь
 согласовавъ выгоды самолюбія съ же-
 ланіемъ славы — есть требованіе ис-
 шинно суешное. Что образъ жизни
 дѣйствуешь сильно и поспоянно на
 талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.
 Примѣръ тому Французы: ихъ Словес-

нось, столь богата во всѣхъ родахъ, не имѣешь ни Эпопеи ни Истории. Ихъ Писатели по большей части жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній двора и праздности; а ИстORIA и Эпопея пребываютъ вниманія постояннаго, и сей важности, и сей душевной силы, которую общество, не только что опшимаешь у человека разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно. „Хотите ли быть красно-рѣчивыми Писателями? говорите красно-рѣчивая женщина нашего времени: будьте добродѣтельны и свободны, почитайте предметъ любви вашей, ищите безсмертія въ любви, Божества въ природѣ; освѣщайте душу, какъ освѣщаютъ храмъ, и Ангелъ возвышенныхъ мыслей предстанетъ вамъ во всемъ величіи!“ Прелестныя спроки, исполненные истины! васъ разсѣянные умы или не поймутъ или прочтутъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкоторыхъ Спихотворцевъ, которыхъ имена столь любезны сердцу нашему. Горацій, Ка-

шуллъ и Овидій шакъ жили, какъ писали. Тибуллъ не обманывалъ ни себя ни другихъ, говоря покровителю своему, Мессалъ, что его не обрадуютъ ни шріумфы, ни пышный Римъ; но спокойствіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе луга, родимый ручеекъ и эша хижина съ просшымъ, соломеннымъ кровомъ — вешхал хижина, въ копорой Делія ожидаетъ его съ распущенными власами по высокой груди. Пешрарка шочно споялъ опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вылепали изъ усьиъ его гармоническіе стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esse Sorga
Si stà: ne chi lo scorga
V'è, se no amor, che mai no'l lascia un passò
E l'immagine d'una che lo strugge.

Щасливый Шолье мечшалъ подъ вешхими и шѣмешыми древами Фоншенейскаго убѣжища; шамъ сожалѣлъ онъ объ ушрашѣ юности, объ ушрашѣ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичъ жилъ въ мірѣ фантазій, имъ со-

зданномъ, когда рука его рисовала пѣ-
нишпелное изображеніе Душеньки. (*)
Державинъ на дикихъ берегахъ Суны,
орошенный кипящею ея пѣною, воспѣ-
валъ Водопадъ и Бога въ пророческомъ
изспуленіи. И въ наши времена, бо-
лѣе обильныя славою, нежели благо-
пріятныя Музамъ, Жуковскій, опор-
ванный Беллоною опъ милыхъ полей
своихъ, Жуковскій, одаренный пламен-
нымъ воображеніемъ и рѣдкою способ-
ностію, передавалъ другимъ глубокія
ощущенія души сильной и благород-
ной: — въ станѣ воиновъ, при громъ
пушекъ, при заревъ пылающей Споли-
цы, писалъ вдохновенные стихи, ис-
полненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣешь споль
сильное вліяніе на произведенія Поэта,

(*) Богдановичъ жилъ въ совершенномъ уеди-
неніи. У него были два товарища, до-
стойные добродушнаго Лафоншена: кошъ
и пѣшухъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о
друзьяхъ своихъ, рассказывалъ чудеса, без-
покоился объ ихъ здоровьѣ и долго оплаки-
валъ ихъ кончину.

по воспишаніе дѣйствуешь на него еще сильнѣе. Ничто не можешь изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности! Время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхитительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо врѣзывающіяся въ память, и душа, утомленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимають однѣ спраги; въ преклонныхъ лѣтахъ человекъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ оспается по единствено, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ природа соединяетъ вечеръ съ утромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ утреннею въ долгіе дни лѣта подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ.

Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ cadaго человека, если не изглаживающіяся во все печеніе его жизни; то тѣмъ болѣе они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свѣжестъ въ душѣ Писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

Утѣшно воспоминашь подъ старость дѣш-
ски дѣшны,
Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоя-
тельствъ жизни великихъ Писателей,
то безъ сомнѣнія могли бы найти въ ихъ
твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда силь-
ныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою
особенную память. Руссо помнилъ на-
чало пѣсни, которую ему напѣвала
его добродушная шешка. Молодой Ари-
остъ, въ бытность свою во Флоренціи,
влюбился въ прелестную женщину.
Онъ часто посѣщалъ ее; цѣлые часы
въ глубокомъ безмолвіи просиживалъ
любясь красавицею, которая выши-
вала по серебру пурпурнымъ шелкомъ.
Впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсе-
гда осталось въ памяти любовника, и
сподъ сильно, что въ послѣдствіи вре-
мени, рассказывая бывшу Мандрикала
съ злополучнымъ Сербиномъ, онъ срав-
ниваетъ алую кровь, текущую изъ глу-
бокой раны юноши, съ пурпурными
начертаніями, которая вышивала по
серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной

Флореншинки. Нѣжныя сердца помнятъ
 шѣ мѣста въ Виргиліи, гдѣ Поэтъ го-
 воритъ о своей милой Маншѣ: сти-
 хи Римскаго Омера исполнены воспо-
 минаній о юности; они исполнены сихъ
 глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній,
 копорыя, погружаятъ чинашеля въ
 сладкую задумчивость, напоминая ему
 его собственную жизнь и ясную зарю
 молодости.

Климашъ, видъ неба, воды и земли
 — все дѣйствуетъ на душу Поэта,
 опверзшую для впечатлѣній. Мы ви-
 димъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ Скальдовъ
 и Эрскихъ Бардовъ нѣчто суровое,
 мрачное, дикое и всегда мечтатель-
 ное, напоминающее и пасмурное небо
 сѣвера и шуманы морскіе и всю при-
 роду, скудную дарами жизни, но все-
 гда величественную, прелестную и въ
 ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый от-
 печатокъ климата въ Стихотворцахъ
 полуденныхъ: нѣкоторую нѣгу, рос-
 кошь воображенія, свѣжестъ чувствъ
 и ясность мыслей, напоминающихъ и
 небо и всю благошворную природу

спранъ южныхъ, гдѣ челоуѣкъ наслаж-
даешся двойною жизнью въ сравненіи
съ нами, гдѣ все пишашъ и нѣжишъ
его чувствъ, гдѣ все говоришъ его во-
ображенію. Напрасно уроженецъ Сици-
ліи или Неаполя, желалъ бы состя-
зашься въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ
Морвена и описывашъ, подобно ему,
мрачную природу сѣвера: напрасно
сѣверный Поэтъ желалъ бы изобра-
жашъ роскошныя долины, прохладныя
пещеры, плодоносныя рощи, тихіе за-
ливы и небо Сициліи, высокое, про-
зрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ,
рожденный подъ раскаленнымъ солн-
цемъ Неаполя, могъ описашъ столь
вѣрными и свѣжими красками ужасную
засуху, гибельную для крестовыхъ во-
иновъ. По сему описанію, говоришъ
ученый Женгене, можно узнашъ полу-
деннаго жителя, который неоднократно
подвергался смертному вліянію въ-
провъ Африканскихъ, неоднократно
изнемогалъ подъ бременемъ зноя. — У
насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу
шумнаго моря, воспитанный въ шру-
дахъ промысла, сопряженнаго съ опа-

сностію , сей удивительный человекъ въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями природы: солнцемъ , которое въ должайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова воссѣаетъ и снова печетъ по тверди небесной; сѣвернымъ сіяніемъ , которое въ полуночномъ краю замѣняетъ солнце и проливаетъ холодный и дрожащій свѣтъ на природу, спящую подъ глубокими снѣгами: Ломоносовъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ описываетъ сіи явленія природы , величественныя и прекрасныя, и повсюду речетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ :

Закрылись крайніе съ пучиною лѣса
Лишь съ моремъ видны вокругъ сіянны небеса.

.

. . . Сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Ошкрылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся
входъ,

Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ влажныхъ берегахъ крушась печальна
Уна

Медлительно печетъ въ объятія Непшуна.....

Достигло дневное до полночи свѣшило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
 Какъ пламенна гора казалось средь валовъ
 И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ.
 Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злашихъ зыбей пловцамъ сверкающъ
 въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ
 стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія велико-
 лѣпны: горящее лицо солнца, проши-
 воположенное хладнымъ водамъ океана;
 солнце, остановившееся на горизонтѣ,
 и подобно пламенной горѣ простираю-
 щее блескъ изъ за льдовъ, суть перво-
 класныя красоты описательной Поэ-
 зии. Два послѣдніе стиха, заключаю-
 щіе картину, восхищительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злашихъ зыбей пловцамъ сверкающъ
 въ очи.

Но мы замѣтимъ, что Поэтъ не
 могъ бы написать ихъ, если бы онъ не
 былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго яв-
 ленія, которое поразило огненное во-
 ображеніе вдохновеннаго оупрока и
 оставило въ немъ глубокое, неизгла-
 димое впечатлѣніе.

III.

О ХАРАКТЕРѢ ЛОМОНОСОВА.

По слогу можно узнатьъ человека, сказалъ Бюфонъ: характеръ Писателя весь въ его швореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова, мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любитель Слова, скажу болѣе, наблюдатель-Философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человека; познакомиться съ нимъ, узнать его спра-ски, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. „Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеоб-

щаго порядка, не можешь быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ“, говорилъ о Ломоносовѣ Писапель, котораго имя равно любезно Музамъ и добродѣтели. Сія истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполне овладѣть душою опрока, воспитаннаго среди болотъ Холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственные огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души — было къ тому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе шуклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предприимчивость, удивительная въ столь нѣжномъ возрастѣ, не означали ли великую душу, и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, постоянство

въ преодолѣніи преградъ, поставлен-
ныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзоспъ
въ предпріятіяхъ, увѣчанная сіяющимъ
успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены
были съ сильными спраспями, съ пла-
меннымъ сердцемъ; или, лучше сказалъ,
происпекали изъ оныхъ, и пошому
должно ли удивлялся, что Ломоно-
совъ въ молодоспи своей пожершво-
валъ всѣми выгодами любви? Въ Мар-
бургѣ онъ женился тайно на дочери
бѣднаго ремесленника и въ скоромъ вре-
мени обстоятельствва принудили его
разлучишъ съ супругою. Музы лю-
башъ провождашъ любимцевъ своихъ
по шернишой шропъ нещаспїа въ
храмъ славы и успѣховъ. Бѣдспвіа не
всегда убивающъ таланшъ: напрошивъ
шого, они пробуждающъ въ душѣ мно-
жесшво прекрасныхъ свойсшвъ, и зна-
комяшъ ее съ собственными силами.
Ломоносовъ, гонимый судьбою, скишал-
ся по Германіи, переходилъ изъ земли
въ землю, безъ пристанища, часшо
безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со
всѣми нуждами и горесшями, и нико-
гда, нигдѣ не пресшупилъ законовъ че-

спи, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностью, (возвратясь въ Петербургъ) прочиталъ онъ письмо ея, и воскликнулъ предъ посланнымъ отъ Г. Беснуева: „Боже мой! могу ли ее оставить!“ — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣть наблюдателю челоуѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно противъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и непрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя лѣта юности, проведенныя посреди непостоянной снѣжи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ

Ледовишаго моря, кораблекрушеніе и
хладный прупъ отца его, выброшен-
ный на шопъ самый островъ, куда
Ломоносовъ въ молодости своей при-
спавалъ съ нимъ для совершенія рыб-
ной ловли. Онъ въ ужасъ проснулся.
Напрасно призываешь на помощь раз-
судокъ свой, напрасно желаешь разсѣ-
лять мрачные слѣды сновидѣнія: мечта
оспаешся въ глубинѣ сердца и ничто
не въ силахъ изгладить ее. Снова за-
сыпаешь и снова видишь шумное мо-
ре, необитаемый островъ и блѣдный
прупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко
увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе
влагаешь въ насъ какія-то тайныя
мысли, какое-то неизъяснимое пред-
чувствіе будущихъ злополучій, и со-
бытіе часто подтверждаетъ предска-
заніе таинственнаго сна—къ удивленію,
къ смиренію слабаго и гордаго раз-
судка. Ломоносовъ это слышалъ въ
жизни своей. Ощецъ его погибъ въ
волнахъ и тѣло его найдено рыбаками
на томъ необитаемомъ островѣ, ко-
торый назначилъ имъ печальный сынъ,
по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По крапкой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы шѣснѣе знакомимся съ Поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношесство необыкновеннаго человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоценны. Конечно Ломоносовъ, въ ошкровленной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ рассказывать имъ первыя свои печали и наслажденія; съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крило съ священные пѣсни и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиліемъ онъ промыслилъ Славенскую Грамашику и Ариѳметикику: *врата утѣности своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! Какъ трепетало отъ радости, вступая въ обширную Москву!... Къ сожалѣнію, немного подробностейъ дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменитаго человека, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человекомъ

въ кругу пріятелей своихъ , людей
весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тре-
діяковскій съ *братією* бытъ цѣнише-
лемъ величайшаго ума своего времени,
цѣнишелемъ Ломоносова?

Но къ щаспію нашему, Россія имѣ-
ла въ молодомъ Вельможѣ покровителя
дарованій. Мы забудемъ со временемъ
однофамильца Шувалова, копорый пи-
салъ остроумные стихи на Француз-
скомъ языкѣ, копорый удивлялъ Пар-
ни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольшера,
ученыхъ и неученыхъ Парижанъ лю-
безноспію, веселоспію и учтивоспію,
доспойною времянь Лудовика XIV: но
того Шувалова, копорый покрови-
тельсвовалъ Ломоносова, никогда не
забудемъ. Имя его навсегда ошанелся
драгоцѣнно Музамъ опечесшвеннымъ.
Онъ былъ все для нашего Лирика: дѣя-
тельный и просвѣщенный покрови-
тель, попечительный другъ, часпо
снисходительный, и всегда посшоян-
ный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ
бы предпринять сихъ великихъ тру-
довъ, пребующихъ издержекъ и безпре-

станныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ ученый, какъ Спихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко славѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человека: щастливый Поэтъ нашелъ въ Вельможѣ истинный патриотизмъ, обширныя свѣденія, вкусъ образованный и, что всего лучше — благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ: (рѣдкое явленіе!) Вельможа и Поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ Словесности Русской: въ нихъ видѣнъ и Спихотворецъ и покровитель его. Они заключають въ себѣ множество любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и наконецъ извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, достойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ умеръ прекрасною смертію, (*) и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, спрашась, чтобы сей случай

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

не былъ перетолкованъ противу Наукъ ,
вѣчно ему любезныхъ! Часно въ пись-
махъ своихъ онъ жалуется на Тредіа-
ковского и Сумарокова. Если сіи спро-
ски доказываютъ печальную истину :
что дарованія, во всѣ времена , даже
при самой колыбели Словесности, имѣ-
ютъ враговъ и завистниковъ : то онъ
же , къ радости нашей , открываютъ
прекрасную душу великаго Писателя:
„Никакого не желаю мщенія, гово-
ришь онъ , но способовъ продолжишь
труды мои для славы, для пользы
Отечества. Мои Зоицы хвалятъ меня
своею хулою, называя мои изображенія
надушыми; нападая на меня, они напа-
даютъ на древнихъ“... До послѣдней
минушы жизни своей Ломоносовъ не из-
мѣнилъ себѣ , и прелестная мысль о
славѣ его не покидала. На одрѣ муче-
ній и смерти Рафаель соболѣзновалъ
о недокончанныхъ картинахъ : нашъ
сѣверный Геній о не совершенныхъ
трудахъ своихъ. „Я умираю, говорилъ
онъ Шшелину, я умираю, пріятель! На
смерть взираю равнодушно : сожалею
о томъ, чего не успѣлъ довершить для

пользы Наукъ, для славы Опечества и Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнушъ вмѣстѣ со мною...

Тѣнь великаго Спихотворца ушѣ-
шилась. Труды его не пошерыны. Имя
его безсмертно.

IV.

ВЕЧЕРЪ У КАНТЕМИРА.

Антіохъ Кантемиръ, Посланникъ Русской при дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время онъ должностно онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плу-тарха, Горація и Виргилія: „Щасливъ, кто довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ заиски и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

..... съ вами, Греки и Латины...
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.“

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто, углублен-

ный въ исчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истины и — подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался Науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи, — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума, и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знашнаго человѣка можешь собирать безпрестанно похвалы и привѣщанія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, дають право гражданства въ республикѣ Словесности, Кантемиръ.... писалъ Русскіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Брось же на островъ необитаемый Матемашика и Стихотворца, говорилъ Даламберъ: первый будешь проводить линіи и составляешь углы, не заботясь, что никто не воспользуе-

ся его наблюденіями; впорый перестанешь сочинять стихи, ибо нѣкому хвалишь ихъ: слѣдственно Поэзія и Поэтъ, заключаешь *разсудительный* Философъ, пишущая суешностію. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его *Русскими* стихами? — Въ самой Россіи, гдѣ общество, Науки и Словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ пишется хвалою, но истинный, великій талантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суешнымъ — равно какъ и ученый; — но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Капуломъ о нашемъ Бавіѣ:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издася по-
слѣдній стихъ.

почти поже можно сказать о вели-
комъ Стихошворцѣ. На одрѣ смерти
Серванпесъ не покидалъ пера своего.
Камоенсъ писалъ Лузіяду посреди пле-
мень дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ,
въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ
Музами. Державинъ, за часъ предъ
смертію, хладѣющими персами из-
влекалъ звуки изъ безсмертной лиры
своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ
суешности?... Но возвратимся къ
Кантемиру.

Однажды по вечеру Монпескье и
Аббатъ В., извѣстный оспроумецъ, на-
вѣспили нашего Стихошворца. Онъ
бесѣдовалъ съ своею Музою и не при-
мѣнилъ входящихъ друзей, копорые
имѣли къ нему свободный доступъ.
Нѣсколько минушъ — Кантемиръ пере-
чишывалъ начало посланія своего къ К.
Никишѣ Трубецкому, и всегда съ но-
вымъ жаромъ и удовольствіемъ. При-
чненіи спокойное, и даже холодное
лице Кантемира примѣннымъ обра-

зомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорѣлись и рука его ударяла шакшу по опверзшой предъ нимъ книгѣ. Моншескѣе взглянулъ на Аббаша, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хошѣли безпокойшь Миниспра, полагая, что онъ занятъ важнымъ Государспвеннымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, отглянулся — и бросился обнимашъ неожиданныхъ госпей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору — Ни мало! — Вы чишали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечишывалъ списхи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли. — Русскіе. — Русскіе списхи! восклицалъ Аббашъ, пожимая плечами ошъ удивленія: Русскіе списхи! эшо любопышно...

КАНТЕМИРЪ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою спрасшь къ древнимъ Писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравнишься съ древними Поэтами Рима,

я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ, или — какъ спраспный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали спиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называющъ метроманіею?

МОНТЕСКЬЕ.

Ваша правда. Я не писалъ спиховъ, но люблю спихи, когда нахожу въ нихъ сполько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Сапиры и Посланія Горація: онъ знакомящъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся попомковъ Брушовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечипываю съ удовольствіемъ; прямой Римлянинъ душою! Онъ шоже въ спихахъ, чшо Тацитъ въ прозѣ. Я люблю шворенія сихъ Поэшовъ, какъ памяшники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужесшвеннаго, обидьнаго, выразишель-

наго : почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ,

А Б Б А Т Ъ В.

И Г. Президентъ конечно сожалѣешь, что вы пишете Русскіе стихи. Зная совершенно языкъ Лапінскій и нашъ Французскій, столь ясный, починый и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія,

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Сожалю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкъ необразованномъ? Вы пишете по Русски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ,

К А Н Т Е М И Р Ъ.

Справедливо: Русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразишель, какъ языкъ Лапінскій, и со временемъ будетъ починъ и ясель, какъ языкъ остроумнаго Фоншенеля и глубокомысленнаго Моншескѣ. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими

трудностями: принужденъ изобрѣшашъ безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, копорыя безъ сомнѣнія обвѣщающъ черезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фоншенелевы, я создавалъ новыя слова: Академія Пешербургская часто одобряла мои опыты. Я очищаль путь для моихъ послѣдователей.

АББАТЬ В.

Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоишь всѣ шонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка Французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фоншенеля?

КАНТЕМИРЪ.

Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѣи заславили плѣннаго Грека изваяшъ Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной Ваяшель; въ Скиѣи не было ни Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ—соотечественникъ Праксипелевъ, употребилъ гру-

бый гранитъ , молодъ , просхую пилу
и создалъ нѣчто похожее на Венеру,
слѣдуя заочно образцу , споль слав-
ному не только въ Греціи , но даже
въ земляхъ варваровъ. Скиѣы были до-
вольны , ибо не знали божественнаго
подлинника , и поклонялись новой Бо-
гинѣ съ дѣшскимъ усердіемъ. Скиѣы —
мои соотечественники ; Праксипелева
сшашуя — книга безсмертнаго Фон-
шенеля — а я сей Грекъ , неискусный
Ваятель.

АББАТЬ В.

О! вы слишкомъ скромны , почтен-
ный Князь!

КАНТЕМИРЪ.

Не довольствуясь опытомъ моимъ
надъ Фоншенелемъ , я принялся за Пер-
сидскія письма.

АББАТЬ В.

Персидскія письма по Русски

МОНТЕСКЬЕ.

Могъ ли я ожидать , что первое ,
слабое произведеніе моего пера опиши-

мешъ у васъ столько драгоцѣннаго времени?

АББАТЪ В.

Теперь Гиперборейцы узнають, какъ въшрены и малодушны обманатели береговъ Сейны.

КАНТЕМИРЪ.

И какъ оспроумны.

АББАТЪ В.

Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель, — копорая васъ превозносишь, но въ душѣ своей ненавидишь — давно предсказывалъ вашу славу, Г. Монпескьё!

Въ землѣ своей никшо Пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось, какъ видишь. Легко бышь можешь, чпо въ эшу самую минушу, на берегахъ Ледовишаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пусшыняхъ Тапаріи — чишають ваши оспроумныя письма, и имя Монпескьё гремишь въ спановищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Читають Персидскія письма при
свѣтѣ лампы, налишой рыбьимъ жи-
ромъ. . .

АББАТЪ В.

Или при свѣтѣ Сѣвернаго сіянія. . .
Конечно странно, чудесно! — А мы го-
воримъ съ такимъ пренебреженіемъ о
великой Московіи!

КАНТЕМИРЪ.

Калмыки и Самоѣды не читають
Философическихъ книгъ, и конечно дол-
го читать не будутъ. Но въ Москвѣ
многолюдной, въ раждающейся Споли-
цѣ Петра, въ монастыряхъ малой и
великой Россіи, есть люди просвѣщен-
ные и мыслящіе, копорые умѣють на-
слаждаться прекрасными произведені-
ями Музъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Число такихъ людей должно быть
весьма ограничено. До сихъ поръ я
думаю и думаю, что климатъ вашъ

суровый и непоспоянный, земля по большей части неплодная, покрывшая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, трудность сообщеній, образъ правленія почти Азіатскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденные вѣками навыка — все это вмѣстѣ надолго замедлило ходъ ума и просвѣщенія. Власно климата есть первая изъ власней.

АББАТЪ В.

Я съ вами согласенъ; и полагаю, что все усилія испанскаго Царя, все что онъ ни сошворилъ желѣзною рукою, все — разрушится, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возмущъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный шуманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

КАНТЕМИРЪ.

Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги о существѣ законовъ,

и съ вами , любезный Аббашъ. Россія пробудилась ошъ глубокаго сна , подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣпившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро , великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вошъ мое пророчество!

АББАТЪ В.

Но эшо не заря — Сѣверное сіяніе. Блеску много , но безъ свѣта и безъ теплоты.

МОНТЕСКЬЕ.

Оспроумный Аббашъ сказалъ великую истину. Положимъ — шрудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правительство опокроешъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будешъ безпрестанно призывашъ иностранцевъ для воспитанія юношества, построишъ теплые дома для училищъ, и, изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберешъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что Правительство образуешъ военныхъ людей, довольно искусныхъ , нѣ-

сколько мореходцевъ , небольшое число Артиллеристовъ , Инженеровъ и проч. Но скажите, можете ли Правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ Наукамъ опвлеченнымъ , умозрительнымъ ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можете вамъ даровать новое небо , новый воздухъ, новую землю ?

А Б Б А Т Ъ В.

И новое солнце? Какъ можно сѣять науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на броздахъ, попомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою онъ холоду чугуна распадается и шопоръ жидкости рубитъ?

Caeduntque securibus humida vina!!!

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Холодной воздухъ сжимаетъ желѣзо; какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость,

крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплоша, напрошивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свой мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущений зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гилерборейца, чтобъ заставить его что нибудь почувствовать. (*)

А Б В А Т Ъ В.

Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественни-

(*) Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment. (?)

ковъ вашихъ, какъ Миниспръ, и на сильные, неопразимые силлогизмы Президента, отвѣчать дипломатическими, опсклоняющими истину фразами?

Кантемиръ.

Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоломъ восточной Имперіи. Следственно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я неприпворно люблю голубое небо и вѣчно зеленые оливы странъ полуденныхъ. Въ молодости я странствовалъ съ опцомъ моимъ, неразлучнымъ соупникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и теремъ боярина, мнѣ равно извѣсны. Руководимый наставленіями опца моего, просвѣщеннѣйшаго человека въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ Фило-

софіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпреспаннныя и шѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое опечесство мое окомъ безприспаннаго наблюдашеля. Въ Версали, въ кабинетъ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — представителъ великаго народа и всемогущей его Монархини: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, пославляю обязанностію говорить опкровенно; и вы, Г. Аббапъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ приспанніи или нечистосердечіи. Вашъ мой опвѣтъ: вы знаете, что Пепръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества; и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны* *всему теловѣчеству*. Не прошло пашнадаши лѣтъ — и великій Монархъ, наслаждался уже плодами знаній своихъ

сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвысили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчіи, въ Поэзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ бессмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ,

софіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпреспанныя и шѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое опечесство мое окомъ безприсраспапаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетъ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — предспавитель великаго народа и всемогущей его Монархини: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, пославляю обязанностію говорить опкровенно; и вы, Г. Аббапъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ присраспапіи или нечиспосердечіи. Вашъ мой опвѣпъ: вы знаете, что Пешръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣпъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ опъ болѣзни невѣжества; и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны* *всему теловѣчеству*. Не прошло пашнадапи лѣпъ — и великій Монархъ, наслаждался уже плодами знаній своихъ

СПОДВИЖНИКОВЪ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвысили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчіи, въ Поэзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ бессмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что Московія покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ,

почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей
 дѣятельный, сей великій духъ — не по-
 кидаешь спраны, ему любезной: онъ
 всюду присушесвуешь, все оживляешь,
 всему даешь душу, и новую жизнь и
 новую силу: онъ, кажется мнѣ, непре-
 сшанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ!
 не останавливайся на поприщѣ, мною
 опровергнутомъ, и достигнешь великой
 цѣли, мною назначенной!

Монтеस्कье.

Но Искусства? Могутъ ли они про-
 цвѣтать въ шуманахъ Невскихъ, или
 подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

Аббатъ В.

Искусства... Ахъ! имъ-то нуженъ
 прозрачный воздухъ и яркое солнце
 Рима, древней Эллады, или умеренный
 климатъ нашей Франціи.

Кантемиръ.

Полуденныя спраны были родиною
 Искусствъ; но сіи прелестныя дѣши
 воображенія были часто вышесняемы

изъ родины своей варварствомъ, еувѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быспрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульптура любящъ свое древнее отечество, а еще болѣе многочудные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питаешся плодами земли, — тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ Поэзіи . . .

АББАТЪ В.

Такъ! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на Сѣверѣ.

МОНТЕСКЬЕ.

Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Оперъ музыки, которую Англичане слушающъ спокойно, Италіянцы бывающъ внѣ себя, и прыгающъ какъ Циѳіа на пророческомъ треножникѣ.

КАНТЕМИРЪ.

Что доказываешь эшо? что чув-
ствительность народовъ южныхъ раз-
дражительнѣе, общительнѣе: но едва
ли споль глубока, споль сильна, какъ
чувствительность народовъ сѣверныхъ.
Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый
Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ
пѣсни своихъ горныхъ соотечественни-
ковъ: онѣ напоминають древняго Омера,
и силою мыслей, глубиною чувствъ
превосходять многія произведенія Музы
Италіанской,

АББАТЪ В.

Невѣроятно!

КАНТЕМИРЪ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни:
въ нихъ дышитъ нѣжность, краснорѣчіе
сердца; въ нихъ видна сія задумчи-
вость, тихая и глубокая, копорая
даетъ неизъяснимую прелестъ и са-
мымъ грубымъ произведеніямъ сѣвер-
ной Музы.

АББАТЪ В.

Чудесно! по чести невѣроящю!

КАНТЕМИРЪ.

... Скажите, если грубыя дѣши
Сѣвера умѣютъ чувствовать и изъ-
ясняясь споль живо и пріятно, то
чего нельзя ожидать намъ отъ людей
образованныхъ?

АББАТЪ В.

Но... почтенный защитникъ Сѣ-
вера... вы знаете, что народныя пѣ-
сни... лепешаніе младенцевъ!

КАНТЕМИРЪ.

Младенцевъ, копорые со временемъ
возмужаютъ. Какъ знаешь? можешь
быть на дикихъ берегахъ Камы или
величественной Волги — возникнутъ ве-
ликіе умы, рѣдкіе таланты. Что ска-
жете, Г. Президентъ, что скажете,
услыша, что при льдахъ Сѣвернаго
моря, между полудикихъ родился ве-

ликій Геній? Чѣмъ онъ прошелъ исполненскими шагами все поле наукъ; какъ Философъ, какъ Орапоръ и Поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Чѣмъ скажете, если . . .

АББАТЪ.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли прискупомъ Парижъ, и уничтожили всѣ крепости, Вобаномъ построенныя!!! *Впротемъ, для гудесъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ Фонпенель съ значительною усмѣшкою, прочишавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши можете быть и сбудутся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ утраченными надеждами Аспольфа. Но, простите моему чистосердечію . . . признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнея — писать Русскіе стихи?

КАНТЕМИРЪ.

Это напоминаешь: какъ можно быть Персіяниномъ?

МОНТЕСКЬЕ.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: слѣдственно пишете Сапиры, — Сапиры на нравы . . . копорые еще не установились. Горацій и Ювеналь осмѣивали пороки народа развращаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при дворѣ Великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе коренныхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Ташарскихъ обычаевъ, съ нѣкошорымъ блескомъ роскоши Азіатской, съ нѣкошорыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая пища для Поэта сапирическаго? Мо-

гушь ли проникнушь шонкія спрълы
 Эпиграммы сквозь пройную броню
 невѣжесшва, и уязвишь сердце окаме-
 нѣлое опъ пороковъ, закаленное въ не-
 вѣжесшвѣ? И что значашъ сіи спрълы
 въ землѣ, гдѣ женщины, хранишельницы
 нравовъ, едва начинающъ освобождатьсь
 изъ подъ ига мужей своихъ; въ землѣ,
 гдѣ общественное мнѣніе еще ша-
 таешся, еще не успановилось и не
 можешъ наказывать своимъ пригово-
 ромъ того, что не подлежишь суду
 законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно
 смѣясь говоришь истину власшелинамъ
 или рабамъ? Первымъ — опасно; дру-
 гимъ — бесполезно.

КАНТЕМИРЪ.

Пользуясь покровительствомъ Мо-
 нарховъ и вельможъ, занимающихъ пер-
 выя степені въ Государствѣ, я безъ
 страха говорилъ истину, и мои Са-
 шеры принесли нѣкоторую пользу.
 Пешръ Великій, преобразуя Россію, спа-
 рался преобразовать и нравы: новое
 поприще открылось наблюдашело чело-

вѣчества и спрасшей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣщеніе старины и новизны, двѣ стихіи въ непрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя плашья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое плашье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и шѣмъ казались еще страннѣе: другіе, опложа бороду и длинный кафтанъ пращеческій, съ плашьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости занявъ не умѣли. Часныя перемѣны при дворѣ возводили на высокія степени государственныхъ людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемеріе и явный развратъ, скупость и распочительность неимоверная: однимъ словомъ, спрасши, по всему прошиву по-

ложенныя сливались чудеснымъ обра-
 зомъ, и представляли новое зрѣлище
 равнодушному наблюдателю и Фило-
 софу, который только оцупью, и съ
 Гораціемъ въ рукахъ, могъ ошискашь
 щасливую средину вещей. Я спарался
 изловить нѣкоторыя черпы сихъ вре-
 менъ; скажу болѣе: я спарался явить
 порокъ во всей наготѣ его, и намѣк-
 нуть соотечественникамъ истинный
 путь честности, благихъ нравовъ и
 добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архи-
 мандритъ Кроликъ, оба достойные
 пастыря; Никиша Трубецкій и другіе
 вельможи одобрили мои слабыя опыты,
 мое перо неискusstное, но смѣлое, чисто-
 сердечное. Я первый осмѣлился писать
 такъ, какъ говоряшь: я первый изгналъ
 изъ языка нашего грубыя слова Сла-
 вянскія, чужестранныя, несвойствен-
 ныя языку Русскому, — и открылъ
 новую дорогу для грядущихъ талан-
 товъ. Сапиры мои будутъ имѣть нѣко-
 торую цѣну для пошомковъ нашихъ,
 подобно древнимъ картинамъ первыхъ
 живописцевъ, предшественниковъ Ра-
 фаеля: въ нихъ они найдутъ изображеніе

вѣрное нравовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ временъ Петра, до царствованія щасливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (простите мнѣ Авшорское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе пошому, чшо я первый осмѣлился говорить языкомъ Музы и Философіи, нежели пошому, чшо занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

АББАТЪ В.

Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Мы желали бы видѣть ваши Саширы на Французскомъ языкѣ. Отъ части я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вошъ и Аббашъ Гуаско, вашъ пріятель...

Вы очень къ спашу навѣспили насъ! сказала Каншемиръ обнимая Аббаша. Вы перевели мои Саширы на Француз-

ской языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, Господа, прошу терпѣнія и снисхожденія...

Чтеніе и разговоръ продолжались долго даже за полночь. Наконецъ Монпескьё и Аббашъ В. опекланялись Миниспру и разошлись... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Каншемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббашу Гуаско: признайся, любезный другъ, Монпескьё умный человекъ, великій Писатель... но...

Но говоришь о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ Аббашъ Гуаско. — Скромный Каншемиръ улынулся, пожелалъ доброй ночи Аббашу, и они разошлись.

ПИСЬМО КЪ И. М. М. А.

О сочиненіяхъ Г. Муравьева.

Перечисывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева, (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, кошорато упрата была споль горесшна для сердца вашего. Все шѣснѣе и шѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родспвенникомъ. Самая дружба пишалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ., единспвеннымъ ушѣщительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣшущей молодоспи вашей, и позднимъ лѣшамъ пригошвила сладоспныя воспоминанія. Конечно каж-

дый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаеть вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ; ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго Поэпа Маншуи, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою прелестью сценаній Пепарка; однимъ словомъ, всѣми сокровищами древней и новѣйшей Словесности.

Впоруую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ Г. Муравьева, могу смѣло отнести на щепъ пользы общественной. Въ 1810 году Г. Карамзинъ взялъ на себя пріятный трудъ быть издавателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части Исторіи; ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о Писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Спроси его къ ученію равнялась въ

немъ только со спраспію къ добродѣтели.“ Прекрасныя слова, и совершенно справедливыя! Кшо зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тошъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души. Онѣ клонились къ пользѣ общественной, къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ, и особенно къ успѣхамъ опеческвенной Словесности. Онѣ любилъ Опеческво и славу его, какъ Цицеронѣ любилъ Римѣ; онѣ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея любовникѣ, и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, оспался вѣренѣ своей благородной спраспи.

Послѣ долгаго опсушествія возвращаясь въ опчизну, и съ новымъ удовольствіемъ принимаясь за Русскія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или спрогаго приговора сочиненіямъ Г. Муравьева. Чепыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣшъ, и никто, ни одинѣ изъ журналистовѣ не упоминаелъ объ нихъ (*). Чему при-

(*) Въ прошломъ 1813 году Г. Гнѣдичѣ упомянулъ о сочиненіяхъ Г. Муравьева, говоря о

писать сіе молчаніе? Лѣни Гг. Редакторовъ и холодноспи чашашелей къ книгамъ полезнымъ, которыхъ появленіе столь рѣдко на горизонтѣ нашей Словесности. Нѣкоторые изъ Гг. журналистовъ нашихъ поспавляютъ себѣ долгомъ говорить только о томъ, что подѣйствовало на чернь нашей публики. Они захвалятъ по одному предубѣжденію юный, возникающій талантъ, или въ одномъ словѣ напишутъ ему спрашный и несправедливый приговоръ. Ихъ лѣность собираетъ плоды съ одного невѣжества. Къ несчастію, они во многомъ похожи на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присуществуютъ сprogіе судьи искусства.

Я пропушу другую причину хладнокровія и малаго любопытства нашей

лучшихъ нашихъ прозаическихъ Писателей въ *Разсужденіи о пригинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словесности*. Мы съ удовольствіемъ слышали, что Е. П. Г. Попечитель С. П. бургскаго Учебнаго Округа предписалъ чшеніе сочиненій Г. Муравьева, въ училищахъ сего округа.

публики къ опечесшвеннымъ книгамъ. Онъ происходяшъ отъ исключительной любви къ Французской Словесности — и эта любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможные испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей щепъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Тали и людей

(*) Бурный и славный 1812 годъ миновался, и любовь къ Отечеству, страсть благородная, не ослабляетъ насъ на щепъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателей Лудовикова вѣка: не Сѣверъ есть родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Аттилы, пошутили пламенникъ брани въ Отечествѣ Расина и Мольера, и на другой день по всшупленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали величественнымъ стихамъ Французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. *Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія.* Истина неоспоримая, которую Г. Уваровъ, въ письмѣ къ Г. Капнисту, изложилъ столь блестящимъ образомъ., Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней Словесности, говоришь почтенный защитникъ Омера и экзаменовъ, ни какая

просвѣщенныхъ... остались безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо увѣренъ, что есть благоразумные чишатели, которые, желая находить въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи недовольны нашею Литературою, споль бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ горестію прибѣгають къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги и перечисываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. Муравьева вообще, и намяну имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піесъ, которыя, какъ говоритъ Г. Карамзинъ, были написаны

новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи объять все поле человеческого ума. обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть.,,

Авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленія въ Россійскомъ языкѣ, въ Нравственности и Словесности (*).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ, Авторъ, подобно Фоншенелю, заставляешь разговаривать ихъ шѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій Писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшають какую нибудь истину блестящими словами; онъ, кажется намъ, любующая сами шѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фоншенеля не рѣдко древніе Герои преображаются въ придворныхъ Людовика времени, и напоминають намъ живо учтивыхъ паспуховъ того же Автора, которымъ не доспаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ королевской перед-

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. —

ней, какъ замѣчаетъ Вольперъ — не помню въ копоромъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно шому прошивное: всякое лице говоришь приличнымъ ему языкомъ, и Авпоръ знакомить насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и пр. Онъ, какъ Фонпенель, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или политическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумія, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лице. — Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе неразлучно съ человеколюбіемъ, онъ заставляетъ разговаривать Игоря и Ольгу, копорая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятіямъ воспитанія и народныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену Карла Великаго и Владиміра, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: „Слава добрыхъ Государей никогда не погибаетъ, и безприсрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ нѣкоторыя легкія несовершенства человеке-

ства, представляешь добродѣтели ихъ для подражанія попомспиву.“ И такъ далѣе.

Сии разговоры и Письма Обишателя предмѣсныя могушь замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ Писателей. Въ нихъ моральныя истины изложены съ такою ясностію, съ такимъ добродушіемъ, облечены въ столь пріятныя формы слога, что самая разборчивая критика увѣнчаетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удосповѣряють примѣры. Возьмемъ ихъ наудачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный отъ городского шума, въ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ — „на берегахъ свѣтлаго ручья, по кошорымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника“ — пишешь къ своему пріятелю о различныхъ предметахъ, его окружающихъ; веселишься сельскими картинами, мирнымъ щасіемъ полей и человекомъ, обитающимъ посреди чудесъ первобытной природы. Часто облако задумчивости осѣняетъ его душу; часто углубляется онъ въ самага себя, и

извлекаешь истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, просная, но веселая Философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизяснимой прелестью дышешь въ сихъ письмахъ. „Никакое непріятное воспоминаніе не осправляетъ моего уединенія: — (здѣсь видна вся душа Автора): чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели; оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благошворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что будучи поставленъ между добродѣтели и несчастія, выберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можешь чинить самаго себя?“ — Прекрасныя, золотыя строки! Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ? — Потомъ, описавъ сладостныя занятія любителя Музы въ тихомъ кабинетѣ, нашъ Авторъ прибавляетъ: „И послѣ

шого есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніи, въ многлюдствѣ, далеко отъ домашнихъ Боговъ своихъ! — Какое щастіе ошерешъ слезы невинноспраждающаго, оказашъ услугу маломощному, облегчишъ зависимость подчиненныхъ? Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовашъ себя въ другомъ, разумѣшъ другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кто называетъ *дружбу*, называетъ *добродѣтель*.“ — Сіи спроки, и многія другія, напоминающъ намъ Монтаня, шамъ, гдѣ онъ, предаваясь щастливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесѣ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравственная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержаться отъ удовольствія выписывать; при томъ это единственный и лучший способъ пока-

(*) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aime, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi. *Монтань*.

зашь красоты сочиненія и дашь ясное понятіе объ Авторѣ. „Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пути своего, поконлося за мгновеніе предъ закапомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крупомъ берегу Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, съ крошкимъ моимъ наставникомъ. Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не разцвѣтала еще совершенно. Мы касались оба противоположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ, и часто позабываясь, мнилъ я видѣти въ немъ старшаго и благоразумнаго товарища. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тоиъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой! — (Симъ именемъ любви я одолженъ былъ нѣжности сердца его) — Озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жашвы, и напояющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ твоємъ благополучія? — Чудеса природы не довольны ли для шастія человека? Но

одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелестъ наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы, вкушается только невиннымъ сердцемъ. Одно щастіе — добродѣтель; одно несчастіе — порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть твоишь и природу спокойною. — Слова его проникли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія старца.“ —

Другіе отрывки принадлежатъ къ вышнему роду Словесности. Между ими повѣсть Оскольдъ, въ которой Авшоръ изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотою. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, копорыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ степи и дремучія лѣса полуобитаемой Россіи; то на бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей; то въ непро-

ходимыя снѣжныя пустыни Біарміи,
 освѣщенныя холоднымъ солнцемъ; по
 въ роскошное Царство Михаила: — „гдѣ
 игры, удивительныя ристалища зани-
 мающъ ежедневно праздность народа. —
 Щасливъ, кто видѣлъ все сіе еди-
 нжды въ жизни! Сладостное воспомина-
 ніе распространился на оспальное ше-
 ченіе дней его, и облегчилъ ему бремя
 ненавистной сшарости.“ — Авпоръ,
 съ обыкновеннымъ искусствомъ гово-
 ритъ о Труворѣ и Синеусѣ, сохраняя
 всю приличность историческую; вы-
 водитъ честолюбиваго Вадима — „ко-
 шораго взоры изображаютъ столько
 же упрековъ Новгородцамъ, сколько
 сшрогости воинской“ — и возбуждаетъ
 въ памяти нашей цѣпь великихъ оше-
 чественныхъ воспоминаній. Сила изоб-
 рѣшенія блистаетъ въ исчисленіи
 Оскольдовыхъ ратниковъ. Они опли-
 чены рѣдкими чертами одинъ отъ дру-
 гаго; они живутъ, дѣйствуютъ передъ
 вами. „Но кто можетъ назвать имена
 безчисленнаго воинства? Таковы тучи
 пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ кри-
 комъ, когда, почувствовавъ приходъ

зимы, оставляющъ крупные берега Русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими тамъ наслаждались лѣпомъ; удивленный путешественникъ позабываетъ дорогу свою на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости морозовъ и бурныхъ вѣтровъ.“ — Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ Скальдовъ, съ златыми арфами. „Неперемѣлимый, добрый между ими, юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли безплодной почувствовалъ вдохновеніе Скальда, оставилъ съши и парусы, способы скуднаго пропитанія, и воспѣлъ соотчичамъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Герояхъ.“ Эпошъ юный Скальдъ напоминаетъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ виду нашъ Авторъ, и здѣсь, сохраняя всю приличность разсказа, представилъ намъ въ блистательномъ видѣ опца Русскаго Стихотворства, сего чудеснаго мужа, котораго не только дарованія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды въ Искусствахъ и Наукахъ, но самая жизнь,

исполненная Поэзіи — если смѣю упо-
требить сіе выраженіе — заслужи-
ваетъ вниманіе позднѣйшаго попом-
ства (*).

Искусство, неразлучное съ глубо-
кимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего
блистаетъ въ описаніи нравовъ Сѣвер-
ныхъ племенъ. Авиоръ Скальда краш-
кими словами умѣетъ возбудить вни-
маніе чиншеля и перенесши его на
сцену тогдашняго міра, который зна-
комъ ему, какъ Омеру древняя Троада.
Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная
имъ для поэпического повѣствованія,
соединяетъ всѣ возможные выгоды, и
доказываетъ его вѣрный вкусъ и об-
ширные свѣденія. Дѣйствіе происходитъ
въ Россіи во времена опшдаленныя, ко-
торыя Поэпу столь удобно украшаютъ
вымыслами и цвѣтами шворческаго
воображенія. Оскольдъ, шоварищъ Рури-
ковъ, поклоняется Одну, сему крова-

(*) Мы приглашаемъ прочесть въ Опы-
тахъ Исторіи, Словесности и Правоученія
Г. Муравьева прекрасную сшашью о заслу-
гахъ Ломоносова въ Наукахъ. —

вѣстѣ божествѣ Скандинавовъ,* которыхъ и жизнь и суевѣрія ознаменованы были мрачною Поэзіею. Спутники Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть свои преданія, какъ Славяне имѣютъ свою вѣру, и отъ сего рождается пріятное разнообразіе, истинная принадлежность Эпопеи! Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жилище роскоши и нѣги, колыбель Христіанской религіи, куда кочующіе народы Сѣвера вшоргались съ мечемъ и пламенемъ для похищенія земныхъ сокровищъ, и нерѣдко возвращались съ святымъ знаменіемъ вѣры въ свои непостоянныя сѣановища. Туда усмремлены воины Оскольда и любопытство чинашеля. . . . Къ сожалѣнію, сія повѣсть не койчена: она есть начало большаго шворенія, которое безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авторъ; но Государственныя занятія отклонили его отъ Словесности. При концѣ жизни своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами, удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ начпенію древнихъ въ подлинникъ, и

особенно Греческихъ Историковъ, ему
опшъ дѣлства любезныхъ.

Историческіе опрывки Г. Муравьева
заслуживающъ особенное вниманіе, и мы
смѣло увѣримъ можемъ — опираясь на
мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой
часпи — что, на Русскомъ языкѣ едвали
находящся что нибудь подобное *Крат-*
кому Начертанію Россійской Исторіи,
напечатанному въ первый разъ въ 1810
году, и сшашьямъ, подъ названіемъ:
Разсѣянные терпы изъ Землеописанія
Россійскаго и Соединеніе удѣльныхъ
Княженій въ единое Государство. Онѣ
начертаны перомъ Ученаго, Полишика
и Философа. Вошъ рѣдкое явленіе въ
нашей Словесности! Ибо наши писа-
тели не всегда соединяли въ себѣ ка-
чествва, пошребныя Историку: Фило-
софію и Крипику. Мы надѣемся, что
ученые люди, занимающіеся опече-
сшвенною Исторіею, сообщашъ чи-
тающей публикѣ свои замѣчанія о сихъ
безцѣнныхъ опрывкахъ, а насшавни-
ки включаашъ ихъ въ малое число
книгъ, посвященныхъ чтенію юноше-

спва. Исторія наша, Исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по правамъ и обычаямъ, Исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу, должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. „Мы ходимъ, говоримъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Русскаго — мы ходимъ по землѣ, обагренной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою ноцію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время приспращія къ отечественнымъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко правамъ и добродѣтелямъ, которые суть природныя произрастѣнія нашего Отечества.“ (*)

(*) Любители Истории и Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной Истории Русской этого Писателя, который показалъ

Мы должны упомянуть о Философических и нравственных произведениях нашего Автора. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Маттисонѣ: „Тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напишало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную Грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляеши его произведенія, и всѣ явленія природы отражающа въ душѣ его со всѣми оплѣнками, какъ въ стихомъ зеркаль воды.“ — Здѣсь находимъ мы самаго Автора, вступаемъ съ нимъ въ тѣсное знакомство. Искусство человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вотъ истинная оригиналь-

намъ истинные образцы Русской прозы, и въ шрудолюбивомъ молчаніи болѣе десяти лѣтъ приготавлиеши своему Отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его твореніе будетъ имѣти непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на Словесность.

ность нашего Автора! Онъ часто, какъ будто прошивъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе* и *Роскошь*, гдѣ, описывая странный характеръ Руссо, онъ готовъ съ нимъ предасться сладостной мечтательности; — въ отрывкѣ о *Блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя счастье, увлекается своимъ воображеніемъ, и отдыхаетъ въ тишинѣ сельской, на лонѣ природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ тишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ стараго друга, который, въ откровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ тишину и ясность своей души и оставляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

Въ *Забавахъ* воображенія, говоря о
 номъ Государственномъ человѣкѣ, ко-
 торый первый въ Россіи ознаменовалъ
 дни свои покровительствомъ отече-
 ственныхъ Музъ, котораго имя должно
 быть драгоцѣнно поздному потомству:
 ибо перейдешь къ нему съ именами
 Ломоносова и Державина, — говоря о
 Шуваловѣ, Сочинитель продолжаетъ:
 „Пріятно воспоминаеть Государствен-
 наго человѣка, который былъ чувстви-
 теленъ къ прелестямъ Письменъ, По-
 эзіи и Художествъ, и посреди сіянія
 знаменитости и попеченій правленія, удо-
 стоивалъ взорами своими просвѣщеніе;
 какъ любимецъ Августовъ, или Коль-
 бертъ, давалъ покровительство Нау-
 камъ, или призывалъ дарованія изъ
 чужихъ земель.“ — Конечно иныя чер-
 ты можно примѣнить къ нашему Ав-
 тору, котораго память столь любезна
 и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣ-
 щалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія;
 они искали въ немъ покровителя, и
 часто находили попечительнаго друга.
 Имя его и до сихъ поръ почтенныя
 Члены Московскаго Университета про-

износятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердець благородныхъ! Оно напоминаетъ Опечесиву всѣ гражданскія добродѣтели.

„Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣ тонкости и разборчивости, — прибавляетъ Сочинитель въ славѣ о *Забавахъ* воображенія, изъ коихъ я выписываю сіи строки — все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, отводитъ насъ въ тоже самое время отъ грубыхъ излишествъ спрасей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безнужства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ улаживаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благошворительности.“ — Давно сказано было, что

Въ *Забавахъ* воображенія, говоря о
 номъ Государственномъ человѣкѣ, ко-
 торый первый въ Россіи ознаменовалъ
 дни свои покровительствомъ отече-
 ственныхъ Музъ, котораго имя должно
 быть драгоцѣнно поздному потомству:
 ибо перейдешь къ нему съ именами
 Ломоносова и Державина, — говоря о
 Шуваловѣ, Сочинитель продолжаетъ:
 „Пріятно воспоминашь Государствен-
 наго человѣка, который былъ чувстви-
 теленъ къ прелестямъ Письменъ, По-
 эзіи и Художествъ, и посреди сіянія
 знашности и попеченій правленія, удо-
 стоивалъ взорами своими просвѣщеніе;
 какъ любимецъ Августовъ, или Коль-
 бертъ, давалъ покровительство Нау-
 камъ, или призывалъ дарованія изъ
 чужихъ земель.“ — Конечно иныя чер-
 ты можно примѣнить къ нашему Ав-
 тору, котораго память столь любезна
 и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣ-
 щалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія;
 они искали въ немъ покровителя, и
 часто находили попечительнаго друга.
 Имя его и до сихъ поръ почтенные
 Члены Московскаго Университета про-

износятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердець благородныхъ! Оно напоминаетъ Опечесиву всѣ гражданскія добродѣтели.

„Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, — прибавляетъ Сочинитель въ спашѣ о *Забавахъ* воображенія, изъ коихъ я выписываю сіи строки — все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, отводитъ насъ въ тоже самое время отъ грубыхъ излишествъ спрасей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпущства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ улаждающія возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благопшорительности.“ — Давно сказано было, что

слогъ есть зеркало души, и относительно къ нашему Авшору, это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобишь слогу Фенелона. Таже чистота и точность выражений, стройность мыслей; таже сердечное, убѣдительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлицизмовъ и пр.

Мы предоспавимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалишь то, что достойно похвалъ и самой разборчивой Кришки, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недоспадки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Авшору; но благодарность меня не ослѣпляетъ. Я

опирался на судъ людей просвѣщен-
ныхъ, знапоковъ въ нашей Словесно-
сти, отдавая должную справедливосшь
тому, что заслуживаетъ похвалы,
и назову себя совершенно щасливымъ,
если могъ бышь, хошя слабымъ, но
вѣрнымъ ошголоскомъ ихъ мыслей и
сужденій о шомъ человекѣ, котораго
память будешъ мнѣ драгоцѣнна до позд-
нихъ дней жизни, и украсишь ихъ
горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспо-
минаніемъ прошекшаго! —

Долгомъ поспавляю упомянуть здѣсь
о сшихотворныхъ его произведеніяхъ.
Многія изъ нихъ напечатаны были безъ
имени Сочинишеля въ разныхъ Журна-
лахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи
Русскихъ Сшихотвореній, изданныхъ
Г. Жуковскимъ, который взялъ на себя
трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько руко-
писей Авшора, приготошишь ихъ для
печати, особенно то, что не входило
въ планъ книги, изданной въ Москвѣ
въ 1810 году. Конечно любишели Сло-
весности ожидають съ неперпѣніемъ
трешей части сочиненій Г. Муравьева,

кошорая будетъ состоятъ изъ его Спихошвореній. Желательно, М. Г., чшо бы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Испинному папріюшу пріятно узнать нѣкоторыя обстоятельство жизни гражданина, принесшаго пользу Отечеству непрерывными трудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнить сыновъ Россіи, прославившихъ Отечество на полѣ брани; Исторія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывать и тѣхъ согражданъ, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, оплчились гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? — Древніе, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плутархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодателей, помѣстилъ между ими Гезіода и Пиндара. — Мы желаемъ отъ всей души, чшобъ вы исполнили надежду нашу.

Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева могутъ служишь предисловіемъ къ прешней части полнаго собранія его сочиненій.

Спихотворенія Г. Муравьева безъ сомнѣнія будутъ стоятъ на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ тоже достоинство: Философія, кошорой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилѣжнымъ чтеніемъ древнихъ; стройность и чистота слога. — Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ Посланія къ покойному И. П. Тургеневу, достойному пріятелю Авшора, кошораго онъ любилъ и уважалъ еще самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ Музамъ. Онѣ запечатлѣли ихъ священный союзъ, кошорый могла разрушить единая смерть. Посмотримъ, какъ Авторъ, описывая въ своемъ Посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго отца семейства, истиннаго патриота, любителя порядка и счастья ближнихъ, описываетъ себя и друга своего. —

Любовью истины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечты.
 Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь при-
 зываетъ ;

Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ ;
 Безъ гордости великъ, и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ ;
 Онъ свято чтитъ родства священные союзы ;
 И чшобъ свободнымъ бышь, пріемлетъ легки
 узы ;

Внимательный супругъ и щасливый отецъ,
 Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ ; —
 Щасливъ, кто можетъ быть семейства
 благодѣтель !

Чшо нужды, домъ шому иль цѣлый міръ
 свидѣтель !

Таковъ Эмилій былъ, равно достойнъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при
 Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтель-
 наго и дѣштельнаго мудреца ! Прекрас-
 ный и щасливый примѣръ ! — Далѣе
 продолжаетъ Поэтъ :

Служишь Ошечеству верховный душъ обѣщъ.
 Нашъ долгъ — шуда спѣшишь, куда оно зовешъ.
 Но если въ множествѣ ревнишелей ко славѣ,
 Миѣ должно уступитъ ; уже ли буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждашь ?
 Миѣ шолько чшо — служишь ; ошчизнѣ — на-
 граждашь.

Изъ шрехъ сошъ праздныхъ мѣсцъ Спартан-
скаго Совѣща
Народъ ни на одно не избралъ Педареша.
Хвала богамъ, сказалъ, народа не вина:
Есть шриста чловѣкъ достойнѣе меня.

Здѣсь каждая мысль можешъ слу-
жишь правиломъ чесному гражда-
нину. Икакая ушѣшишельная мудросшь!
Какое сладоспное изліяніе чистой и
праведной души! Скажемъ болѣе съ
однимъ изъ лучшихъ нашихъ Писаше-
лей: Щаспливъ шомъ, кшо могъ жишь,
какъ писалъ, и писашъ, какъ жилъ!

Полезнымъ можно бышь не бывши знамени-
тымъ;

Срѣшаютъ щасшіе и по тропинкамъ скры-
тымъ.

Сей спарецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Чшо близъ Тарента макъ и розы поливалъ,
И въ поздню ночь подъ кровъ склоняся до-
машній,
Столы ошягощаль некупленными брашны;
Онъ щасстье въ хижинѣ конечно находилъ,
И пышныхъ богачей душой превосходилъ!

Топъ испинно свободень, куда бы
онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда
бы онъ ни былъ посшавленъ людьми:

управлять ими или повиноваться, сіять
въ вѣнцѣ или скрывать себя въ пу-
стынѣ; пошъ истинно щасливъ, гово-
ришь нашъ Поэтъ въ слѣдъ за Гораціемъ:

Кто щастья въ крайностяхъ всегда съ со-
бою сходитъ ;

Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ ,

Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ.

Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усми-
ряешь ,

И скуку житія ученіемъ услаждаешь.

Въ другомъ Посланіи, въ кошоромъ
Авторъ болѣе предаётся игрѣ своего
воображенія, мы находимъ блестящее
изображеніе Вольшера ,

Сего чудеснаго, столѣтняго шалбера ,

По превосходству мудреца ,

Кошорый говорилъ прекрасными стихами ,

Къ кошорому стихи въ уста входили сами....

Въ его привѣстствіяхъ невидѣнь шрудъ пѣвца—

Учшивось тонкаго Маркиза !

Замѣшьше, что Маркизь не могъ воспѣть бы
Гиза ,

Не могъ бы начертать шесшидесяти лѣтъ

Въ Кишаѣ страшнаго Чингиза ;

Пошомъ унизишь свой трагическій полешъ.

Въ Маркизѣ де Вильешъ ,

И во власахъ сѣдыхъ бренчатъ еще на лирѣ

Младья шалосши, иль растворяшь въ саширѣ

Свой лицемѣрный слогъ;
Иль философствовашъ съ величешвомъ о мірѣ,
О Міроздашелѣ: — Вольшеръ все это могъ!
И славу старость вель онъ съ завистью у ногъ
Превыше хвалъ и порицаній.

Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятію вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкой рой изъ Королевской ложи,
Плескали долго въ честь безсмершнаго шворца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! —

Такой-то нравишся намъ въ обществѣ шворецъ,
Кошорый изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями форшуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.

Къ несчастію, говоритъ Поэшъ,
трудно бышь свѣтскимъ человѣкомъ
и Писателемъ. Одно вредишь другому:

Условья общества для мыслящаго — цѣпи!
А тошъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ
искусъ,

Зѣваешь въ обхожденіи Музъ.
Въ наукѣ нравишься учу я основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлется со мной лоза,
Котарой общество чинишь увѣщеванья.
Межъ тѣмъ замедлѣны успѣхи дарованья,

Что льстился въ юности имѣшь.
 Замедлѣны? . . Я выражаюсь мало! —
 Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
 Прелестна лѣнь поставила мнѣ сѣшь,
 Изъ коей я не выду.

Не бывъ Ринальдомъ, я нашелъ свою Армиду —
 И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣшь.
 Поэтомъ шрудно быть, а легче офицеромъ —
 Съ Дорашомъ я успѣлъ сравниться въ шомъ,
 Что онъ, какъ я, былъ мушкетеромъ.

Часто въ стихахъ нашего Поэта
 видна сладкая задумчивость, истинный
 признакъ чувствительной и нѣжной
 души; часто, подобно Тибуллу и Го-
 рацію, сожалѣетъ онъ объ утрачѣ
 юности, объ утрачѣ пламенныхъ вос-
 торговъ любви и безпредѣльныхъ же-
 ланій юнаго сердца, исполненнаго жизни
 и силы. Въ стихотвореніи подъ на-
 званіемъ *Муза*, обращаясь къ тайной
 подругѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей
 нѣжные упреки:

Ты устро дней моихъ прилѣжно посѣщала:
 Почтожъ печальная распространилась мгла,
 И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью?
 Изъ лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
 И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью,
 Или я весь умру?

Нѣтъ, мы надѣмся, что сердце чело-
вѣческое безсмертно. Всѣ пламенные
ощущенья его, въ шасливыхъ сти-
хахъ Поэта, побѣждаютъ и самое время.
Музы сохраняютъ въ своей памяти
пѣсни своего любимца, и имя его перей-
детъ къ другому поколѣнію съ име-
нами, съ священными именами мужей
добродѣтельныхъ. Музы, взирая на
преждевременную его могилу, воскли-
цаютъ съ Поэтомъ Манпуи...

Manibus date lilia plenis:
Purpureos spargam flores! —

С. Петербургъ, 1814 года.

VI.

ПРОГУЛКА ВЪ АКАДЕМІЮ
ХУДОЖЕСТВЪ.

Письмо стараго Московскаго жителя
къ пріятелю, въ деревню его Н.

Ты пребуешь опъ меня, мой спарый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Пешербургу. Повинуюсь тебѣ.

На эшопъ разъ я буду говоришь объ Академіи Художесшвъ, кошорая, послѣ двадцашильшняго нашего опсущсшвіа изъ Пешербурга, сполько перемѣнилась. . . „Говори, говори объ Академіи Художесшвъ!“ шакъ воскликнешь ты, начиная чшеніе моего болпливаго письма. — Мы издавна любили Живопись и Скульпшуру, и въ швоемъ маленькомъ домикѣ на Прѣснѣ (кошораго шеперь и слѣдовъ не осшалось!) мы часто заводили жаркіе споры о

головѣ Аполлона Бельведерскаго, о мизинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ Петра Великаго, о кисти Рафаеля, Кореджіо, даже самаго Сальвадора Розы, Мурилло, Койпеля и пр. Такъ — я во многомъ съ тобой соглашался, а ты ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ товарищемъ славнаго Лосенкова, который часто смѣшилъ и сердилъ насъ своимъ упрямствомъ и добродушіемъ. Мы спорили; время летѣло въ пріятныхъ разговорахъ. Щастливое, невозвращное время! Пожаръ Москвы поглотилъ и домикъ твой со всѣми дурными картинами и эстампами, которые ты покупалъ за безцѣнокъ у поргашей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой слободѣ у ошешавныхъ спряпчихъ; онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ которой ты находилъ нѣчто божественное, и бюстъ Вольперовъ съ ошибнымъ носомъ, и маленькаго Амура съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, котораго Ализовъ опрылъ... будно бы на развалинахъ какой-то бани близъ Неаполя, и которымъ онъ приводилъ въ

восхищеніе и тебя и меня и всѣхъ
 знашковыхъ нашего квартала. Пожаръ,
 немилосердый пожаръ поглотилъ даже
 акаціеву бесѣдку, съ красивыми ска-
 мейками, съ дубовымъ столомъ, на
 кошкромъ мы, разливая чай, любова-
 лись прелесными видами: Москвой
 рѣкою, которая извивается по дугу
 вокругъ стѣнъ и высокихъ башенъ
 Дѣвичьяго Монастыря, Васильевскимъ,
 Воробьевыми горами съ тѣнистыми
 рощами — и закашомъ вечерняго солн-
 ца. Пожаръ поглотилъ наше убѣжище.
 Но въ памяти моей осталось воспо-
 минаніе швоей любви къ Изыщнымъ
 Художесшвамъ, и охоты спорить, ко-
 торая конечно укротилась ошъ вре-
 мени, а болѣе всего ошъ полишече-
 скихъ обшояшельствъ. — И шакъ, го-
 вори объ Академіи Художесшвъ, о
 произведеніяхъ нашихъ аршисшвъ: я
 буду слушать съ удовольствіемъ. Вся-
 кая новостъ изъ столицы пріятна пу-
 шыннику, копорый и на шаросши
 лѣшъ еще пламенно любитъ Ошече-
 шво, успѣхи и славу согражданъ.“
 Вошъ, что ты скажешь, развернувъ

мое письмо. — Я начну мой рассказ сначала, какъ начинаешь обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукѣ, я предался сладосшному мечпанію, въ кошоромъ шебъ не могу дашь совершенно опчета; книга и чишанное мною было совершенно забыто. Помню только, что взглянувъ на Неву, покрышую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на кошорую благодаря привычкѣ, жишели Петербургскіе смотряшь холоднымъ окомъ, — любуясь безчисленнымъ народомъ, кошорый волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ кошоромъ я опличалъ Англичанъ и Азіатцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на эпомъ мѣстѣ до построенія Петербурга? Можешь быть сосновая роща, сырой, дремучій боръ или топкое болошо, поросшее мхомъ и брусникою; — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ ко-

порой развѣшены были мережи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можешь бышь, съ прудомъ пробирался охотникъ, какойнибудь длиновласый Финь. . . .

За ланью быстрой и рогахой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернахой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пущыни дикой, мрачной; а нынѣ? . . Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, пошомъ на хижину Великаго Монарха, къ кошорой по справедливости можно примѣнишь извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recéle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Цепра, кошорый въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! — Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли Шведскія пушки; усшье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по болошнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умъ великаго человѣка. Здѣсь будешь

городъ, сказалъ онъ, чудо свѣща. Сюда призову всѣ Художесшва, всѣ Искусшва. Здѣсь Художесшва, Искусшва, гражданскія успановленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Пешербургъ возникъ изъ дикаго болоша.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обозрѣвающего начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, шамъ магазины, фабрики, Адмиралшейсшво. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день торжесшва побѣды, Государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, прошивъ крѣпосшныхъ ворошъ, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Пешра, изъ грубаго дерева. Именемъ Свяшаго долженъ былъ назвашься городъ, и на жесшяной доскѣ, прибишой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣшописяхъ міра 1703 годъ Римскими цифрами. На ближнемъ башіонѣ развѣвался желшый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, кошорый заключалъ въ когтяхъ своихъ чешыре моря, подвласшныя Россіи. Здѣсь пол-

пились вокругъ Монарха иностранные
корабельщики, маэпрозы, Художники,
Ученые, Полководцы, Воины; межъ
ними, простой рожденіемъ, великій
умомъ, любимецъ Царскій Меншиковъ,
великодушный Долгорукій, храбрый и
дѣятельный Шереметьевъ и вся фа-
ланга героевъ, кошорые создали съ
Пешромъ величіе Русскаго царства....

Такимъ образомъ, погруженный въ
мое мечпаніе, я не примѣтилъ, что
двери комнашы отворились и сынъ
моего стараго пріяшеля Н., молодой,
весьма искусной Художникъ, привѣп-
спвовалъ меня съ добрымъ ушромъ. Я
пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ:
сегодня Академія Художествъ от-
крыта для любопытныхъ, и я гошовъ
былъ вашимъ пушеводишелемъ, ва-
шимъ Чичероне, еспли угодно! — Вы
увидите много хорошаго, полюбуешесь
нѣкошорыми произведеніями Русскаго
рѣзца и кисти; о другихъ теперь ни
слова. Посмотрите, продолжалъ онъ,
открывая окно: какое прекрасное
время! Весь городъ гуляетъ, и мы

съ толпой гуляющихъ непримѣльнымъ образомъ пройдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, опивчаль я молодому человѣку: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идешь исполинскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и Художества приведутъ меня въ пріятное изумленіе. Вошь мой посохъ, моя шляпа — пойдемъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій въперокъ не спруилъ поверхности величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣщивовалъ мысленно Богиню Невы словами Поэты:

Обшекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И шѣнисты острова.

Великолѣпныя зданія, позлащенные ушреннымъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственный городъ! повторилъ молодой человекъ. Сколько предметовъ для кисти Художника! умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои товарищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; Живописцы перспективы охотнѣе пишутъ виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе морозы они прудятся надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, ширяя свое воображеніе — и часто взоры наши. Пейзажъ долженъ быть поразитель. Если онъ несовершенно похожъ на природу, то что въ немъ? —

Надобно расстаться съ Петербургомъ, продолжалъ онъ: — надобно расстаться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы: вѣнхій Парижъ, законченный Лондонъ, чтобы почувствовать цѣну Петербурга. Смотрите — какое единство! какъ всѣ части оживчаютъ цѣлому! какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ

емѣшенія воды со зданіями. Взгляните на рѣшетку лѣшняго сада, кошорая отражаешся зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и стройность въ ея рисунокъ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, ошягченную, раздавленную, шакъ сказашъ, украшеніями — пиками, касками, профеями. Она безобразна въ сравненіи съ эшой.

Энпузіасмъ, съ кошорымъ говорилъ молодой Художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказалъ ему: изъ тебя будешъ Художникъ! Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но посмопрѣвъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: взгляните шеперь на набережную, на сіи огромные дворцы — одинъ другаго величественнѣе! на сіи дома — одинъ другаго красивѣе! Посмоприте на Васильевскій оспровъ, образующій преугольникъ, украшенный биржею, роспральными колоннами и гранишною набережною, съ прекрасными спусками и лѣспнищами къ водѣ. Какъ величе-

спвенна и красива эша часть города! Вошъ произведеніе, досройное покойнаго Томона, сего неушомимаго ино-спранца, копорый посвяшилъ намъ свои дарованія, и сполько способсшвовалъ къ украшенію сѣверной Пальмиры! Теперь отъ биржи, съ какимъ удовольсшвіемъ взоръ мой слѣдуешь вдоль береговъ, и теряется въ шуманномъ отдаленіи между двухъ набережныхъ, единсшвенныхъ въ міръ! — Такъ, мой другъ, воскликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ созданныхъ въ споль короткое время, въ спольшіе — въ одно спольшіе! Хвала и честь Великому Основашелю сего города! Хвала и честь Его Преемникамъ, копорые довершили едва начашое Имъ, среди войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ. Хвала и честь Александру, копорый болѣе всѣхъ, въ шеченіе своего царсшвованія, украсилъ сполницу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и участь цѣлой Европы лежали на Его сердцѣ, когда врагъ поглощалъ землю Русскую, когда

мечъ и пламень безумца пожиралъ то,
что создали вѣки! . .

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ Адмиралтейству. Помню, скажешь ты, помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но нечислыми, заваленными досками и бревнами. Остановись, почтенный мой пріятель! кто не былъ двадцать лѣтъ въ Пешербургъ, тотъ его конечно не узнаетъ. Тотъ увидишь новый городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вотъ, что я повторяю тебѣ ежедневно въ моихъ запискахъ. И здѣсь тоже превращеніе. Адмиралтейство, перестроенное Захаровымъ, превратилось въ прекрасное зданіе, и составляетъ теперь украшеніе города. Прихошливые знайоки недовольны спарымъ шпцомъ, копорый не соотвѣтствуетъ, по словамъ ихъ, новой колоннадѣ, — но за то колоннада и новые павильоны или отдѣльные флигели прелестны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обса-

женный липами, которыя всѣ приня-
лись и защищаютъ отъ солнечныхъ
лучей. Прелестное, единственное гуль-
бище, съ котораго можно видѣть все,
что Петербургъ имѣетъ величествен-
наго и прекраснаго: Неву, Зимній Дво-
рецъ, великолѣпные дома дворцовой
площади, образующей полукружіе, Нев-
скій проспектъ, Исакиевскую площадь,
Конногвардейскій манежъ, который на-
поминаетъ Парфенонъ, прелестное
строеніе Г. Гваренги, Сенатъ, мону-
ментъ Петра I, и снова Неву съ ея
набережными! —

Я хотѣлъ отдохнуть, и мы сѣли
на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь
была покрыта каретами, бульваръ
гуляющими. Между тѣмъ, какъ я раз-
сматривалъ знакомыя и незнакомыя
лица, нѣкто, человекъ пожилой и хво-
рой, присѣлъ на лавку возлѣ меня. —
Черты его мнѣ были знакомы, но время
изгладило изъ моей памяти его имя.
Знакомый *незнакомецъ* глядѣлъ на меня
приспально, минушу, двѣ, три... и
наконецъ — я узналъ въ немъ Спарожи-

лова. Какъ ты перемѣнился! воскликнули мы оба, глядя пристально другъ на друга. — „Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!“ прибавилъ Спарожиловъ съ тяжелымъ вздохомъ, онъ кошораго морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не стану тебѣ говорить о вопросахъ, кошорые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу только, что нашъ старый знакомый, узнавъ намѣреніе наше посѣпить Академію, взглянулъ на часы, и сказалъ мнѣ: „Теперь еще рано; къ шремъ часамъ я могу поспѣшь въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовашь новое вино и сказашь мое мнѣніе на щепъ важнаго посшановленія въ клубъ, о кошоромъ я размышлялъ цѣлое ушро.“ — Важность, съ кошорою онъ говорилъ, засшавила насъ улыбнушься. Къ щаспію Спарожиловъ того не примѣшилъ и продолжалъ: „Прогулка мнѣ будепъ полезна; ибо сегодня солнце грѣепъ, какъ лѣшомъ. Я побреду съ вами въ Академію — вовсе не изъ любопыщсшва; шамъ ничего хорошаго

нѣтъ. Я давно недоволенъ нашими Художниками во всѣхъ родахъ — но мнѣ нужно разсѣяніе, единственно разсѣяніе!“ прибавилъ онъ, кашля безпрестанно. —

Между тѣмъ, какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Спарожиловъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцомъ спараго холоспаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія, и большой навыкъ въ свѣтъ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость исчезла, познанія, неусовершенныя безпрестанными трудами, изгладились или превратились въ закоренѣлые предразсудки, и все остроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: спарайся бытъ полезенъ обществу! не

дѣятельная жизнь, говоритъ мудрецъ Херонейскій, ослабляетъ тѣло и душу. Спокая вода гніетъ; способности человека въ бездѣйствіи увядаютъ, и за молодостию невидимо крадется время:

Прійдутъ, прійдутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи шептать!

Тогда общество справедливою холодностію опшмшилъ тебѣ за то, что ты былъ его безплоднымъ членомъ. Старожилъ, прожившій верхопрахомъ до нѣкошораго времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ спарикомъ, съ подагрою, съ полураспроеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сердечныхъ, которыя составляютъ и мученіе и сладость жизни; онъ проснулся съ душевною пустошю, которая превратилась въ эгоизмъ и мѣлочное самолюбіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились и лучше говорили и лучше писали. Трагедіи Княжнина, по его мнѣнію, лучше прагедій Озерова; Басни

Сумарокова предпочищаетъ онъ Бас-
нямъ Крылова, игру Сахаровой игръ
Семеновой, и такъ далѣе. Какъ скучна
нынѣшняя жизнь! говоришь онъ; и этому
повѣришь можно. За чѣмъ, спрашиваю
я, за чѣмъ постоянно дешишь лѣпъ
являешся онъ въ клубъ? Чтобы слу-
шашъ, изобрѣшашъ или распускашъ
городскія вѣсти или газетныя шайны,
чтобы бранишь нещадно все новое
и прославляшъ любезную спарину,
отобѣдашъ и заснушъ за чашкою кофе
при спукѣ шаровъ и при единообраз-
номъ щепѣ маркёра, кошорый, нащи-
шавъ 48, ненависнымъ числомъ на-
поминаешъ ему его лѣпа. Сонный са-
дишся онъ въ карешу и едва просы-
паешся въ шеапръ при первомъ ударѣ
смычка.

Разговаривая съ нимъ о спаринѣ,
кошорую я выхвалялъ изъ снисхожденія,
мы приближались къ Академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ,
достойнымъ Екатерины, покровитель-
ницы Наукъ и Художествъ. Здѣсь на
каждомъ шагу просвѣщенный патриотъ

долженъ благословлять память Монар-
хини, кошорая не сполько завоева-
ніями, сколько полезными заведеніями
заслуживаетъ опть признашельнаго по-
томства имя Великой и Мудрой.
Сколько полезныхъ людей пріобрѣло
общество чрезъ Академію Художествъ!
Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи при-
несло сполько пользы. Но чему при-
писать эшо? Поспоянному и мудрому
плану, кошорому слѣдуетъ съ давняго
времени начальство, и досшойному
выбору вельможъ дѣятельныхъ и про-
свѣщенныхъ на мѣсто Президентское.
Я спаръ уже; но при мысли о полез-
номъ дѣлѣ или учрежденіи для обще-
ства, чувствую, что сердце мое бьется
живѣе, какъ у юноши, кошорый не
успрашилъ еще прелесшной способно-
сти чувствовашъ красоту истинно
полезнаго, и предается первому дви-
женію благородной души своей. Вспу-
ная на лѣспницу, я гошовъ былъ хва-
лишь съ жаромъ Монархиню и нѣко-
шорыхъ вельможъ, покровителей отече-
ственныхъ Музъ; но докучный Сшаро-
жидовъ воскликнулъ, съ шрудомъ пере-

водя духъ и опдыхая на первыхъ ступеняхъ: „Боже мой! какая крушая лѣшница! — и какъ она узка, и какъ безобразна! — И къ чему эша Венера съ Амазонками? Я никогда не былъ охотникъ до гипсовъ; лучше ничего или все — вошь мое правило. Здѣсь надлежало бы поставишь что нибудь свое, произведеніе нашихъ Художниковъ и пр. и пр.“ — Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критическаго замѣчанія, и мы остановились, весьма ксшаши, у двухъ превеликихъ Сапировъ, называемыхъ Теламонами или Апланшами (мужескія Каріапиды). „Вошь украшеніе довольно спранное, замѣшилъ молодой Художникъ — и которое новѣйшіе Художники употребляли часто нексшаши, а болѣе всего въ Парижѣ. Женскія Каріапиды еще безобразнѣе мужескихъ. Можно ли видѣшь безъ отвращенія прекрасную женщину, спрадающую подъ тягосшнымъ бременемъ, и съ необыкновеннымъ усиліемъ во всѣхъ членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зданіе или огромную часпъ онаго? Одно жесшкое

сердце можешь любить такого рода изображенія, и за шѣмъ-шо, можешь бышь, Французскіе аршісты, шайно угождая вкусу Наполеона, спавили Каріашиды вездѣ, гдѣ шолько можно было. Въ нѣкоторыхъ его замкахъ, каждую дверь поддерживающъ двѣ спрадалицы. Въ самомъ Музеумѣ ихъ множество. Здѣсь же сіи Каріашиды приличны; ибо могутъ служишь образцами любопытнымъ молодымъ Художникамъ.“

Мы вошли въ рошонду, успановленную гипсовыми слѣпками съ аншиковъ. „Вошъ Консуль Бальбусъ, сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большаго всадника. Подлинникъ спашуи найденъ въ Геркуланумѣ.“ — „Но эша лошадь вовсе не красива.“ ... замѣшилъ Спарожиловъ молодому Аршису, качая головою.

„Вы правы, ошѣчалъ онъ: конь не весьма спашень, корошокъ, высокъ на ногахъ, шея шолсшая, голова съ выпуклыми щеками, поворощъ ушей непріятный. Тоже самое замѣшите въ другой залѣ у славнаго коня Марка

Аврелія. — Художники новѣйшіе съ большимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконешово произведеніе, сей чудесный конь, живой, пламенный, спальный и столь смѣло посмавленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлостію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконешова: онъ скачетъ, какъ Россія! — Но я не смѣю мыслишь вслухъ о конѣ Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители древности. Вы себя представили не можете, что теряешь въ ихъ мнѣніи молодой Художникъ, свободно мыслящій о нѣкоторыхъ условныхъ красотахъ въ Изящныхъ Художествахъ. . . . Пойдемте далѣе.“

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находящіяся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ. Прекрасное наслѣдіе древности, драгоценныя оспалки, кошорые яснѣе всѣхъ Историковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи древнихъ; въ нихъ-то искусство есть, такъ сказать, ошго-досокъ глубокихъ познаній природы,

страстей и человеческого сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и тѣлесной. Воиъ умирающій, боецъ или варваръ; воиъ комическій Поэтиъ и безподобный Фаунъ. Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонъ съ дѣтьми — драматическое швореніе рѣзца неизвѣстнаго! — Воиъ Арія и Пешусъ, и семейство несчастной Ніобы. Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ: Венеру Медичисъ. Воиъ цѣлый рядъ колоссальныхъ бюстовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр.
И наконецъ, я спрашиваю себя, ошъ
чего сердце мое забилося сильнѣе?

Наполнилъ грудь воспоргъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ пошакенный
Течешъ во всѣхъ моихъ коссяхъ;
Въ весельи сердце ушопаетъ,
Какъ будшо Бога ощущаетъ,
Присуществующаго со мной! . . .

Я вижу, вижу Аполлона
 Въ шошъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона
 Божественной своей стрѣлой!
 Зубчата молнія сверкаешь,
 Звенишь въ рукъ спущенный лукъ,
 Ужасная змія зіяешь
 И вмигъ свой выпускаешь духъ.

Вошъ сей божественный Аполлонъ,
 прекрасный Богъ Спихопворцевъ! Взи-
 рая на сіе чудесное произведеніе иску-
 сства, я вспоминаю слова Винкельмана.
 „Я забываю вселенную, говоришь онъ,
 взирая на Аполлона; я самъ принимаю
 благороднѣйшую осанку, чгобы до-
 стоинѣе созерцать его.“ — Имѣя споль
 прекраснаго Бога покровителемъ, му-
 дрено ли, спрашиваю васъ, мудрено ли,
 чго одинъ изъ нашихъ Поэшовъ вос-
 кликнулъ однажды въ припадкѣ пінпи-
 ческой гордости:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главою! —

„Вошъ наши сокровища, сказалъ Ху-
 дожникъ Н., указывая на Аполлона и
 другіе аншики; вошъ источникъ на-
 шихъ дарованій, нашихъ познаній,
 истинное богатство нашей Академіи;

богатство, на кошоромъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ. Опшнимше у насъ это драгоцѣнное собраніе, и скажише, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ Живописи и въ Ваяніи? — Надобно желашъ, чшобъ оно еще было удвоено, ушроено. Здѣсь многого недостаетъ; но то, что есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самаго строгаго наблюдателя древности.“

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли шолпу зришелей передъ большою каршиною. Вошъ новая каршина Г. Егорова! Одно имя сего почшеннаго Академика возбуждаетъ швое любопытство. . . . И шакъ, я перескажу ошъ слова до слова сужденіе о его новой каршинѣ, шо есть, шо, что я слушалъ въ глубокомъ молчаніи. —

„Подойдемше поближе, сказалъ Спарожилонъ, надѣвая съ комическою важностію очки свои. Я немного наслышался объ этомъ Художникѣ.“ —

Художникъ изобразилъ исшязаніе Христа въ темницѣ. — Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная изъ нихъ Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и при мучишеля, изъ копорыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы, покрывающія Искушителя, и въ одной рукѣ держитъ пукъ розогъ, шрешій воинъ кажется, дѣлаетъ упрёки Божесшвенному Спрадалцу; но рѣшительно опредѣлитъ намѣреніе Аршисша весьма трудно, хотя онъ и спарался дать сильное выраженіе лицу воина, — можетъ быть, для противуположности съ фигурою Христа.

„Посмотрите, сказалъ намъ молодой Художникъ, какъ шуловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокій вздохъ гошовъ вырваться изъ подъяшпой груди его.“ — „Но лице не сошвѣшсшвуетъ красотъ всего шѣла, возразилъ Спарожиловъ: признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божесшвеннаго.“ —

„Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе страданія, горести и покорности воли Отца Небеснаго.“ — „Къ сожалѣнію, эша фигура напоминаетъ изображеніе Христа и другихъ Живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ своей мысли, а не чужой.“ — „Вы правы, хотя несовершенно: эшопъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ томъ нужда? Рубенсъ и Пуссенъ каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пусселевой, то конечно выше картины Рубенсовой. . . “ — Какъ, что нужды? Пуссенъ и Рубенсъ писали исшазаніе Христова: шѣмъ я спроже буду судить Художника, шѣмъ я буду прихотливѣе. Еслибъ какой иибудъ, впрочемъ и весьма искусный Живописецъ, вздумалъ написать картину Преображенія, я сказалъ бы ему: конечно вы не видали картины Рафаелевой? Еслибъ Поэтъ вздумалъ написать намъ Ифигенію въ Авлидѣ, я сказалъ бы

ему: ее написалъ Расинъ прежде тебя; и шакъ далѣе.“ — „Но признайшесь, по крайней мѣрѣ, что мучишель, прикрѣпляющій веревку, копорою связаны руки Христа, написанъ прекрасно, правильно и можешь назваться образцемъ рисунка. Онъ ясно доказываетъ, сколько Г. Егоровъ силенъ въ рисунокѣ, сколько ему извѣсна анапомія человѣческаго тѣла. Вотъ оригинальность нашего Живописца!“ — „Это все справедливо; но къ чему усиліе сего человѣка? Чтобы зашянушь узелъ? Я вижу, что Живописецъ хотѣлъ написать Академическую фигуру, и написалъ ее прекрасно; но я не однихъ побѣжденныхъ трудностей ищу въ картинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтобъ она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; чтобъ она оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное воспоминаніе, подобно прекрасному драматическому представленію, если изображаетъ предметъ важный, трогательный. Къ тому же согласишесь, что другой мучишель изображенъ дурно. А воинъ? . . . онъ

вовсе лишній, онъ ни на кого не глядишь хошя глаза его опверзшы необыкновеннымъ образомъ. Къ чему, спрашиваю васъ, на Римскомъ воинѣ шлемъ съ змѣемъ, и почему въ шемницѣ Хрисповой лежишь желѣзная рукавица? Ихъ начали употреблять десять вѣковъ, или болѣе — послѣ Рождества Христова; не значишь ли это.“

„Конечно такъ! сказалъ Старожилу какой-то незнакомецъ, который долго вслушивался въ разговоръ, (мы приняли его за Художника); конечно такъ! — Если Художники наши будутъ болѣе чистить и разсматривать прилѣжнѣе книги, въ которыхъ представлены обряды, одежды и вооруженіе древнихъ, то подобныхъ анахронизмовъ дѣлать не будутъ.“ — „Но признайтесь, Государь мой, признайтесь, опложа всякое приспращіе, что эта картина обѣщаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Если обстоятельства, которыя часто не благопріятствовали нашимъ Архисшамъ, если обстоятельства позволятъ ей Живописцу заниматься по-

епомянно сочиненіемъ большихъ картинъ; по можно ожидать, что онъ, ушвердясъ въ выборѣ, въ употребленіи и согласованіи красокъ и познакомясь со многими механическими приѣмами (шайны, кошорыя долженъ угадывать Художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при швердой, правильной и красивой его рисовкѣ, при изобрѣшательномъ и богоразумномъ дарованіи, со временемъ не уступитъ лучшимъ Живописцамъ Италіянской, Французской и Испанской школы. “

Будучи отъ природы снисходительнѣе, и любя наслаждашся всѣмъ прекраснымъ, я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину Г. Егорова и сказалъ мысленно: „Вотъ Художникъ, кошорый приноситъ честь Академіи, и кошорымъ мы Русскіе, можемъ справедливо гордиться.“ —

Въ слѣдующихъ комнашахъ продолжались выспавки и по большей части молодыхъ воспитанниковъ Академіи. — Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на ландшафтъ, изображающій видъ окрест-

поспей Шафгаузена, и хижину, въ которой Государь Императоръ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное.

Въ той же самой комнатѣ прозкъ на Соборную церковь и два прозкъ для монумента изъ опіяныхъ у неприятели пушекъ: оба не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли. — Въ празднованіе Пасхи въ Парижѣ, Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой предметъ для патриота! Съ какимъ чистѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно; — но я замѣтилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжель.

Множество зрителей всякаго званія толпились передъ большою картиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали. *De gustibus non est disputandum!* „Видно, что Живописецъ, — сказалъ

намъ молодой нашъ пушеводипедъ, — Живописецъ, скупый на искусство и вкусъ, не пощадишь полошна, розовой и голубой краски.“ — „И времени“ — прибавилъ Старожилъ. — Вы видите здѣсь и другую картину — Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ; неудачное подражаніе Тиціану, или Кипайскимъ картинамъ безъ тѣней; Венеру, копорая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню изъ шуточной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите шамъ, на другой стѣнѣ, пріумѣ Госудря, наподобіе Рубенса. — Теперь взгляните на этого больного шарика съ факеломъ, подражаніе Жирару дела Нош-те, и признайтесь, что эти Живописцы въ своемъ подражаніи оригинальны. Они - то могутъ назваться со временемъ основателями новой Италіанской школы, la Scuola Petroborghese, и запмнѣть своею чудесною кистію славу своихъ

соотечественниковъ — славу Рафаеля, Кореджіо, Тиціана, Альбана и проч.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на кошорыхъ Нютоиъ могъ бы ошкрыиъ всѣ преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши опдохнушъ на произведеніи Г. Есакова. Воиъ его рѣзные камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Голаса въ море, другой Кіевлянина переплывшаго Днѣпръ. Большая швердосиъ въ рисункѣ! — Пожелаемъ искусному Художнику * бо-
лѣе навыка, безъ кошораго нишъ лег-
кости и свободы въ ошдѣлкѣ мѣл-
кихъ часпей. Смѣлости у него доволь-
но; а знаній? . . . „Вѣкъ живи, вѣкъ учись,
сказалъ Старожиловъ. Согласишесь од-
накоже, шепнулъ онъ молодому Худож-
нику, согласишесь, что кромѣ кар-
тины Егорова, мы ничего еще не ви-
дѣли совершеннаго или — близкаго къ
совершенству.,,

* Пожелаемъ объ этомъ искусномъ Ху-
дожникѣ: ранняя смерть похишила съ нимъ
хорошія надежды. *Изд.*

„Можетъ быть! отвѣчалъ онъ; но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Ушкина. Это превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изображаетъ свящую фамилію съ Гвидо Рени. Другой рисунокъ — портретъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный портретъ сего вельможи.“ „Вотъ истинное Искусство!“ сказалъ Спарожиковъ, измѣняя своему прекрасному правилу: *Nil amirare*. — Г. Ушкинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можетъ стоять на ряду съ лучшими гравёрами въ Европѣ. Конечно и въ Отечествѣ своемъ найдешь онъ людей просвѣщенныхъ, достойныхъ цѣнителей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты Г. Кипренскаго, любимаго Живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисунокѣ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ — все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный. *

* Въ собраніи портретовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета и по ошдѣлкѣ,

Старожиловъ , къ удивленію нашему, плѣнился масперскою его кистью, и ошривъ въ своей памяти два Италіянскіе сшиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живосшію....

занимающъ первое мѣсто два портрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова сшарика съ сѣдою бородою, или образецъ для Апостольской головы; — имъ же гравированный портретъ и весьма сложій славнаго Акшѣра Дмитревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ — Фигнера , славнаго Соглядатая нашей арміи, о кошоромъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Вафринѣ...

.... per dritto sentier tra regie porte
 Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
 A dimande, e risposte astute, e pronte
 Accoppia baldanzosa, audace fronte.
 Di qua, di là sollecito s'aggira
 Per le vie, per le piazze, e per le tende.
 I guerrier, i destrier, l'arme rimira;
 L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
 Né di ciò pago a maggior cose aspira;
 Spia occulti disegni, e parte intende.
 Tando s'avvolge, e così destro, a piano....

„То есть : прямымъ пушемъ проходитъ чрезъ врата Царскіе. Дѣлаешь вопросы, даешь отвѣты; хитрымъ вопросамъ и быстрымъ отвѣтамъ соотвѣствуешь его

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.
 Me manca questo ancor, s'agli occhi credi.

„Видише ли, продолжалъ онъ, видише ли, какъ образующся наши Живописцы? Скажише, чпобъ былъ Г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, если бы...“ — „Онъ не былъ еще въ Парижъ, ни въ Римъ, ошвѣчалъ ему Художникъ.“

смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходишь шоропливыми шагами, чрезъ пуши и площади между шашровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаешь порядокъ, искусство воиновъ; познаешь ихъ имена. Сего недовольно: онъ спремился къ высшей цѣли; проникаетъ въ тайные замыслы и хитрыя намѣренія враговъ....

Нашъ Фигнеръ спарцемъ въ станъ враговъ.

Идетъ во мракъ ночи :

Какъ шѣнь прокрался вокругъ шашровъ,

Все зрѣли быстры очи.

И станъ еще въ глубокомъ снѣ,

День свѣшлый не проглянулъ,

А онъ ужъ вишазъ на конѣ,

Уже съ дружиной грянулъ. ...

Жуковский.

— „Эпо удивительно! удивительно!“ повпориъ Спарожиловъ. — „Почему? Развѣ нѣтъ образцевъ и здѣсь для портретнаго Живописца? Развѣ Эрмитажъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для Художника? Развѣ не позволяется Художнику списывать тамъ портреты съ Вандика, Пейзажиспу учишься надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непременно воздухъ Римскій для Архиспа, для любителя древности; что ему нужно долгоевременное пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ?—Согласенъ; но сколько дарованій погибло въ этой Столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣща, не только препяшпвовали развитію дарованія, но губили его на вѣки.“

Вопъ Московскіе виды, сказалъ молодой Художникъ, указывая на картины, изображающія каменный мостъ, Кремль и пр. съ большою истиною и искусствомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жителя! Разсмапривая живопись, я погрузился въ сладо-

ешное мечпаніе , и гошовъ былъ воскликнуть почти тоже , что Эней у Гелена , въ долинахъ Хаонейскихъ , гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою , рощи, луга и источники родины незабвенной: * я гошовъ былъ сказать моимъ товарищамъ :

Что макушки Москвы и краше и милѣе ? Но Спарожилловъ разсѣялъ воспоминаніе о древней бѣлокаменной Столицѣ громкимъ и непрерывнымъ смѣхомъ, разсмащивая чудесныя мозаики, въ той же комнатѣ выспавленные. — Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ , пожалъ плечами , и пошелъ въ другую комнату , гдѣ ожидалъ насъ поршреть покойнаго Гр. А. С. Спроганова , писанный Г. Варникомъ. Вокругъ него мы нашли толпу зрителей : одни хвалили смѣлость кишини, ошдѣлку плашья, бѣлаго глазеша, и весь рисунокъ каршины ; другіе на-

* *Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco, Scaeaque amplector limina portae.* и пр.

Aeneid. liber III. —

прошивъ того, утверждали, что краски вообще тусклы, ошдѣлка груба, нещипательна и пр. и пр. и пр.; а я восхищался удивительнымъ сходствомъ лица.

„Такъ, это онъ! точно онъ! сказала какой-то пожилой человекъ нашему переводчику. — Эта прекрасная картина Г. Варника возбуждаетъ въ моей памяти тысячу горестныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо представляетъ лице покойнаго Графа, сего просвѣщеннаго покровителя и друга Наукъ и Художествъ, вельможу, котораго мы будемъ всегда оплакивать, какъ дѣши нѣжнаго и попечительнаго отца. Полезные совѣты, лестное одобрение знагока, рѣдкое добродушіе, истинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе быть полезнымъ каждому изъ насъ, пламенная, но просвѣщенная любовь къ Отечеству, любовь ко всему, что можешь возвысить его славу и сіяніе: вотъ чѣмъ отличался почтенный Президентъ нашей Академіи, вотъ что мы будемъ

воспомянуть со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть Г. Варника столь живо напоминаетъ всемъ Академикамъ, которые имѣли щастіе пользоваться покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Чершы, незабвенныя чершы нашего Мецената будутъ намъ всегда драгоценны!“

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ въ себя отъ радости; ибо я раздѣлялъ вполне его чувства. Самъ Спарожилъ былъ пронутъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго спарца, преслѣдлага Неспора Искусства, истиннаго образца людей государственныхъ; вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей наружныхъ, но отъ истиннаго, неопыскаемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго Художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣкоторыхъ картинъ ученической работы иностранцевъ, которые на сей разъ, какъ будто нарочно согласились уступить безспорно преимущество нашимъ Художникамъ, выставя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изобрѣшенія Г. Маршоса), большой сшануи, ошлишой для Гр. Н. П. Румянова Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ Художниковъ! Замѣшше, сказалъ намъ услужливый пушеводишель нашъ, замѣшше, что лишейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екімова. *

Ошлишая Г. Екимовымъ фигура Актеона, по разобраніи формы, не была ни опилена, ни опчеканена; но ошлишіе оной шакъ совершенно, что по ошлишіи *пущевъ*, чрезъ которые шечешъ въ форму растопленный мешалъ, осталось шолько всю фигуру прой-

Картина Г. Куршеля: Спартавецъ при Термопилахъ, привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираешь одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый долгъ Спартъ отданъ, оружіе избито, кровь пролила ручьями изъ ранъ глубокихъ и смертельныхъ, и послѣднія минуты убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные спраданія и любви, усмремлены на медальонъ, изображающій черты ему любезныя. Вошь прекрасная мысль, сказалъ я моимъ товарищамъ, и выраженная мастерскою кистію. Но они замѣтили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни согласія. — „Это туловище небольшого Фавна, приспавленное къ ногамъ Боргезскаго борца —,“ сказалъ молодой Художникъ. Конечно

ли пескомъ, для того, чтобъ ей дать общій цвѣтъ. Хвала Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ ошлишіе колосальныхъ спашуй для Казанскаго Собора, также конченныхъ безъ чеканки!

много истины въ выраженіи лица и мертвенности другихъ членовъ ; но , признаюсь вамъ , я неохотно смотрю на подобныя сему изображенія ! И можно ли смотрѣть спокойно на картины Давида и школы, имъ образованной, которая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи : терзаніе умирающихъ насильственной смертію , оцепенѣніе глазъ, шрепещущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судороги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнью. Согласенъ съ вами , что это представлено съ большою живостію ; но эта самая истина опшращивающа, какъ нѣкоторыя истины, изъ природы почерпнушыя , которыя не могутъ бытъ приняты въ картину , въ сшашу, въ Поэмъ и на театрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію. — Если мое письмо не наскучило пустынноку, то я сообщу тебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о Художествахъ. Прости до первой почты.

N. N.

Р. S. На третій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ шебъ, и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто нибудь прочитаетъ то, что я сообщалъ пріятелю въ опкровенной бесѣдѣ?.... „Что нужды! отвѣчалъ молодой Художникъ Н., которому я читалъ мое письмо. Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ Художниковъ, достойныхъ уваженія? Выставя картину для глазъ цѣлаго города, развѣ Художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и кришикъ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знапока или любителя; истинный талантъ не спрашивая кришики: напрошивъ того, онъ любитъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ истинную, единственную путеводительницу къ совершенству. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно досталось въ удѣлъ человѣку безъ твердаго характера? Хладнокровіе общества: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнить дешовое одобреніе людей чувствитель-

ныхъ къ прелеснямъ Искусствъ! Одинъ богатой невѣжда заказалъ картину моему пріятелю; картина была написана, и Художникъ получилъ кучу золота... Повѣришь ли, онъ былъ въ отчаяніи. Ты недоволенъ платою? спросилъ я.— О нѣтъ! я награжденъ слишкомъ щедро! — Что же огорчаешь себя? — Ахъ, любезный другъ, моя картина досталась невѣждѣ и сгніетъ въ его кабинетѣ: что мнѣ въ золотѣ безъ славы! Въ Парижѣ Художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи съ Писателями, которые за нихъ сражаются съ Журналистами, съ знапками и любителями, и проливаютъ за нихъ источники чернилъ. Двѣ, три недѣли, часто мѣсяцъ занимаютъ они публику послѣ перваго выставленія картинъ.“ — „Это все справедливо; но я могъ ошибаться.“ — „Что нужды, если безъ намѣренія!“ — „Но я употребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, на примѣръ: *механической пріемъ* (въ живописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то, что Французы называютъ *le faire*, и боюсь...“ — „Пускай другіе переведутъ

лучше, исправнѣе; у насъ еще не было своего Менгса, кошорый опкрыль бы намъ тайны своего Искусства, и къ Искусству Живописи, присоединилъ другое, столь же шрудное: искусство изъяснять свои мысли. У насъ не было Винкельмана. Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочишаетъ!“ повпорялъ Художникъ съ широю улыбкою. И его слова успокоили меня, хошя несовершенно. — Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь огорчить нашихъ Художниковъ, кошорые не рѣдко до того прослирають ревность къ своей славѣ, что малѣйшую крипику, самую умѣренную, самую ошорожную, почищаютъ личнымъ оскорбленіемъ.

VII.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА

О ФИНЛЯНДІИ.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелесной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видѣ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма *. Здѣсь льшо

* Особенно въ старой Финляндіи.

продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ течение девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранишныя, на копорыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя роши; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранишныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлишемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна;— снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, копорыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бошническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-же хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера

вызываютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины пещеръ. Въперъ появля съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилася, какъ ошъ сна! . . Видишь ли, какъ она пѣнишся? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранишныя, неподвижныя скалы, копорыя нѣсколько вѣковъ презирають порывъ буръ и ярость волнь? — Сосѣдніе лѣса повпоряють голосъ бури, и вся природа являешся въ ужасномъ разспройствѣ. Сіи спрашныя явленія напоминають мнѣ мрачную Миеологию Скандинавовъ, копорымъ божесшво являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчесшво. —

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они распушъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаешъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждають пущъ предпріимчивому охошнику. Въ сей ужасной и безплодной пущынѣ, въ сихъ проспранныхъ вершпахъ, пушникъ слышшъ только рѣзкій крикъ плошояд-

ной пещицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени; или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, кошорый стрѣлою протекаешь по каменному дну между скалъ граничныхъ, быспро преодолеваешь всѣ препятствія и увлекаешь въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пущыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огонь небесный, или неупомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, испорченныя изъ употребленія земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огня: все это образуешь картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшишь отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, кошорое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ вошь жуешь сочную и густую траву, орошенную водами источника. —

Какіе народы населяли въ древно-
сти землю сію? — Гдѣ признаки ихъ

бытія?—Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начерпавшая малѣйшія событія спранъ полуденныхъ и воспочныхъ, молчишь о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ спранъ щасливѣйшихъ: * они населяли сіи пещеры, пипались млекою звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа копорого (спрашное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ логовищей своихъ, и пролагали путь по морямъ Гинерборейскимъ къ новымъ пуспынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идушь

* Руны, копорыя я видѣлъ въ Финляндіи и пошомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могутъ ушвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

войной на спада пуспыхныхъ чудовищъ; ихъ мчашъ быспрые олени; ихъ несунъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ, они сражающся, побѣждающъ и учреждающъ кровавую шрапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимосши, презирая равно и смерть и жизнь, — не знающъ опасности; въ звѣрскомъ изсшупленіи наполняющъ крикомъ лѣса — и эхо повсюряешъ гласъ ихъ въ проспранной пуспынѣ. — Но сіи пуспыни, сіи вершеры, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повсюряли голосъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣшы свои: она смягчила нравы, укропила звѣрспво и ушѣшила спраждушее челоувѣчеспво своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, соспавили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій. —

Моженъ бытъ на сей скалъ, осѣнен-
ной соснами, у подошвы копорой ды-

ханіе зефира колеблеть глубокія воды
 залива, можешь быть на сей скаль
 воздвигнуть былъ храмъ Одена. Здѣсь
 Поэшь любишь мечпашь о временахъ
 прошекшихъ и погружаешься мыслями
 въ оныя вѣки варварства, великодушія
 и славы; здѣсь съ удовольствіемъ взи-
 раешь онъ на волны морскія, нѣкогда
 спруимыя кораблями Одена, Аршура
 и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ,
 по которому носились тѣни почившихъ
 вицязей; на сіи камни, оспашки съдой
 древности, на коихъ видны таинствен-
 ные знаки, рукою неизвѣсною начер-
 танные. Здѣсь, погруженный въ сладкую
 задумчивость —

Въ полночный часъ
 Онъ слышитъ Скальда гласъ
 Прерывистый и томный.
 Зришь: юноши безмолвны
 Склоняся на щипы, сходясь кругомъ костровъ,
 Зажженныхъ въ полѣ брани;
 И древній Царь пѣвцовъ
 Просперъ на арфу длани,
 Могила указавъ, гдѣ Вождь героевъ спишь:
 „Чья шѣнь, чья шѣнь, гласишь
 Въ священномъ изступленьи, —

Тамъ съ дѣвами плывешъ въ шуманныхъ обла-
кахъ?

Се ты, младый Иснелъ, иноплеменныхъ страхъ,
Со славой падшій на сраженьи!

Миръ, миръ тебѣ, Герой!

Твоей сѣкирою спальной

Пришельцы гордые побишы....

Но ты днесъ палъ на грудахъ тѣлъ!

Ошъ тучи вражьихъ стрѣлъ,

Палъ вишязь знаменишый!

И се... ужъ надъ тобой Посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,

На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,

Съ златыми копьями въ рукахъ,

Въ безмолвіи спустились!

Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь

Глаза твои открылись:

Течешъ по жиламъ кровь

Чистѣйшаго ээира;

И ты, безплотный духъ,

Въ страны безвѣсны міра

Летишь стрѣлой.... и вдругъ;

Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,

Гдѣ угощевали для сонма храбрыхъ Боги

Любовь и вѣчный пиръ. —

При шумѣ горнихъ водъ и тихосшранныхъ
лиръ,

Среди полянъ и свѣжихъ сѣней

Ты будешь поражать шамъ скачущихъ еленей

И златорогихъ сернъ. —

Склонясь на зланный дернъ!

Съ дружиною младою,
 Тамъ снова съ арфою златою
 Въ восторгѣ Скальдъ поешъ
 О славѣ древнихъ лѣшъ.
 Поешъ, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Ушѣхою блестяшъ.
 Но вечеръ пришекаетъ —
 Часъ нѣги и прохлады, —
 Гласъ Скальда замолкаетъ;
 Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
 Идетъ въ Оденовъ домъ,
 Гдѣ дочери Верисшы
 Власы свои душисты
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршества гостямъ
 Обильны яшвыносяшъ,
 И пить умильно просяшъ
 Изъ чаши сладкій медъ. . . .

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и
 подъ суровымъ небомъ, пламенное во-
 ображеніе создавало себѣ новый міръ, и
 украшало его прелестными вымыслами.
 Съверные народы съ избыткомъ ода-
 рены воображеніемъ: сама природа ди-
 кая и безплодная, непосредственно спи-

хій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной, даюшъ ему пищу. —

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ ушреннемъ морозѣ, блистають радугю, отражая солнечные лучи тысячу пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажеся, съ ужасомъ взираетъ на опустошеніе зимы; едва явился и уже погружено въ багровый шуманъ, предвѣспникъ сильной снужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ сребренныя лучи свои и образуетъ круги на чистомъ лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, облеченныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань шорохомъ пробегаетъ въ чащу, отрясая съ роговъ

своихъ оледенѣлый иней; спадо пещерей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ спутника слышенъ въ снѣжной пусшынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается (веселою, но крапкою улыбкою.) Когда снѣга распаяли отъ теплаго лѣшняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ устремились въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ; тогда природа примѣтно выходитъ изъ лѣтоспснаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ расширительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣтеть, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно

пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ величїи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Пустынные птицы радостно сопрысаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвые бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, расшущихъ на опломъ берегъ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мѣлкіе жишели влажной спихіи играютъ сшадами у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медлѣнно умираютъ на граничныхъ скалахъ, конюрыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жишели сихъ прелесныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Спада дикихъ ушокъ и крикливыхъ журавлей лепятъ въ сосѣднее болошо, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣщ-

спвуютъ вечернее солнце. — Оно погру-
 жается въ безднѣ Бошническаго залива,
 и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, во-
 царился въ пущынь. . . Но какой пред-
 метъ для киспи Живописца: рапный
 спанъ, расположенный на сихъ скалахъ,
 когда лучи мѣсяца проливаются на
 упругденныхъ рапниковъ и скользящъ
 по блестящему мешалу ружей, сложен-
 ныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ
 для Живописи и сіи великіе огни, здѣсь
 и тамъ раскладенные, вокругъ копо-
 рыхъ войны шолпая въ часы холод-
 ной ночи? Эшопъ лѣсъ, хранившій без-
 молвіе можешъ бытъ опъ созданія
 міра, вдругъ оживляется при внезап-
 номъ пришеспвіи полковъ. Войско рас-
 положилось; все приходишъ въ движеніе:
 пуки зажженной соломы, переносимые
 съ одного мѣста на другое, пылающіе
 коспры хворосша, древніе пни и часто
 цѣлыя деревья, внезапно зажженные, опъ
 копорыхъ густый дымъ клубишся и
 восходитъ до небесъ: однимъ словомъ,
 движеніе рапныхъ снарядовъ, ржаніе и
 шопопъ коней, блескъ оружія, и смѣ-
 шенные голоса воиновъ, и звуки бара-

бана и конной трубы; все эшо представ-
 ляешъ зрѣлище новое и разишельное!
 Вскорѣ гласы умолкаюшъ; огонь пылаю-
 щихъ коспровъ пошухаетъ; рашники
 почили, и прежнее безмолвіе водвори-
 лось: — изрѣдка прерываемо оно шумомъ
 горнаго водопада, или пропѣжными
 опкликками часовыхъ, расположенныхъ
 на ближнихъ вышинахъ, прошивъ ла-
 геря непріятельскаго: мѣсяцъ, склоняясь
 къ своему западу, освѣщаетъ уже без-
 молвный спанъ, —

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи
 ознаменованъ происшествіями, копо-
 рыхъ воспоминаніе и сладосно и при-
 скорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые
 ряды храбрыхъ легли, и вошъ ихъ мо-
 тилы! Тамъ упорный непріятель вы-
 бишъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эши
 уединенные кресшы, вдоль песчаного
 берега или вдоль дороги водруженные,
 эшошъ рядъ могилъ Русскихъ въ спра-
 нахъ чуждыхъ, ондаленныхъ отъ ро-
 дины, кажешся, говоряшъ мимоидущему
 воину: и тебя ожидаешъ побѣда — и
 смершъ! — Здѣсь на каждомъ шагу вспрѣ-

чаемъ мы или оставленную башарею, или древній замокъ съ готическими острыми башнями, копоры возбуждаютъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовой непріятельскій лагерь, или мостъ недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно прошедшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на оплогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, башареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная прошивуположность!

Финляндія, 1809.

VIII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗАМОКЪ СИРЕЙ.

Письмо изъ Франціи къ Г. Д.

Изъ деревни Болонь, лежащей близъ города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня Б. де Д. и Г. П., съ кошорами на канунъ уговорился я посѣпить замокъ Сирей и поклониться тѣнямъ Вольпера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирей назначены были кварширы нашему опряду; полки тянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось и солнце освѣпило прекрасныя долины, роши и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго

замка на високомъ утесѣ, который господствуетъ надъ селеніемъ и близлежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

Кому принадлежитъ этотъ замокъ? — спросилъ я у спарика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, шѣсно примыкающаго къ развалинамъ. „Какой-то старой дворянкѣ“ отвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, старый, изношенный, и который конечно игралъ большую роль въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ, и продолжалъ вопросы: Когда построено замокъ? — „Во время Шампанскихъ Графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ *. Храбрые рыцари искали

* Французы и теперь мало заботятся о древнихъ памятникахъ. — Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжество или корыстолюбіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, который недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ

здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями, рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ Офицеръ! не одна

меня, что цѣлые замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоцѣнные историческіе памятники. Напрасно Правительство хотѣло остановить сіи святошашства; ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни свяшаго, — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣмцами! Въ Германіи вы узнаете отъ крестьянина множество историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или гошической церкви. Всѣ Рейнскія развалины описаны съ возможною историческою точностію учеными путешественниками и Художниками, и сіи описанія вы нерѣдко увидите въ хижинѣ рыбака или земледѣльца. Пришомъ же Нѣмцы издавна любящъ все сохраняющъ, а Французы разрушающъ: вѣрный знакъ съ одной стороны добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ; а съ другой стороны, легкомыслія, суешности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можешь насытить корыстолюбія — ошца пороковъ.

одна революція! Я на вѣку моемъ пережи-
 ли одну; тяжелыя времена. . . не лучше
 нынѣшнихъ. Посадили дерево вольно-
 сти. . . я самъ имѣлъ честь садить его,
 вошь шамъ, на зеленомъ дугу. . . Разорили
 храмы Божіи. . . у меня рука не подни-
 малась на злое! . . . Но чѣмъ же это все
 кончилось? Дерево срубили, а надписи
 на паперши церковной: *вольность, брат-*
ство или смерть — мѣломъ забѣлили.
 Чего я не насмотрѣлся въ жизни? и
 непріятелей на родинѣ моей увидѣлъ,
 и съ офицеромъ *Козатымъ* теперь раз-
 говариваю! Чудеса! по совѣсти чу-
 деса!“ — Ты разорился опъ войны, доб-
 рый старичокъ? — „Много поспрадалъ,
 а бѣдные сосѣди еще болѣе. Мы всѣ
 желаемъ мира.“ — О! мы знаемъ это: но
 Императоръ вашъ не желаетъ. — „Пря-
 мой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ
 объявилъ намъ?“ — Здѣсь шарикъ пока-
 чалъ головою, посмотрѣлъ на меня при-
 сально, и — конечно опъ робости заик-
 нулся. — Говори, говори! — „Охотно,
 если прикажете. Императоръ. . .“ (это
 было сказано важнымъ и торжествен-
 нымъ голосомъ) „Императоръ объявилъ

намъ, что онъ не хочетъ пракшовать о мирѣ съ плѣнными; ибо онъ почитаетъ васъ въ плѣну. Онъ нарочно завелъ васъ сюда, чтобы испребить до послѣдняго человѣка: это была военная хитросль, понимаете ли? военная хитросль, ни что иное. . . Но вы смѣшесь; . . . и намъ это смѣшно показалось, такъ смѣшно, что мы Префекта, пріѣхавшаго сюда съ этимъ объявленіемъ, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra! Но вамъ пора догонять шоварищей. — Добрый путь, господинъ офицеръ!“

Размышляя о странномъ характерѣ Французовъ, копорые смѣются и плачутъ, рѣжутъ ближнихъ, какъ разбойники, и дають себя рѣзать, какъ агнцы, я догналъ моихъ шоварищей.

Часъ опъ часу дорога спановилась пріятнѣе: холмы, одѣтые виноградникомъ и плодоносными деревьями, между коими мелькали пріятные сельскіе домики, напоминали намъ Саксонію, благословенныя долины Дрездена, мѣста очаровательныя! Разговаривая съ шоварищами

и любуясь красою видовъ, мы непримѣнно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя въ право съ большой дороги, вдоль по рѣчкѣ Блезъ, мы увидѣли жилище славной Нимфы Сирейской, копорой одно имя раждаетъ столько пріятныхъ воспоминаній. . . .

Во ста шагахъ отъ селенія возвышается замокъ на высокомъ уступѣ; кругомъ — рощи и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ Англійскій садъ и нѣсколько тѣнистыхъ аллей, къ копорымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ тѣ времена, когда безжалостный Ленопръ оспригаль боскеты Версальскіе, когда послѣдній провинціальный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольперъ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоты его окрестностей — кажется въ письмѣ къ Королю Прусскому — прибавляетъ:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!

Эти лѣса и понынѣ украшаютъ Сирей своею дикостію. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно оплести новыя приспройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольперову времени. На крушой кровль (à la Mansarde) я замѣшилъ нѣкоторыя украшенія и высокія продолговатыя трубы, обложенныя лѣпными изображеніями, похожія на трубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащаго Лепиціи, мапери Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обѣщала, —

Замокъ принадлежишь Гжѣ де Семіанъ, женщины весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію и послѣ того времени все строеніе возобновлено. * Къ сожалѣ-

* По отступленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами, за то именно, что Русскіе варвары его пощадили!

нію, мы нашли мало слѣдовъ прежней
обладательницы и ея славнаго друга,
кошорый, какъ говоритъ Лебрюнь,
упомиль стогласную Славу —

Въ столовой нѣсколько картинъ,
изображающихъ звѣрей и охоту. Эша
живопись, довольно пріятная, суще-
ствовала уже при Маркизѣ, и мы смо-
трѣли на нее съ большимъ удоволь-
ствіемъ. Пройдя нѣсколько покоевъ, въ
правомъ флигелѣ замка намъ отворили
дверь въ залу Вольперову. —

Здѣсь мы нашли большой мрамор-
ный каминъ, пошъ самый, кошорый
согрѣвалъ Вольшера; нѣсколько новыхъ
мебелей: клависинъ, маленькій органъ
и два комода. Окны до полу. Двѣ кру-
глыя спеклянные двери въ садъ: одна
изъ нихъ украшена надписями, на камнѣ
высѣченными. На фронтонѣ мы прочи-
тали Виргиліевъ стихъ: *Deus nobis*
haec otia fecit, изъ первой Эклоги; на
косякѣ нѣсколько стиховъ изъ Попе,
кошораго Вольшеръ всегда любилъ, и
наконецъ:

Azile des beaux arts, solitude où mon coeur
 Est toujours occupé dans une paix profonde,
 C'est vous qui donnez le bonheur,
 Que promettoit en vain le monde.

ешихи, написанные Вольперомъ въ счастливую минушу наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной Эмилии, единственной женщины, копорую онъ любилъ наравнѣ со славою, копорой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и копорая достойно гордилась дружбою творца Заиры. * Изъ оконъ сей залы видны ближнія деревни и два ряда холмовъ, заключающихъ прелестную долину, по копорой извивается рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я и товарищи долго любовались пріятнымъ видомъ опдаленныхъ горъ, на копорыхъ попухали лучи вечерняго солнца.

* Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, копорый нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Аншологіи: Qui que tu sois, voici ton maître, и пр. копорую перевелъ Г. Дмишріевъ:

Кшобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:

Былъ, ешь, изъ будешь онъ владыкою твоимъ!

Можешь быть совершенная пишина, царствующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣтая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, осѣняющіе балконы густыми, наклоненными вѣтвями, и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жишеляхъ Сирея, кошорыхъ имена принадлежатъ Испоріи, кошорыхъ имена отъ дѣтства намъ были драгоцѣнны — погружили насъ въ тихую задумчивость. —

„Здѣсь Фернейскій мудрецъ — такъ воскликнулъ Г. Р-нь, жишель Сирея, прервавъ наше молчаніе: здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственныи, кошорый, какъ говорялъ, вырѣзывалъ на мѣди для потомства, * кошорый все зналъ, все сказалъ, ** кошорый имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ,

* Qui gravoit pour la postérité — выраженіе Паллисоша, если не ошибаюсь.

** Qui a tout dit, — Шамобрианъ, говоря о Вольшерѣ.

характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ — здѣсь онъ жилъ, сей Прошей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтъ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, которыми зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для коронованной Сирены, для рукоплесканій, и для прихожей Г-жи Помпадуръ. Спранный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ полишкѣ; но могъ ли онъ предвидѣть, что нѣсколько десятишковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмили съ оружіемъ въ рукахъ, съ толпою жителей береговъ Волги и людей пьющихъ воды Сибирскія; и что тамъ, гдѣ Маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вошь у этой самой голубяшн — что тамъ, гдѣ она любила опдыхать подъ тѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ *Заирину* аллею, * гдѣ Вольшеръ у ногъ ея въ восторгѣ чиналъ первые

* И до сихъ поръ одна аллея называется *Заириною*. Тамъ сочинялъ Вольшеръ свою трагедію.

стихи безсмертной трагедіи, и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураніи, въ божественной ея улыбкѣ: шамъ, милосшивые государи, шамъ вы распавише часовыхъ съ ужасными усами, гренадерь и козаковъ, кошорые приводяшъ въ шрепешъ всю Францію. . . ?“ — Мы засмѣялись словамъ Г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ.

„Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольшеръ въ обѣщаніяхъ Музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ пріятелю своему Теріо. — Немудрено! Представьте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ Поэтовъ — такихъ напримѣръ, какъ С. Ламберъ, который умѣлъ соединяшъ любезность съ глубокими свѣденіями, Философію съ людскостію, и въ кругу такихъ людей — Маркизу, кошорая умѣла все одушевишъ своимъ присущствіемъ, всему давала неизъяснимую прелестъ: и вы будете имѣшъ понятіе о земномъ раѣ Вольшера. Она

чудо во Франціи! говорилъ Вольшеръ. *
 Умъ необыкновенный, лице прекрасное,
 душа Ангела, опкровенность ребенка
 и ученость глубокая: — все было оча-
 ровательно въ этой волшебницѣ! Она,
 вопреки Г-жѣ Жанлисѣ, вопреки Жур-
 налистѣ Жоффрау и всѣмъ врагамъ
 Философіи, была достойна и пламенной
 любви С. Ламбера и дружбы Вольшера,
 и славы вѣка своего. Здѣсь Маркиза
 кончила жизнь свою, на лонѣ друже-
 ства. Всѣ жишели плакали о ней, какъ
 о нѣжной, попечительной матери. Убѣд-
 ныхъ память въ сердцахъ: они еще бла-
 гословляли прахъ ея, когда Липшера-
 торы наши начали возмущать его спо-
 койствіе клеветами и пошлымъ ру-
 гательствомъ. Но Вольшеръ былъ не-
 утѣшенъ. Вы помните его письмо, въ
 копоромъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба увѣ-
 домляетъ о болѣзни и пошомъ о смерти
 Маркизы. Безпорядокъ этого письма

* Madame du Châtelet sera comptée au rang
 des choses qu'il faut voir en France, parmi
 celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Воль-
 шеръ къ Кейзерлингу.

доказывалъ его глубокую горестъ. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о кошорой и вы, иностранцы, — непріятели, говорите съ любовію, съ уваженіемъ!“

Нашъ учтивый путеводитель продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Столовая была украшена Русскими знаменами. . . Но мы утѣшили пугливыйя пѣни Сирейской Нимфы и ея друга, прочишавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиры.

Такимъ образомъ примирились мы съ Пенапами замка, и съ нѣкошорою гордостію, проспишельною воинамъ, въ пѣхъ покояхъ, гдѣ Вольшеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали съ восхищеніемъ Оды Пѣвца Фелицы и бессмертнаго Ломоносова, въ кошорыхъ вдохновенные Лирики славятъ чудесное величіе Россіи, любовь къ Ошечесшву сыновъ ея и славу меча Русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.
Отъ Сѣвера шеперь сіяетъ свѣтъ наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ заспалъ насъ, какъ Героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ, и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на опроверженности сердечной, извѣстныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жителямъ Сполицы и блестящаго большаго свѣта.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, гдѣ живешь Г-жа де Семіанъ; осматрѣли ея библіотеку, — прекрасный и спротивъ выборъ лучшихъ Писателей, составляющихъ любимое чтеніе сей умной женщины, достойной племянницы Г-жи дю Шапле: любезность, умъ и красота наследственны въ этомъ семействѣ. Есть другая библіотека въ нижнемъ этажѣ; она, кажется, предоставлена господамъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ отношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. — Вольперовыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его отъѣзда; по смерти Маркизы онъ увезъ съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣ-

копорья рукописи. Надобно ѣхать въ Ферней, говорилъ Г. Р-нь; тамъ можешь бышь находясь сіи драгоцѣнности. — Надобно ѣхать въ Пешербургъ, замѣнилъ справедливо Г. П.; въ Эрмитажѣ и рукописи и библіотека Фернейскія.

Спужа увеличилась съ наступленіемъ ночи. — Въ Вольперовой галлерей мы развели большой огонь, копорой не могъ насъ согрѣть совершенно. Передъ нами на споль лежали всѣ Вольперовы сочиненія, и мы читали съ большимъ удовольствіемъ нѣкопорья мѣсна его переписки, въ копорыхъ онъ говоришь о Г-жѣ дю Шапле. Въ шумѣ военномъ пріятно опдохнушь мыслями на предметѣ, споль любви достойномъ. — Глубокая ночь заспала насъ въ разговорахъ о прошекшемъ вѣкѣ, о Великой Екашеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ Короля Прусскаго съ своимъ Камергеромъ, и пр. у того самаго камина, на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вольперъ сочинялъ свои Посланія къ славнымъ современникамъ, и пѣ без-

смертные спихи, для которыхъ единственно просишь его памяти справедливо раздраженное попомство. — Г. П. былъ въ восхищеніи. — Наконецъ надобно было расстаться и думать о поспелѣ. Мнѣ отвели комнату въ верхнемъ жилѣ, весьма покойную, но гдѣ съ трудомъ можно было развести огонь. Старый ключникъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ покоѣ обыкновенно живетъ Г. Моншескью, родственникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человекъ; и что онъ, ключникъ, радуется тому, что мнѣ досталась его спальня. Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier, продолжалъ онъ, дружески ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но онъ его *успивостей* комната мнѣ не показалась теплѣе. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ Французскіе каминны, и только на разсвѣтѣ заснулъ *железнымъ* сномъ, позабывъ и Вольпера, и Маркизу, и войну, и всю Францію. —

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну, и съ горестью смо-

прю на окрестность, покрывшую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ копорымъ стоя у окна, высчитывалъ я всѣ перемѣны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунъ, — и луга, и рощи, и рѣчка близъ текущая по долинь между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Въперъ шумишь въ кедровой рощѣ, въ темной аллеѣ *Заириной* и клубишь сухіе листья вокругъ цвѣтниковъ, испопшанныхъ лошадьми и обезображенныхъ снѣгомъ и грязью. Въ замкѣ напрошивъ того пишина глубокая. Въ каминѣ пылають два дубовые корня и приглашають меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольперовы, изъ сего замка писанныя. — Въ нихъ все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, копорые всѣ исчезли съ лица земнаго съ своими спрасями, съ предразсудками, съ надеждами, и съ печалами, неразлучными

спутницами бѣднаго человѣчества. Къ чему столько шуму, столько безпокойства? къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и спрашусь найши отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

Н а д р у г о й д е н ь .

Ввечеру я простился съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печалень

Come navigante

Ch'a detto a dolci amici addio. —

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадыю. Поздно мы пустились въ путь! сказалъ онъ, какъ мерцвець въ Балладѣ. Чшо нужды? отвѣчалъ я, дорога извѣстна. При шомъ же....

Вошъ и мѣсяцъ величавой

Всшаль надъ тихою дубравой. —

Топотъ конскихъ ногъ раздался по мостовой обширнаго двора. Мы удалились отъ замка... Между тѣмъ ночь становилась темнѣе и темнѣе. Съ трудомъ находили мы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ

виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрійцы расположились биваками посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ, доспойныхъ киспи Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, кошорая начинала загораться; другіе распѣвали Тирольскія и Богемскія пѣсни вокругъ пылающаго пня, кошорый осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали вершелъ съ большою часпью барана, въ ожиданіи поварищей, кошорые толпились вокругъ маркишанша, разливающаго имъ вино и водку. Одѣяніе и лица ихъ еще страшнѣе казались, освѣщенные пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Валленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или Сбировъ Сальвашора-Розы. — Изъ Виньори мы поворошили вправо по дорогѣ, продолженной по лѣсу. Поднялась страшная буря: конь мой ошъ спраху оспанавливался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на кошорой собаки въ ближнихъ селеніяхъ отвѣчали протяжнымъ лаемъ. . . .

Воптъ, скажете вы, прекрасное предисловіе къ рыцарскому походу! Бога ради, сбейся съ пуши своего, избавь какую нибудь красавицу опъ разбойниковъ, или заѣзжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, старый дворянинъ, роялишь, если тебѣ угодно, приметъ тебя какъ странника, угостишь въ залѣ Трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплетъ тебя ласками, спанешь спрашиваешь о родинѣ своей, будешь выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнесу, копорая пошупя глаза, покраснѣетъ какъ роза — а за десертомъ, въ угожденіе родителемъ, запоешь древній романъ о древнемъ рыцарѣ, копорый въ бурную ночь нашелъ пристанище у неврныхъ — и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! — Со мной ничего подобнаго не случилось. Не стану слѣдовать похвальной привычкѣ путешественниковъ, не стану украшать истину вымыслами; а скажу просто: что не желая ночевать на дорогѣ съ волками, я прищепилъ моего коня и

благополучно возвратился въ деревню
Болонь, откуда пишу эти строки въ
сладостной надеждѣ, что онъ напо-
мятъ вамъ о спраннымъ пріят-
ель. — Сказанъ походъ — вдали слы-
шны выстрѣлы. — Проспите! —

26 Февраля, 1814.

IX.

ДВѢ АЛЛЕГОРІИ.

I.

Еслибъ доспашокъ позволялъ мнѣ исполнять по волѣ всѣ мои прихоти, то я побѣждалъ бы къ Художнику N. съ полнымъ кошелькомъ, и предложилъ ему двѣ *мысли* для двухъ картинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо тѣ, которыми Живописцы хотѣли изобразить историческія происшествія; но мои будущъ говоришь разсудку, потому что онѣ ясны и точны: онѣ будущъ говоришь воображенію и сердцу, если Художникъ выразишь то, что я теперь мыслю и чувствую.

Напишите, сказалъ бы я Живописцу, — копорый до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а только рабски подражалъ Рафаелю; но копорый можешь изобрѣтать, ибо имѣешь умъ, сердце и воображеніе, — напишите мнѣ

Генія и Форшуну, обрѣзывающую у него крылья.

Х. А! Я васъ понимаю! (*немного подумавъ*) Вы хоппше изобразипъ жестокою побѣду нещаспія надъ талантомъ. — Генія Живописи. . .

Я. Я не назначаю именно какого Генія; опъ васъ зависишь выборъ: Генія Поэзіи, Генія Войны, Генія Философіи, Науки или Художества, какого вамъ угодно; только Генія пламеннаго, пылкаго, наполненнаго гордоспи и себя-познанія, кошораго крылья неушомимы, кошораго взоръ орлиный пронипаешь, объемлешь природу, ему подчиненную; кошораго сердце ушопаетъ въ сладоспраспіи чистѣйшемъ и неизъяснимомъ для проспаго смершнаго, при одномъ помышленіи о добродѣтели, при одномъ именованіи славы и безсмертія.

Х. (*Съ радостію взявъ мѣлъ, подбѣгаетъ къ грунтованному холсту*). Я васъ понимаю, очень понимаю. . .

Я. Я увѣренъ, что Художникъ N. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славѣ.

Х. (Взявъ меня за руку и краснѣя при каждомъ словѣ). Вы не повѣрите, какъ я люблю славу: стыдно признаюсь; но вы хопите . . . (терпитъ мѣломъ абрисъ фигуры) вы хопите . . .

Я. Генія. Чтوبъ изобразишь живо, какъ я его чувствую, прочитайше жизнь Ломоносова, эшого рыбака, который, по словамъ другаго Поэта, изъ проспой хижины шагнулъ въ Академію; прочитайше жизнь Петра Великаго, который самъ себя создалъ и попомъ Россію; прочитайше жизнь чудеснаго Суворова, котораго душу, сердце и умъ природа оплила въ особенной формѣ, и попомъ изломала ее въ дребзги; взгляните, если угодно, на шворенія вашего Рафаеля, въ памяти котораго помѣщалась вся природа! Написавши воображеніе идеаломъ величія во всѣхъ родахъ, пишете смѣло; вашъ Геній будетъ Геній, а не фигура Академическая. Теперь вообразите себѣ, что онъ борется съ враждебнымъ рокомъ; запушайте его ноги въ сѣняхъ несчастія, брошенныхъ коварною рукою

Форшуну; пусть слѣпая и жестокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахезиса прерываетъ нишъ жизни героя, или лучшаго изъ смертныхъ, — Сократъ или Моро, Ласъ-Казаса или Еропкина, благодѣшеля Москвы.

Х. Я разумѣю, Форшуну изображу, какъ обыкновенно: съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣшьте, что побѣжденный Геній пошущаетъ свой пламенникъ. Нѣтъ крыльевъ, нѣтъ и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣтъ слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ устахъ божественнаго. Чувство негодованія, и — если можно слышь другое чувство, совершенно тому противное — сожалѣніе объ утраченной Славѣ, копорая съ ужасомъ направляетъ подетъ свой, куда перстъ Форшуну ей указываетъ.

Х. Геній мой будетъ походить на Аполлона Дельфійскаго. . .

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣня въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣть нѣкоторое сходство съ лицомъ несчастнаго Генія, у котораго Форшуна обрѣзала крылья.

Х. (*Задумавшись, и потомъ съ глубокимъ вздохомъ*). Я васъ понялъ совершенно: Художникъ не всегда былъ ба-ловнемъ Форшуны. Мы всѣ, дѣши Аполлоновы, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе утратили свои крылья въ жестокой борьбѣ, и пламенникъ шланга пошухъ самъ собою. Вы будете довольны каршиною. Теперь - же спану ее компоновашъ. Просшите. —

II.

Я. Каршина ваша прелестна! Для васъ Геній не пошушилъ своего пламенника, когда вы изображали его божественное лице.

Х. Я доволенъ: но спросите у меня, какъ я спрадалъ! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ моей, когда

я изображалъ Генія, потушившаго пла-
менникъ свой, и лице эпой неумоли-
мой, безразсудной Форшуны, кошорая,
исполняя долгъ свой, шакъ спокойна!
ибо не вѣдаетъ, что творитъ! — она съ
повязкою на глазахъ. Вѣрите ли, чшо
сердце мое обливалось кровью, при
одной мысли объ участи Художниковъ,
кошорые въ опечесивѣ своемъ не на-
ходящъ пропитанія. . .

Я. (Разсматривая картину). Прекра-
сно! . . . Но знаете ли, чшо можно вос-
креситъ вашего Генія?

Х. (Съ радостію) Воскреситъ?

Я. Выслушайте меня: я шелъ однажды
въ дикомъ лѣсу и потерялъ дорогу,
Выхожу на свѣшъ, вижу пещеру, освѣ-
ненную густыми вѣшвами, и въ эпой
пещерѣ . . . вашего Генія.

Х. Моего Генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчиво-
сти, опершись на одну руку. Потух-
шій свѣшникъ лежалъ у ногъ, а кру-
гомъ — обрѣзанныя крылья, кошорыя
развѣваль пустынный вѣшеръ, съ шу-

момъ пролетающей въ пещерѣ: я ужаснулся.

Х. Далѣе. —

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди спрадальца; онъ взглянулъ на пошухшій пламенникъ, и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающей Рафаель! Далѣе...

Я. Вдругъ вся пещера освѣтилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Всплываютъ два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Форшуна.

Х. Опять эта слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ спрадаль бѣдный Геній.

Х. Я воображаю удивленіе Форшуны, которая въ первый разъ въ жизни разглядѣла глупость, сдѣланную въ слѣпотѣ.

Я. Слава отдаетъ свои крылья Генію; Любовь зажигаетъ его пламенникъ; Геній прощаетъ изумленной Форшунѣ,

и въ лучахъ торжественнаго сіянія
воспаряешь медлѣнно къ небу.

Х. Вошь картина!

Я. Вы угадали. — Берите живописную
кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта ра-
бота облегчитъ мое сердце... Такъ!
надобно, непременно надобно воскре-
ситъ бѣднаго Генія!

Х.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

Пускай утверждаютъ, что хопяшь, прихотливые люди и спрогіе умы; а я утверждаю, М. Г., что Науки и Словесность у насъ въ самомъ блистательномъ состояніи. — Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмотрите, какъ они разживаются: *по домикъ выстроитъ, по кулятъ деревеньку.* Чѣмъ же? — Торговлею. Какою? Книжною. Слѣдственно у насъ пишутъ, у насъ читаютъ, и изъ одного слѣдствія къ другому я могу вывести, что Словесность Русская въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Воцъ что хопѣлъ я доказать и что вы знаете безъ моихъ доказательствъ; ибо вы, М. Г., наблюдаете постоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ Астрономъ наблюдаетъ теченіе любимой пла-

непы. Вы замѣшили конечно, что мы заняли всѣ пуши къ славѣ, и многія матеріи исчерпали до дна, такъ что нашимъ пошомкамъ надобно будетъ умирашъ опъ жажды. — Проспише мнѣ эшо выраженіе, и сосчитайше со мною Эпическія Поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. — Считайше опъ Ломоносова до Сл. скаго и далѣе, опъ кедра до вссоповъ, и замѣшьте, что всѣ Поэмы исполнены красошъ, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ намѣревался сказашъ, и не успѣлъ: но эшо сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянушъ на обширную обласшъ Талии и наконецъ Мельпомены, копорая безпре-спанно обогащается новыми пріобрѣщеніями и скоро испощишъ всю священную древностъ опъ сотворенія міра. — У Французовъ одна Апалія; у насъ, благодаря усердію Писашедей, не одна трагедія переносишъ насъ въ землю Іудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Театрѣ, на копоромъ основана слава нашихъ праошцевъ, о журналахъ, романахъ и пр., изданныхъ на

задъ тому двадцашъ лѣтъ и болѣе. — Ихъ мало чипаюшъ; но время доказало, что они безсмертны: они уцѣлѣли въ пожаръ Сполицы. Добро не горишъ, не шонешъ — говоришъ пословица. Сердце мое дрожишъ отъ радости, когда я начинаю исчисляшъ на досугъ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на Анпикварія, кошорый, не дѣлая никакого употребленія изъ своего золоти, любешся имъ и говоришъ: вошъ червонецъ! вошъ рубль! вошъ старинная монеша! шакого-шо года! при шакомъ-шо Царѣ! Кшо ее опливаль? изъ какого рудника эшо золоти? кшо употребляль эшу монешу? А я говорю: вошъ Трагедія 1795 года! Кшо ее писалъ? кшо чипаль ее? — Творца не мудрено отъ искашъ по шворенію; но чипашелей найши не легко: мы еще не любимъ *оптесственнаго*. Что нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; разспавляю ихъ по порядку хронологическому, и горжусь моимъ богашствомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хошя одинъ предметъ, одну опрасль ума человѣческаго, кошо-

рую бы мы не обработали по своему? Поэзии — море! и поле Краснорѣчія необозримое! — Загляните только въ Журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете — сокровища! Здѣсь похвальное слово шакому-то, тамъ надгробное слово шакому-то; здѣсь привѣшпвіе, тамъ благодарный гласъ общества: и все то благо, все добро! Всѣ Герои, всѣ Полководцы, всѣ Писатели увѣнчаны пальмами Краснорѣчія, и шагають торжественно въ храмъ безсмертія. — Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ, * и будемъ хвалишь все, что пресмыкается и ползаешь въ царствѣ живошныхъ. — И шакъ мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать Похвальное слово Сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе непохожій на пошль, который напечатанъ въ вашемъ Вѣспникѣ. Если вы найдете, что чптали ваши не заснушь надъ эшимъ панегирикомъ, то покорнѣйше прошу напечатать его въ Журналъ и сохра-

* Смощри Вѣспникъ Европы 1810 года. —

нишь для потомства, которое конечно благодарные современниковъ, зависпавшихъ, сирогихъ и вовсе неспособныхъ цѣнить дарованія. Это не мои слова, М. Г., а моего пріятеля Н. Н.... который пишетъ стихи и прозу, но только не печатаетъ ихъ въ вашемъ Журналѣ, и потому вамъ неизвѣстенъ. —

Имѣю честь быть и проч.

Предисловіе.

Въ 18 . . . году, лѣтъ нѣскольکو до
нашествія просвѣщенныхъ и ученыхъ
Вандаловъ на Москву, жилъ на Прѣс-
ненскихъ прудахъ нѣкто Н. Н., ориги-
наль весьма ошличный ошъ другихъ
оригиналовъ Московскихъ. — Всю жизнь
провелъ онъ лежа, въ совершенномъ
бездѣйствіи нѣлесномъ и, сколько воз-
можно было, душевномъ. Умъ его, хошя
и образованный воспитаніемъ и при-
дѣжнымъ чпеніемъ, не хотѣлъ, или не въ
сосстояніи былъ побѣдить упрямую на-
шуру. — Имѣя большой досашокъ при
щасшливыхъ обстоятельсвахъ (копо-
ры единсвенно могутъ сохранить въ
полношъ характеръ человека); онъ не
имѣлъ нужды покоряться условіямъ
общества и требованіямъ должно-
стей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; а хо-
тѣлъ одного спокойствія. — Великій
Конде товаривалъ: если бы я былъ ца-
ремъ моей постели, то никогда бы съ
нее не вставалъ. — Нашъ оригиналь былъ
совершенный царь своей постели. —
Цѣлой день онъ лежалъ шо на одномъ

боку, то на другомъ, и всю ночь лежалъ! Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною Турецкою прубкою, въ Тапарскомъ, или Кишайскомъ шлафрокъ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чтеца попеременно читали ему книги; ибо лѣнь не позволяла заниматься самому чтеніемъ: но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ, и подъ непроницаемою корою безстрашнаго спокойствія таилъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и — странное дѣло! — не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. „Опъ этого лучше спишся!“ — говорилъ онъ тѣмъ, кошорые выхваляли его благошворительность. — Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новости; но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о оправданіи человѣчества, вдругъ оживлялся, какъ разбитый параличемъ опъ прикосновенія электрическаго прутика.

Впрочемъ онъ былъ самый безстра-
 сный *автоматъ*: никого не обижалъ,
 ни съ кѣмъ не заводилъ шаябъ, ни
 надъ кѣмъ не смѣялся, никому не про-
 шиворѣчилъ, не имѣлъ никакихъ спра-
 сней: спросить его была лѣнь. Скучалъ
 ли онъ? Утвердительно отрицать не
 могу; но заключаю, что скука ему
 была извѣстна, и вошь по какому
 обстоятельству. — Однажды онъ по-
 слалъ за мною. „Садись или ложись на
 диванъ;“ сказалъ онъ, указывая на Ту-
 рецкую поселю: „я намѣренъ ѣхать
 въ деревню, и воспользоваться пер-
 вымъ весеннимъ воздухомъ. Снѣгъ рас-
 таялъ и спукъ по московой карешъ и
 дрожекъ начинаешь меня беспокоить.
 Но въ деревнѣ не лѣзя быть безъ обще-
 ства; сосѣди мои люди дѣятельные; съ
 ними надобно говорить, ѣздишь на охо-
 ту, заводишь шаябъ, миришь, ссоришь
 и пр. и пр. . . о! это меня разстроитъ
 совершенно! Двери на крюкъ сосѣдямъ.
 Съ кѣмъ же я буду убивать время?
 Съ такими друзьями, какъ ты, напри-
 мѣръ!“ Я привскалъ и хотѣлъ благо-
 дарить за учтивость; но лѣнинецъ мой

замахалъ обѣими руками и продолжалъ.
 „Я знаю въ Москвѣ человѣкъ до шестн,
 людей пріятныхъ въ обществѣ, и со-
 вершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ
 могутъ назваться по справедливости
 добрыми людьми. Лѣность не позво-
 ляешь другимъ пускайся на злыя
 дѣла: и это хорошо! Мы пригласимъ
 ихъ къ себѣ. Но теперь надобны жен-
 щины: вошь истинное запрудненіе.
 Безъ женщинъ общество мужчинъ скоро
 наскучитъ. . . А гдѣ найши женщинъ
 лѣнивыхъ?“ — Боже мой! какъ не най-
 ши! — вскричалъ я. „То есть лѣнивыхъ
 по моему образу мыслей?“ возразилъ
 Н. Н., покачавъ головою и насупя брови:
 „ихъ языкъ вѣчно дѣшелень, въ вѣч-
 номъ движеніи; это ршуть, это бѣлка
 на привязи у колеса, это маешникъ,
 которъ. . . (лѣность или доброта серд-
 ца не дозволили кончить сравненій). Но
 такъ и быть, продолжалъ лѣншій съ
 глубокимъ вздохомъ: я согласенъ при-
 гласить вдову пріятеля моего Гене-
 рала А. съ двумя дочерьми, добрыми и
 любезными дѣвущками. Дружба меня
 сдѣлаетъ снисходительнымъ. Толстая

жена ошкупщика нашего Ж. съ племянницею; лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все украситъ. Общество мое пусть называютъ какъ хотятъ Московскіе насмѣшники; но оно будетъ пріятно мнѣ и господамъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе общества лѣнивыхъ.“ — Я взялъ перо и бумагу, и написалъ подъ дикташурою нашего лѣниша условія, подъ коими всѣ члены согласились подписать свои имена, и мы на канунъ 1го Мая отправились въ подмосковную...

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго спокойствіе ни что не можешь нарушить, стоитъ большой господской домъ, архитектуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзднаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишинѣ въ сей мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни,

расположены въ нѣкоторомъ разспояніи одна опъ другой и закрыты рошицами. Передъ окнами большія плакущія ивы, березы и цвѣпники, засѣянные Кишайскимъ макомъ. — Здѣсь все посвящено лѣни, все пипаетъ ее, все приглашаетъ ко сну: подъ каждымъ спариннымъ деревомъ дерновая скамья; въ каждой бесѣдкѣ канапе, или постель, съ большими занавѣсами и со всѣми предоспорожностями опъ комаровъ и мошекъ; а на дверяхъ надпись изъ нашего Пиндара - Анакреона:

Сядь, милый гостъ! здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семь шонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ сшолы немножко:
Пріятно часикъ похрапѣшь!
Злашой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могушь залешѣшь! —

Ни крикъ пѣшуховъ, ни спукъ шопора, ни шопопъ, ни конское ржаніе, ничто не нарушаетъ глубокаго молчанія. — Кромъ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромъ озера, кошорое даскаетъ шихимъ плесканіемъ пологіе

берега свои, вы ничего не слышите. Сія тишина бываетъ прервана, или очарована роговою музыкою, которая при закатѣ солнца провожаетъ умирающій день, и нѣжными, сладостными и пропѣятыми звуками пригошворяетъ сладкое усыпленіе и веселыя мечты хозяину помѣстья. — Но это рѣдко случается; ибо онъ боится покоить своихъ музыкантовъ. — У него нѣтъ ни одного дѣятельнаго или суевѣливаго человека: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразить наслажденія Эпикурейца. Я не стану описывать его дома. — Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, шепель и не слишкомъ свѣпель, ибо Архисекпоромъ располагалъ по своей волѣ прихотливый хозяинъ. Но одна зала достойна вашего замѣчанія. — Ея большія полуовальные окна освѣнены со всѣхъ сторонъ густыми вѣшьями вязовъ и липъ, которыя въ Іюнь наполняютъ бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣтовъ окрестный воздухъ. Всѣ стѣны обширной залы украшены картинами.

Двѣ — изображають Идилліи изъ золота-
 олвѣка; другія рожденіе Морфея, его пе-
 щеру и владычество его надъ небомъ
 и землею. Здѣсь видите Смерть въ видѣ
 усыпленнаго Генія; тамъ Эрминію,
 опдыхающую у пастуховъ; спящаго
 Эндиміона, который, кажешся, весь
 осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны,
 и во снѣ вкушаетъ сладости, неизъясни-
 мыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы ви-
 дите мальчика, уснувшаго на краю
 колодца; Форшуна поддерживаешь его
 рукою, но такъ оспорожно, что, ка-
 жешся, боится разбудить безпечнаго:
 прелестное изображеніе счастливецъ
 и баловней слѣпой богини, которые
 забываются на краю своей гибели! На-
 конецъ, на колоннадѣ, украшающей
 преддверіе залы, вы читаете имена
 знаменитыхъ лѣнивцевъ: Лукулла, Сар-
 данапала, Анакреона, Лафоншена, Шо-
 лію, Лафара, пусть же имена Русскихъ
 Спихотворцевъ, и имя того, который
 пишетъ прелестныя Басни и Комедіи,
 и неборимую лѣносность свою умѣетъ
 украшать прочнѣйшими цвѣтами По-
 эзіи и Философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе Общества лѣнивыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ; поданъ имъ знакъ, и одинъ изъ членовъ, Орапоръ лѣнивыхъ, произнесъ похвальное слово Сну.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО Сну.

Пока еще сладоспный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на Орапора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, посреди храмины, посвященной лѣноспии, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы! преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ. — Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги Героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ опіянію сна у бѣдныхъ чедовѣковъ, нѣтъ! я хочу выхвалять способность спать; и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться: ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Кимверинскихъ. —

(Громкія рукоплесканія раздались въ залъ. Орапоръ покраснѣлъ отъ радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе! вниманіе! какъ членъ Парламента, пребующій вниманія посреди шумнаго народа, когда Фоксъ и Пишпъ разсуждали о войнѣ или мирѣ. — Все умолкло, и Орапоръ продолжалъ):

Вы улыбаешесь, слушатели, вы отдѣляете медлѣнно головы свои отъ мягкихъ подушекъ, чшобы не пропустилъ ни одного слова краснорѣчиваго Вишн; и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло вступаю въ обширное морѣ краснорѣчія, бурное море, въ кошоромъ погибала слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. —

Кшо не спишь, слушатели, кшо не вкушаешь сладости сна? Злодѣй, пресшупникъ! ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и нещасный еспрадалецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, — и они смыкають вѣжды свои,

омоченныя слезами и они усыпляютъ свои горести. — Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неосторожной Пандоры! Ты вмѣстѣ съ надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!... Ахъ! сонъ есть свидѣтель и порука совѣсти нашей! Сонъ, надежда, и добрая совѣсть, какъ при Харишмы неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца: (здѣсь Орапоръ — указалъ на картину). Это ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы горятъ на ланищахъ малюшки; уста его улыбаются... они ищутъ, кажется, поцаловать матери: дыханіе ихъ легко и сладостно, какъ дыханіе упреннаго вѣтерка, посяпавшаго благоуханную розу.

Спи же, малюшка! пока спрости и люди, ненавистники сна не лишили тебя способности спать, и пока Фортуна поддерживаешь тебя благодѣтельной рукою на краю зіяющей бездны!

Взгляните на сонъ благошворитель-
наго смершнаго: онъ тихъ и спокойнъ,
какъ ночь весенняя. (Орапоръ взглянулъ
на хозяина, который съ трудомъ могъ
сокрыть сладкія слезы на глазахъ).
Душа его, которой ничто не препят-
ствуетъ излишся наружу, дышетъ на
его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на
опущенныхъ рѣсницахъ. — Сердце его
уполаетъ въ веселіи, пульсъ его уда-
ряетъ тихо и ровно, — онъ щас-
ливъ, онъ совершенно благополученъ:
ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ
напоминаетъ ему несчастнаго, кото-
раго онъ извлекъ изъ пропасти, съ ко-
торымъ плакалъ наединѣ. — Кажется,
Ангель-хранитель присутствуетъ у
лоса праведника и огоняетъ бла-
говосными крилами мечты и призра-
ки; кажется, сама Надежда сыплетъ
на него цвѣты свои обильною рукою,
и онъ, сказать ли горькую истину?
онъ просыпается едвамъ сколько щас-
ливъ: ибо первый взоръ его часно,
очень часно встрѣчаетъ неблагодарна-
го. Что нужды? онъ уже наслаждался
во снѣ!

(Мы замѣтимъ, что хозяинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепталъ между прочимъ: друзья мои! я жалю отъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла).

Взгляните теперь на ораша, который засыпаетъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденщика, который, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень, и съ ношею плечъ своихъ слагаетъ все бремя душевное; взгляните на ратника, утружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со стихіями и со смертію, кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; — но онъ заснулъ — и все забыто, и онъ щасливѣе Сапрапа, засыпающаго тонкимъ сномъ на персяхъ восточной Одалиски. Скажите мнѣ теперь: что награждаетъ спрадальцевъ сихъ за труды, потъ и раны? Конечно не скупыя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣтель челоуѣковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса краткое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ пошупила черные глаза, другая покраснѣла. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, успрямивъ на него спрашивные взоры, кошорые, казалось дѣлали слѣдующій вопросъ: — и ты любишь меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? — Орашоръ продолжалъ).

Сладоспенье сонъ любовника: онъ видишь бархашные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфовъ; всѣ предметы и всѣ мѣста украшены присутствіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ, ходишь рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ, и въ палахахъ, и въ обществѣ, и въ пущынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или новая Галашея невнимательна къ твоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинпія, или какъ Зиновія, едва, едва склоняешь къ тебѣ суровые взоры?.. Утѣшився, печальный спрадалецъ! я не

сплану тебѣ совѣтовать вооружаться терпѣніемъ Споика, или попоплять любовь свою въ чашѣ вина,* или забыть въроломную. Но никто не опни-малъ у тебя сна, никто не лишалъ тебя способности усыплять сердце швое посредствомъ сладостныхъ меч-таній? Спи же, любовникъ, спи осьъ ве-чера до ушра, осьъ ушра до вечера, и, къ наказанію швоей каменной Лауры, шы вѣрно когда нибудь проснешься съ преж-нимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ рав-нодушіемъ; ибо сонъ, успокоивая спра-ши, истребляетъ даже ихъ вредное начало. Что есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе въшровъ, и оно спо-койно.

(Море — сердце — дыханіе въш-ровъ — спокойно! . . повторяли слуша-тели, и громкія рукоплесканія разда-лись въ залѣ).

Природа, благая мать смертныхъ! шы начинаешь наказывать преслупника, оскорбишеля правъ швоихъ, прежде за-

* Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. Volt.

коновъ человѣческихъ. — Взгляните на юношу, который въ первый разъ нарушилъ священные законы нравственности: взоръ его пасмуренъ, нешерпѣливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣгаетъ самаго себя, сего *внутренняго полубога*, котораго мы носимъ въ груди своей; онъ ищетъ разсѣянiя въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствiяхъ, и горе ему, если новыя преступленiя изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроемъся на минушу опъ взоровъ человѣческихъ, и тамъ, въ безмолвномъ уединенiи, предаемъся размышленiю: то слезы — вѣспники добраго сердца — слезы раскаянiя омочатъ его ланины, душа его успокоится, прояснѣетъ, подобно мутной водѣ, яснѣющей опъ времени въ чистомъ сосудѣ; душа его придетъ въ лучшее состоянiе, и сонъ, — награда великаго, добраго дѣла, — сонъ заключитъ его въ *мягкія объятiя*: ибо сонъ, во преки всѣмъ наблюдателямъ спрасней человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаянiемъ, — явная премудрость попечительнаго Промысла,

который врачуешь язвы сердца нашего посредствомъ благошворнаго усыпленія.

Но теперь, какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? Преступникъ, преступникъ закоренѣлый въ злодѣянїяхъ! Гласъ оскорбленной природы подобно грому раздался въ его сердце, и гласъ сей былъ ужасенъ: *Злодѣй! ты не будешь спать!* Вошь приговоръ пиранамъ, сластолюбцамъ, разрушителямъ спокойствія общественнаго! Повторимъ сильныя слова Лапшинскаго Спихошворца: „Уже ли страшный ревъ быка Фаларидова, уже ли мечъ, прицѣпленный къ злашному крову и висящій надъ главою вѣнчаннаго пирана, спрашье, ужасье грызеній совѣсти того несчастнаго, который блѣднѣя говоришь, и споль шихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышащъ не можешь: я бѣгу, бѣгу къ погибели?“
Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и тѣ изверги природы, тѣ ряды вѣнчанныхъ злодѣевъ Рима, которыхъ, какъ говоришь Расинъ, одно имя есть ужа-

сная обида ужасному пирану? Вкушала ли сонъ и потъ щасливый злодѣй Британіи (Кромвель), котораго жизнь была загадка, которъ, подобно древнему пирану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между тѣмъ какъ Герой Сѣвера, сей великій мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова, — ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ ума — между тѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунъ рѣшительнаго сраженія!

И такъ, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признакъ великой души. (Надобно замѣтить, что это весьма понравилось собранію лѣнливыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басень, древность, хранилище опытности, развертываетъ передъ нами свои харшіи. — Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунъ ужасной битвы съ Даріемъ засыпаетъ ввечеру; Парменионъ принужденъ его

будишь; ибо знамена Персскія блистали уже вблизи спана Греческаго. Капонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности; ибо ничто не могло поколебать великаго духа Героя Сшои-ковъ. *Mediis tempestatibus placidus.* Августъ спитъ мершвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сициліи. Марій — и что всего чудеснѣе — Марій засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неуспрашимаго вождя, когда сонмы непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣришь Испорикамъ (когда не вѣришь имъ, то вѣришь ли кому?) проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, опцомъ лѣтописцевъ, что есть народы на Сѣверѣ, копорые спятъ въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые ошыскали, что сіи народы обитали въ Россіи; и это не подлежитъ теперь

ни какому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ въ обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души, — ибо сонливый человѣкъ не способенъ дѣлать зла, которое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и непрестанной дѣятельности. — Посмотрите, какъ говоришь о безпечномъ снѣ Лафоншенѣ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, и котораго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son
prix?
En est-il moins profond, et moins plein de
délices?
Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ есть спихіа лучшихъ Поэтовъ? отъ чего они предаются ему до излишества, забывая все — и славу, и попомство, и золотое правило древности, которое говоритъ именно, что праздность безъ науки — смерть, *otium sine litteris mors*

est? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ и копорого я рѣшишь не смѣю, боясь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но усыпительныхъ Писателей, копорые — о свящешествіи! — и самое божество Ночи * оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣшамъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множештво пріятныхъ названій: сонъ утѣшитель смертныхъ! оправданный! тихій! сладостный и пр. Начиная отъ Омера, всѣ они, всѣ до одного описывали менѣе или болѣе, хуже или лучше сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, копорого вся жизнь была одно сладостное мечтаніе безъ пробужденій (просице мнѣ это выраженіе), Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

Подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Копорая меня прохладою даритъ.

* У древнихъ Ночь была сшарѣйшимъ всѣмъ божествомъ.

Сквозь солнце иногда дождь мѣлкой чаше
шумишь :

Я слушаю его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаж-
даюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслаж-
деніямъ тихимъ! какая любовь ко сну!
Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ
драгой

Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вопль сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два стиха показываютъ ма-
стера наслаждаться; послѣдній принад-
лежитъ къ малому числу стиховъ,
написанныхъ отъ души.

Ахъ! почтенное сословіе сонныхъ!
если бы я не боялся прапы времени,
которое можно посвящать съ такою
пользою на сонъ; . . .

(И въ самомъ дѣлѣ Орапоръ началъ
замѣчать нѣкоторую склонность ко
сну въ своихъ благосклонныхъ слуша-
теляхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова,

имѣють странное дѣйствіе на лѣни-
выхъ духомъ, дѣйствіе, подобное жур-
чанію ручейка: сперва направляясь, а по-
томъ клоняшъ ко сну).

...Еслибъ томные глаза ваши не пока-
зывали, что онъ вамъ спановишся ну-
жѣе краснорѣчивѣйшаго панегирика....
(Этотъ второй членъ длиннаго пе-
ріода былъ прерванъ сперва званіемъ
слушателей, а потомъ и самаго Ора-
тора, который однакожъ сдѣлалъ герой-
ское усиліе и продолжалъ): то вѣрнобъ
я предложилъ вамъ убѣдительное срав-
неніе двухъ народовъ: одного воин-
ственнаго, другаго мирнаго; одного,
провождающаго дни и ночи на спражѣ съ
копьемъ въ рукахъ; другаго, изгнавшаго
изъ предѣловъ своихъ все, что кло-
нишся къ нарушенію сна: и пѣпуховъ,
вѣспниковъ ушра, и шумныя Художе-
ства, и снаряды воинственныя; — я
сдѣлалъ бы сравненіе Спаршанцевъ со
щасливыми Сибаритами, и сравне-
ніе мое клонилось бы въ пользу послѣд-
нихъ; — я доказалъ бы, что нѣтъ ща-
стія въ дѣятельности народной, и чрезъ

то открылъ бы неисповѣдимыя истины
и новое поле Полификамъ, поле вовсе
неизвѣстное.

(При словѣ *Полифика*, хозяинъ на-
чалъ зѣвать такъ сильно, что Орапоръ
съ прудомъ кончилъ):

Но я вижу, что Морфей сыплеть
на васъ зернисый макъ свой! Я ощу-
щаю и самъ пайное присушствіе бога
Киммеринскаго. Крыле его соприсаюють
благовонную росу на любимцевъ. . . .
Перстъ его смыкаетъ уста мои. . . языкъ
коснѣеть. . и я засыпаю.

Любитель сна Дормидонъ Тихинъ.

XI.

АРІОСТЪ и ТАССЪ.

Ученіе Италіянскаго языка имѣетъ особенную прелестъ. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ воспитанный подъ щасливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и попомъ при блестящемъ дворѣ Медичисовъ, языкъ образованный великими Писателями, лучшими Поэтами, мужами учеными, Полишиками глубокомысленными,—эпошъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ коихъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу.—Великіе Писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они осматриваютъ на

немъ неизгладимую печать своего Генія: но обратню, языкъ имѣешь вліяніе на Писателей. Трудность выражать свободно нѣкоторыя дѣйствія природы, всѣ ошѣнки ея, всѣ измѣненія, останавливаешь не рѣдко перо искусное и опытное. — Аріостъ, наримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видишь, (а взоръ сего чудснаго Прошея обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію, благовонные луга и роши, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, — лѣса, гдѣ Медоръ упомянутый нѣгою почиваетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики; роскошные чертоги Альцины, гдѣ Волшебница сіяетъ между Нимфами (*si come è bello il sol più d'ogni stella!*); все живешь, все дышешь подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, онъ каршины къ каршинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, прескъ щиповъ, свисъ пращей, преломленіе копій, непрерывность коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и неимовѣрные подвиги мужеснва и храбросни; или брань

стихій, и природу всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (*bello è l'or-goge*)! — Онъ рассказываетъ, и рассказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ спрогою точностію прозы передаютъ читателю блестящія мысли Поэта. Онъ шутишь, и шушки его, легкія, веселыя, игривыя и часто незлобныя, расшворены Аппи-ческимъ остроуміемъ. Часно онъ предаешь движенію души своей, и удивляешь васъ, какъ Орапоръ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ прогаешь, убѣждаешь, онъ невольно испоргаетъ у васъ слезы; самъ плачешь съ вами, и смѣетесь надъ вами и надъ собою; или увлекаешь васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его Музою; заславляешь спрансповатъ изъ края въ край, поднимаешься на воздухъ; — онъ всшупаешь съ вами въ царство Луны, гдѣ находишь все ушраченное подъ Луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ: но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускаешься на землю, и снова описываетъ знакомыя спраны, и человека и спрасши его. —

Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляетесь Поэту и въ сладостномъ восторгѣ восклицаете: Какой умъ! какое дарованіе! а я прибавлю: какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ Италіанскій (изъ новѣйшихъ разумѣется) столь обильный, столь живой и гибкій, столь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ состояніи былъ выражать всѣ игривыя мечты и вымыслы Аріосса, и какъ еще? въ шѣснѣйшихъ узахъ стихотворства: (Аріоссъ писалъ октавами). Но перенесите эпического чародѣя въ другой вѣкъ, менѣе свободный въ мысляхъ,* болѣе поработанный правилами сочиненія, основаннымъ на опытности и размышленіи, дайте ему языкъ сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, — Англійскій,

* Аріоссъ писалъ, что хотѣлъ, прошивъ Папъ. Онъ смѣялся надъ подложной харшіей, копорою Имп. Констаншинъ уступалъ Викарію С. Петра Римъ въ попомственое правленіе, и книга его напечатана въ Римѣ — *con licenzia de superiori.*

или Нѣмецкій, наприкладъ: — и я твердо увѣренъ, что Пѣвецъ Орланда не въ силахъ будешь изображать природу такъ, какъ онъ поспигалъ ее и какъ описалъ въ своей Поэмѣ: ибо (еще повторю) Поэма его заключаешь въ себѣ все видимое швореніе и всѣ спрашки человеческія: это Иліада и Одиссея; однимъ словомъ, природа, поработанная жезлу волшебника Аріоса.* Но щаспливому языку Италіи, богатѣйшему наслѣднику древняго Латинскаго, упрекаешь

* Напрасно будешь мнѣ указывать на Англійскихъ и Нѣмецкихъ Писателей, подражавшихъ Аріосу. Я отдаю полную справедливостъ Виланду, остроумному Поэту и зиждителю новаго языка въ своемъ опечесствѣ; но скажу, и должно со мною согласиться, что въ Оберонѣ менѣе вещей, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь полонъ, и заспавляешь всегда чего нибудь желать; Поэтъ не договариваетъ, и — весьма часто. Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Италіи, во время Аріоса, то какой видъ получила бы его Поэма? — Языкъ у Стихотворца тоже, что крылья у птицы, что матеріалъ у ваятеля, что краски у живописца.

въ излишней изнѣженности? Этого упрекъ совершенно несправедливъ и доказываешь одно невѣжество; знапки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ Поэтѣ Валлакіузскомъ, и въ другихъ Писателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ копорыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными; гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно — *Chiama gli abitator* — найдете въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу Поэта и языка. Сколько описаній битвъ въ Поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ, или рѣдко ниже картинъ *Виргилія*. Онѣ часто напоминаютъ намъ самаго *Омера*.

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по копорымъ бѣгутъ испуганные воины, преслѣдуя махерей, прижавшихъ

ирепетныхъ младенцевъ къ персямъ
своимъ :

Ogni cosa di strage era già pieno;
Vedeansi in mucchi e in monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e quì giaceano
Sotto morti insepolti, egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madre, co capègli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine. —

„Всѣ мѣста преисполнились убій-
„ствомъ. Груды и горы убіенныхъ!
„Тамъ раненые на мертвыхъ, здѣсь
„мертвыми завалены раненые; прижавъ
„къ персямъ младенцевъ, убѣгающъ оп-
„чаянныя машери съ раскиданными вла-
„сами; и хищникъ, ошягченный огра-
„бленными сокровищами, хватаетъ за
„власы дѣвъ устранныхъ.“

Желаете ли видѣть поле сраженія,
покрытое неперпѣливыми воинами, —
картину единственную, величествен-
ную! Солнце проливаетъ лучи свои на
долину; все сіяетъ: и оружіе разно-
цвѣтное, и стальные доспѣхи, и шле-
мы, и щиты и знамена. Слова Поэта
имѣютъ нѣчто блестящее, шорже-

сшвенное, и мы невольно восклицаемъ
съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'or-
rore!

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte vennèi
Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar sù i gran cimier le penne;
Abiti, fregj, imprese, arme e colori
D'oro e di fero al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

„Ошкрылось великолѣпное и удиви-
тельное зрѣлище, когда оба войска
„выстроились одно противъ другого,
„когда развернулись въ порядкъ пол-
„чища, двигаясь и нападать гошовыя!
„Распущенныя по въпру знамена вол-
„нуются; на высокихъ гребняхъ шле-
„мовъ перья колеблются; испещренныя
„одежды, вензели и цвѣты оружія,

„злато и спаль яркимъ блескомъ и сія-
„ніемъ лучи солнечные отражаютъ.

„Въ густой и высокой лѣсѣ сомкну-
„лись копья: споль многочисленно и
„то и другое воинство! Натянута
„луки, обращены копья, сверкаютъ
„дрошники, пращи крушатся, самый
„конь жаждетъ кровавой бишвы: онъ
„раздѣляетъ ненависть и гнѣвъ ожес-
„точеннаго всадника; онъ роетъ зем-
„лю, бьетъ копытами, ржетъ, кру-
„жится, раздуваетъ ноздри, и дымомъ
„и пламенемъ пышетъ.“

Но бишва закипѣла, часъ отъ часу
становился сильнѣе и сильнѣе. Въ сра-
женіи есть минуны рѣшительныя; я
на опытѣ знаю, что онъ не споль ужас-
ны. Побѣдитель преслѣдуетъ, побѣ-
денный убѣгаетъ; и тошъ и другой
увлекаются примѣромъ товарищей сво-
ихъ, и тошъ и другой заняты собою. —
Но минуна ужасная есть та, когда оба
войска, послѣ продолжительнаго и упор-
наго сопротивленія, изтощивъ всѣ
усилія храбрости и искусства воин-
скаго, ожидаютъ рѣшительнаго конца, —
побѣды, или пораженія; когда всѣ гласы,

всѣ громы, сольются во едино и составлятъ нѣчто мрачное, неопредѣленное и безпрестанно возрасшающее: эту минушу Поэтъ описываетъ съ необыкновенною вѣрностію:

Così si combatteva: e in dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi, e di troncato arnese:
Di spade ai petti, alle squarciate pance
Altre confitte, altre per terra stese:
Di corpi altri supini, altri co'volti,
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. —

Giace il cavallo al suo signore appresso,
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già si liete in vista foro,
Facceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color più resta.
Quanto apparia d'adorno, e di decoro
Ne'cimieri, e ne fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza,
Tanto i campi mutata avean sembianza! *

* Въ сихъ шрехъ Октавахъ безсмертный
Тассъ превзошелъ себя. — Здѣсь полная кар-

„Такъ рашовало воинство съ равнымъ
 „спрахомъ и надеждою. Все поле зава-
 „дено предомленными копьями, разби-
 „тыми щитами и доспѣхами. Мечи
 „вонзилися въ грудь, въ прободенные
 „панцыри; иные по землѣ размешаны.
 „Здѣсь трупы ницъ поверженные въ
 „прахъ; тамъ трупы лицомъ обращен-
 „ные къ солнцу.

„Лежишь конь близъ всадника, ле-
 „жишь товарищъ близъ бездыханнаго
 „товарища; лежишь врагъ близъ врага
 „своего и часто мертвый на живомъ,
 „побѣдитель на побѣжденномъ. — Нѣшь
 „молчанія, нѣшь криковъ явственныхъ;
 „но слышишься нѣчто мрачное, глухое:
 „клики опчаянія, гласы гнѣва, воз-
 „дыханія спраждущихъ, вопли уни-
 „рающихъ.

шина. Ничего лишняго, ничего натянушаго,
 сверхъ естественнаго. Non v'è silenzio non v'è
 grido espresso, и при слѣдующія стиха живо-
 писны. — Въ послѣдней октавѣ стихотворецъ
 повторяетъ всѣ подробности и кончитъ
 какъ мастеръ: — Tanto i campi avean mutata
 sembianza.

„Оружіе, дошолъ пріятное взорамъ,
 „являешъ зрѣлище ужасное и плачев-
 „ное. Упрашила блескъ и лучи свои
 „гладкая спаль. Упрашили красоту
 „свою разноцвѣтные доспѣхи. Богатые
 „шлемы, прекрасныя лапы въ прахъ
 „ногами попраны. Все покрыто пылью
 „и кровью: споль ужасно премѣнилось
 „воинство! *

Мы не можемъ останавливаться на
 всѣхъ красотахъ освобожденнаго Іеру-

* Сія картина поля сраженія напоминаетъ
 намъ прекрасные стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены шѣла:
 Иной съ размаху мечъ занесъ на сопосшаша,
 Но прежде прободень, удара не скончалъ.
 Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ
 злеша;

Но мертвый на корысть желанную упалъ.
 Иной опъ сильнаго удара убѣгаетъ,
 Сшремглавъ на низъ слешѣлъ и стонетъ
 подъ конемъ;

Иной пронзенъ, угасъ, противника сражая;
 Иной врага повергъ, и цлиеръ самъ нанемъ.

Замѣшимъ мимоходомъ для стихотворцевъ,
 какую силу получающъ самыя обыкновенныя
 слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ.

салима; ихъ множество! Прелестный
 Эпизодъ Эрминіи, смерть Клоринды,
 Армидины сады и единоборство Тан-
 креда съ Арганпомъ: кто читалъ
 васъ безъ восхищенія? Вы останешесь
 незабвенными для сердець чувствитель-
 ныхъ и для любителей всего прекра-
 снаго! Но въ Поэмѣ Тассовой есть кра-
 соты другаго рода; и на нихъ должно
 обратишь вниманіе Поэту и Критику.—
 Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ
 вѣры есть лучшая принадлежность Эпо-
 пей. Тассъ описался въ ономъ. Съ
 какимъ искусствомъ изображалъ онъ
 нравы рыцарей, ихъ великодушіе, сми-
 renіе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость
 и набожность! Съ какимъ искусствомъ
 приводилъ онъ крестоносцевъ къ
 стѣнамъ Іерусалима! Они горятъ не-
 терпѣніемъ увидѣть священные верхи
 града Господня. Изъ дали воинство при-
 вѣстивуешь его безпрерывными вос-
 кликаніями, подобно мореплавателямъ,
 открывшимъ желанный берегъ. Но вско-
 рѣ священный страхъ и уныніе смѣ-
 няють радость: никто безъ ужаса и
 сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на

священное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ человѣчество спраданіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены; все воинство послѣдуешь ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряется предъ Тѣмъ, кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнушы въ нашей религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды вѣры, всѣ спрашныя шайнства обогатили Тассову Поэму. — Ринальдо вырывается изъ объятий Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный вишязь бесѣдуетъ снова съ товарищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, копорыа онъ одинъ можетъ разрушить: но простой опшельникъ Пешръ совѣщаетъ рыцарю исповѣдью очистишься отъ заблужденій юности, прежде нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. „Сколько ты обязанъ Всевышнему! говоришь онъ. Его рука спасла шебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ

своему стаду. Но ты нокрыишь еще
 шиною міра, и самыя воды Нила, Ган-
 геса и Океана не могушь очистишь
 себя: одна благодащъ совершишь сіе.,,
 Онъ умолкъ, и сынъ прелестной Софіи,
 сей гордый и нешерпѣливый юноша,
 повергаешся къ стопамъ смиреннаго
 опшельника, исповѣдуешъ ему прегрѣ-
 шенія юности своей, и очищенный опъ
 оныхъ идешъ безпрепечно въ лѣса,
 исполненные очарованій волшебника Ис-
 мена. — Годофредъ, желая осадить го-
 родъ, пригошовляешъ махины, спѣно-
 бишныя орудія; но спрогій Пешръ
 являешся въ шаперъ къ военачальнику.
 „Ты пригошовляешъ земныя орудія, го-
 воришь онъ набожному повелишелю, а
 не начинаешъ, опколъ надлежишь. На-
 чало всего на небѣ. Умолай Ангеловъ и
 полки Свяшыхъ; подай примѣръ набож-
 ности войску.,, И на ушро опшельникъ
 развѣваешъ спрашное знамя, въ самомъ
 раю почишаемое; за нимъ слѣдуешъ ликъ
 медлѣннымъ шагомъ; священнослужи-
 тели и воины (соединившіе въ рукъ
 своей кадильницу съ мечемъ), Гвильемъ
 и Адимаръ, заключають шесливѣ лика;

за ними Годофредъ, начальники и войско
обезоруженное. Не слышно звуковъ пруж-
бы и гласовъ бранныхъ; но гласы мо-
литвы и смиренія: . . .

*Te genitor, te figlio eguale al Padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te d' Uomo, e di Dio Vergine Madre,
Invocano propizia a i lor desiri, и пр. и пр.*

Такъ шеспвуешь поющее воинство,
и гласы его повшоряють глубокія до-
лины, высокіе холмы и эхо пущынь
опшдаленныхъ. Кажешся, другой ликъ
проходишь въ лѣсахъ, досель безмолв-
ныхъ, и явшвенно великія имена Ма-
ріи и Христа воспѣваешь. Между шѣмъ
со шѣнь города взирають въ безмолвіи
удивленные поклонники Могаммеда на
обряды чуждые, на ведельшіе чудесное
и пѣніе божешвенное. Вскорѣ гласы
прокляшій и хуленій невѣрныхъ на пол-
няютъ воздухъ: горы, долины и пошoki
пущынные ихъ съ ужасомъ повшо-
ряють.

Такимъ образомъ великій Спихошво-
рецъ умѣлъ прошивупосшавишь обря-
ды, нравы и религіи двухъ враждебныхъ

народовъ, и изъ садовъ Армидиныхъ, онъ сельскаго убъжища Эрминіи, перенесись въ станъ Христіанскій, гдѣ все дышешь благочесніемъ, набожноспію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняется. Въ черпогахъ Армиды онъ сладоспень, нѣжень, изобилень; здѣсь онъ мужеспивень, величеспивень и даже суровъ.

Тѣ, которые упрекають Италіянцевъ въ излишней изнѣженности, конечно забываютъ прехъ Поэтовъ: Альфьери — душею Римлянина, Данша — зиждишеля языка Италіянскаго, и Пепрарка, который нѣжностъ, сладостъ и постоянное согласіе умѣлъ сочешать съ силою и крашкостію.

XII.

ПЕТРАРКА.

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вопишь что говоришь Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами постоянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству, какъ Ученый прилежный, неутомимый; онъ первый возстановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ первый занимался критическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ истинный знашокъ и любитель всего изящнаго. — Не по однимъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ Исторіи Италіанской; онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостями Императора Римскаго, и наконецъ опъ Роберта, Короля

Неаполишанскаго — названъ и другомъ и величайшимъ Геніемъ. Замѣшьте, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени, и предпочишалъ (это собственныя его слова) науки и дарованія самой діадимъ. Наконецъ Петрарка сдѣлался безсмертенъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ *, — стихами, писанными на языкѣ Италіянскомъ, или народномъ нарѣчіи. — И шакъ, славы никто не оспориваетъ у Петрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ. Многіе Французскіе писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Петрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красоту созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дульцинея Серваншовымъ героемъ. —

* Въ этомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичъ много сходствовалъ съ Петраркомъ. Онъ часто говаривалъ М. у: „Стихи мои, которые вамъ шакъ нравятся, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ поту: на ней-то основана моя слава. . . .“ Петрарка и Богдановичъ, обманулись!

Италіянскіе крипики, ревнивели славы божественнаго Петрарки, утвердили существованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни, и на каждый стихъ Петрарки написали цѣлыя страницы толкованій. — Сія дань учености дарованію покажется инымъ излишнею, другимъ смѣшною; но мы должны признаться, что только въ нѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, родятся великіе авторы. Любили Поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце Поэта и истину его выраженій, не будутъ сомнѣваться въ любви Петрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать всѣ виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Феокрипѣ, Кашулѣ, Проперціѣ, Овидіѣ, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ Поэтахъ. Одинъ сладострасшенъ, другой нѣженъ, и такъ да-

лѣе. Петрарка, подобно имъ, испыталъ всѣ мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто неведущее, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облекшійся въ прелести земныя. — Древніе Стихотворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и ошвеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслажденія; они спрадали и описывали ревность, тоску въ разлукѣ, или надежду близкаго свиданія. — Слезы горести или восторга, нѣкоторыя обряды идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, улетшающей какъ призракъ, какъ сонъ, — все изъ чего были составлены любовныя Поэмы древнихъ, все по чему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ болѣе движенія и лучшее развитіе спрасей, однимъ

словомъ, болѣе драматической жизни, нежели въ одахъ Петрарки: — но не болѣе истины.

Тибуллъ, задумчивый и нѣжный Тибуллъ, любилъ напоминать о смерти своей Деліи и Немезидѣ. „Ты будешь плакать надъ умирающимъ Тибулломъ; я сожму руку твою хладящею рукою, о Делія!..“

*Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam moriens, deficiente manu....*

И сіи слова драгоцѣнны для сердець чувствительныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для Поэта; самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый Поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилъ туда грубыя, земныя наслажденія. Петрарка напрошивъ того: онъ надѣялся увидѣть Лауру въ лонѣ божества, среди Ангеловъ и Святыхъ; ибо Лаура его есть ангелъ непорочности; самая смерть ея — порожество жизни надъ смертію. „Она погасла какъ лампада; говоритъ Стихотворецъ; — смерть не обезобразила ея прелестей; нѣтъ! не смерщная блѣдность покрыла ея лице:

близна его подобилась снѣгу, медленно
падающему на прекрасный холмъ въ
безвѣтренную погоду. Она почила, какъ
человѣкъ по совершеніи великихъ
трудовъ: и это называютъ смертію
спящие человѣки!“

Петрарка девять лѣтъ оплакивалъ
кончину Лауры. Смерть красавицы не
испребила его спраси; напрошивъ
шого, она дала новую пищу его сле-
замъ, новые цвѣты его дарованію: гим-
ны Поэта сдѣлались божественными.
Никакая земная мысль не помрачила
его печали. Горестъ его была вѣчная,
горестъ христіанина и любовника. Онъ
жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ,
его сердце, всѣ воспоминанія; тамъ была
его Лаура! — Стихи Петрарки, сіи
гимны на смерть его возлюбленной, не
должно переводить ни на какой языкъ;
ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразишь
постоянной сладости Тосканскаго, и
особенной сладости Музы Петрарко-
вой. Но я желаю оправдать Поэта,
кошораго часно кришика (опдавая
впрочемъ похвалу гармоніи стиховъ

его) спавить наравнѣ съ обыкновенными Писателями по части изобрѣшенія и мыслей. Въ прозѣ остающся однѣ мысли.

„Исчезла твоя слава, міръ неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты не достойна была знать ее, земля неблагодарная! ты не достойна бышь попираема ея священными стопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить безъ нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами! слезы послѣднее мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы! въ землю превратились ея прелести; онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ: здѣсь покрывало зашемнявшее его сіяніе. Она облечется снова и на вѣки въ красоту небесную, которая, безъ сравненія превосходитъ земную. Ея образъ являешся мнѣ одному (ибо кто могъ обожать ее, какъ я?), онъ являешся и прелестнѣе и свѣтлѣе. Божествен-

ный образъ ея, милое имя, кошорое
опыывается столь сладостно въ моемъ
сердцѣ, — вы единственныя опоры сла-
бой жизни моей. . . . Но когда минувшее
заблужденіе исчезаетъ, когда я вспо-
мню, что лишился надежды моей въ са-
момъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь,
что со мною тогда бываетъ, знаешь
и она, та кошорая приблизилась къ
божественной истинѣ. . . . Я страдаю;
а она изъ жилища вѣчной жизни съ гор-
дою улыбкою презрѣнія взираетъ на
земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное.
Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, и умо-
ляетъ тебя не зашумишь сіянія славы
ея, побою на землѣ распростертеннаго;
да будешь гласъ твоихъ пѣсней еще
звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладо-
стны и драгоценны были очи ея
твоему сердцу!“ —

Древность ничего не можетъ пред-
ставить намъ подобнаго. Горестъ Пеп-
рарки улаждается мыслию о безсмер-
тіи души, сурогою мыслию, кошорая
одна въ силахъ искоренить спраски
земныя; но Поэзія не теряетъ своихъ

красокъ. Стихотворецъ умѣлъ сочетать землю и небо; онъ заставилъ Лауру заботиться о славѣ земной, единственномъ сокровищѣ, которое осталось въ рукахъ ея друга, осиротѣлаго на землѣ. Иначе плачешь надъ урною любовницы древній Поэтъ; иначе Овидій съшуешь о кончинѣ Тибулла: ибо всѣ понятія древнихъ о душѣ, о безсмертіи были неопредѣленны. — Петрарка, пораженный ужасною вѣстію о кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколько строкъ на заглавномъ листѣ Виргилія, который весь наполненъ былъ его замѣчаніями: ибо Петрарка читалъ Виргилія и училъ наизустъ безпрестанно. Сія рукопись, драгоцѣнный остатокъ двухъ великихъ людей, хранилась въ Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если не ошибаюсь, находится въ Парижѣ. Простота немногихъ строкъ, начертанныхъ въ глубокой горести, прелесть и споишь лучшаго гимна. Изъ нихъ-то можно видѣть, что Петрарка не *сочинялъ* свою спрасъ, и что стихи его были только слабымъ воспоминаніемъ того, что онъ чувствовалъ.

Вотъ сіи строки. „Лаура, славная по качествамъ души своей и споль долго мною прославляемая, предстала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началъ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6 Апрѣля, въ церкви С. Клары, въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6 числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада потухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ несчастіи. — Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ Маѣ, по утру. Ея числѣйшее, ея предсѣнное шѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви Кармелиновъ. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, откуда она пришла, такъ какъ Сципііонова, по словамъ Сенеки.“ —

Пешрарка любилъ; но онъ чувствовалъ всю суешность своей страсти, и съ нею боролся не однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подъ конецъ жизни его слились въ одно. Лю-

бовъ къ славѣ, по словамъ одного
 Русскаго писателя, есть послѣдняя
 снраспъ, занимающая великую душу. —
 Поэмы: — Триумфъ Любви, — Непорочно-
 сти, — Смерти — Божества, въ кошорыхъ
 и самый снисходительный криптикъ
 найдетъ множество несообразностей
 и оскорбленій вкуса, заключающихъ од-
 накоже въ себѣ неувядаемыя красоты
 слога, выраженія и особенно мыслей.
 Въ нихъ-то Спихотворецъ описываетъ
 всѣ мученія любви, кошорой міръ, какъ
 пирану, приноситъ безпрестанныя жер-
 твы. — „Я знаю, говоритъ онъ, какъ
 непоспоянна и премѣнчива жизнь лю-
 бовниковъ. Они то робки, то пред-
 приимчивы. Немного радостей награж-
 дають ихъ за непрерывныя мученія.
 Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ
 пѣсни, прерывные разговоры, внезапное
 молчаніе, крапкій смѣхъ и вѣчныя
 слезы. Любовь подобна сладкому меду,
 распущенному въ соку полынномъ.“ *

* Гордый и пламенный Альфіери называетъ
 Пешпарку учителемъ любви и Поэзіи. Maes-
 tro in amare ed in Poesia.

Сію послѣднюю мысль Тассъ повторилъ въ своей поэмѣ. Пѣвецъ Іерусалима испышалъ всѣ мученія любви.

Во времена Петрарковы, столь смежныя съ временами рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ сословій. Во Франціи, отъ Короля до проспаго воина, каждый имѣлъ свою даму: *Mada-me et St. Denis!* восклицали Французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь Сиръ де Флеранжъ, водружая знамя на спѣнѣ крѣпости, взятой прислупомъ, кричалъ своимъ товарищамъ: Ахъ! если бы видѣла красавица своего рыцаря! — Трубадуры воспѣвали красоту; за ними и всѣ Поэты (не исключая важнаго и мрачнаго Данте, остроумнаго и веселаго Боккачіо), всѣ прославляли своихъ красавицъ, и имена ихъ оспались въ памяти Музъ. Исторія Парнасса Италіанскаго есть исторія любви. Въ одномъ изъ своихъ *Тріумфовъ* Петрарка исчисляеть великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, копорые всѣ учинились

жертвами страсти. Конечно здравый вкус негодуешь на сочешаніе именъ Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей Поэмы имѣютъ особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ коихъ Стихотворецъ исчисляешь своихъ друзей въ пѣлу у суроваго бога.

„Я увидѣлъ Виргилія, говоришь онъ: съ нимъ Овидія, Капулла и Проперція, которые всѣ споль пламенно воспѣвали любовь — и наконецъ нѣжнаго Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шеспевовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на окресшныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣтущей зеленой долинь толпу, разсуждающую о любви. Вошъ Данте съ Беатриксой! вошъ Сельважіа съ Чино! и пр. и пр. . . . Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томасса, украшеніе Болоніи, Томасса, котораго прахъ исплъваешь на землѣ Мессинской. О минувшыя радости! горестная жизнь! кшо опнялъ у меня шакъ рано мое сокровище, моего друга!

безъ котораго я не могъ дышать? Гдѣ онъ теперь находишься? — Прежде онъ былъ со мною неразлученъ. . . . Жизнь смертныхъ, горестная жизнь! ты ни что иное, какъ сонъ больного спрадальца, пущая басня романа! — Уклонясь въ сторону отъ прямого пути я вспрѣтилъ моего Сократа и Лелія. Съ ними желалъ бы я долѣе шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могутъ ихъ достойно прославить; ихъ нагая добродѣтель и безъ пѣсней Музъ заслуживаетъ почтеніе міра. Съ ними я похищилъ слишкомъ рано славный лавръ, который доселѣ украшаетъ мою главу, въ воспоминаніе той, которую обожаю!“ — Лавръ (Lauro) напоминаетъ имя Лауры, и пошому былъ вдвое драгоцененъ сердцу Поэта. По смерти славнаго Колонны и Лауры Стихотворецъ воскликнулъ:

Rotta è l'alta Colonna, è l verde Lauro!

Мы замѣтили уже, что неумѣренная любовь къ славѣ равнялась или спорила съ любовію къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки. Одна числѣйшая

набожность и возвышенные мысли о бессмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и то временно; но искоренить совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу Религіи съ любовью къ славѣ! Въ каждомъ словѣ видѣнъ Христіанинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежаще не можетъ; что всѣ труды и усилія человека напрасны, что слава земная исчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ твердо, убѣжденъ въ сей истинѣ, и все не преспааетъ жертвовать своею снраси! „Мой умъ занятъ сладкою и горестною мыслию (говоритъ онъ), мыслию, которая меня утруждаетъ и исполняетъ надеждою мятежное сердце. Когда вообразу себѣ сіяніе славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю спрашную блѣдность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она встрѣтила меня въ пеленахъ младенчества, день ото дня со мною возрастала, и

спрашусь, чптобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужать мнѣ сіи льстивыя желанія, когда моя душа опдѣлится опть бременаго шѣла? После кончины моей если и вся вселенная будешь обо мнѣ говоришь. . . . суеша! суеша! Одинъ мигъ разрушаешь всѣ труды наши. Такъ! я желалъ бы обнять истину и забыть на вѣки суешую шѣнь славы!“ —

И самый слогъ Пешрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Тріумфѣ Смерти и Боже-схва дають слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключаютъ въ себѣ мысль или глубокое чувство. Ода, въ которой Поэтъ обращается къ Ріензи (такъ полагаетъ Вольтеръ, а другіе крипики утверждаютъ, что сія Ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія Ода въ которой онъ умоляетъ народнаго Трибуна священными именами Сципіоновъ и Брусовъ, распоргнувъ оковы Рима и поставивъ его на древнюю степень сіянія и славы,

напоминаешь намъ прекрасныя Оды Го-
рація. Она исполнена древняго вкуса и
того величія, которое Италіяны, чув-
ствительные ко всему изящному, назы-
вають *Grandioso* въ Поэзіи, въ Ваяніи,
въ Живописи, во всѣхъ Искусствахъ.
Римъ былъ сироткою Петрарки. Онъ не
могъ просить Папъ перенесенія про-
на въ Авиньонъ, и вошь въ какихъ
словахъ изливаетъ свое негодованіе
передъ защитникомъ правъ народныхъ;
вошь какимъ образомъ взываетъ къ
воскресшей столицѣ міра:

„Сіи древнія стѣны, предъ коими
міръ благоговѣетъ и смертные спра-
шались, когда обращаютъ вспять взоры
на давно минувшіе вѣки, сіи камни
надгробные, подъ коими исплѣваетъ
прахъ великихъ людей, славныхъ даже
до разрушенія міра: всѣ сіи развалины
древняго величія надѣются воскреснуть
побою. — О великіе Сципіоны! о вѣр-
ный Брутъ! съ какою радостію по-
знаете вы благодѣяніе новаго Героя! съ
какимъ веселіемъ и ты, Фабрицій,
узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой
Римъ еще будетъ прекрасенъ!“

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной Поэзии знают наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мѣлкія выгоды самолюбія, ни опасность — говоришь истину въ смутныя времена междоусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему обществу добродѣтелей и Музъ, ему драгоцѣнныхъ: ибо ничто не могло погасить любви къ изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ неисповѣдныя поступки Ріензи, съ чистосердечною гордостью, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: „Я хотѣлъ прославить тебя; страшись теперь, чтобы я не превратилъ моей похвалы — въ жестокую Сапиру!“ Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму изспуганнымъ Трибуномъ, походила на свободу Робеспьера: началась убійствами, кончилась тиранствомъ. —

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями Сицилійскихъ Поэтовъ

и Трубадуровъ щасливато Прованса, копорые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, госпепрїимнаго, учпиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображенїемъ.—Опъ нихъ онъ заимспвовалъ игру словъ, изысканныя выраженїя, опвлеченныя мысли и наконецъ излишнее упошребленїе аллегорїи; но сїи самыя недоспашки даюшъ какую-по особенную оригинальность его Сонешамъ и прелесшъ чудесную его неподражаемымъ Одамъ, копорыя ни на какой языкъ перевеспи не возможно. Слога не лзя присвоипшъ, говоришъ Бюффонъ, сей исполинъ въ искусствѣ писапшъ: и особенно слога Петрарки. — Любовь къ цвѣшамъ господспвовала на Воспокъ. До сихъ поръ Арабскїе и Персидскїе Спихотворцы безпреспанно сравниваюшъ красоту съ цвѣшами и цвѣшы съ красошою. Цвѣшы играюшъ большую ролю у любовниковъ на Воспокъ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ вся суешная и прелесшная испорїя любви изъясняешся посредспвомъ цвѣшовъ. Трубадуры также любили

воспѣвашь цвѣты, — а за ними и Петрарка. Желаете ли видѣть, какимъ образомъ онъ воспользовался цвѣтами? Еще разъ повпоряю: я удерживаю одну шѣнь слога живаго, исполненнаго нѣги, гармоніи и эшого сердечнаго изліянія, которое только можно чувствовашь, а не описывашь. Ксмантъ о цвѣтахъ: слогъ Петрарки можно сравнить съ симъ чувствительнымъ цвѣшкомъ, который вянешь онъ прикосновенія.

„Если глаза мои остановятся на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелестной дѣвицы; тогда мнѣ кажется, что вижу лице той, которая всѣ чудеса природы собою запѣмѣваетъ. Я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шеѣ развѣянные, бѣлизною и самое молоко запѣмѣвающей; я вижу сіи ланины, сладостнымъ и тихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаетъ колебать на долинахъ цвѣшочки желтые и бѣлые, тогда воспоминаю невольно и мѣсто и первый день, въ который увидѣлъ Лауру

съ развѣянными власами по воздуху, и воспоминаю съ горестію начало моей пламенной спраси.“

Такимъ образомъ цвѣшокъ въ полѣ, закашъ солнца, водопадъ шумящій въ уединенной рощѣ, малѣйшее обстоятельство въ природѣ напоминали Пеш-раркѣ красоту, вѣчно любезную его сердцу. Путешествіе Спихотворца чрезъ лѣса Арденскіе или чрезъ Альпы, прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру, или обряды набожности ея совершенные при наступленіи какого нибудь праздника, — все служило поводомъ къ Сонету или новой Одѣ; ни одно чувство, ни одно духовное наслажденіе, ни одно огорченіе не было утрачено для Музы. Сіе смѣшеніе глубокой чувствительности и набожности чистосердечной съ шонкимъ познаніемъ свѣта и людей, съ обширными свѣденіями въ исторіи народовъ, — сіи слѣды и воспоминанія классическихъ красотъ древнихъ Авторовъ, разсѣянные посреди блестящихъ и романическихъ вымысловъ Сициліанскихъ Поэтовъ, нако-

нець сей очаровашельный языкъ Тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе щасливое сочешаніе любви, религіи, учености, философіи, глубокомыслія и суешности любовника: все это вмѣстѣ въ стихахъ Петрарки предсавляетъ чшеніе усладительное и совершенно новое для любителя Словесности. Надобно предаться своему сердцу, любить изящное, любить тишину души, возвышенныя мысли и чувства, однимъ словомъ, любить сладостный языкъ Музъ, что бы чувствовашъ вполнѣ красоту сихъ волшебныхъ пѣсней, копорыя предали потомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, копорые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, копорые никогда не шрепешали ошъ восхищенія при чшеніи стиховъ Державина; и мы не удивляемся, что есть писатели, для копорыхъ слагашель мадригаловъ, Дорашъ и Петрарка — одно и тоже. Часпо умные люди опказывали ему въ уваженіи! Умъ не рѣдко бываетъ шупой судія произведеній сердца. Но для

тѣхъ, которые любили хотя одинъ разъ въ жизни, стоишь только назвашь Петрарку: они знаютъ ему цѣну, и чувствуютъ вполне прелесть Поэзии, которая не разъ отзывалась въ ихъ сердцахъ. — Il cantar che nell'anima si sente!

Примѣчаніе. Я сдѣлалъ открытіе въ Италіанской Словесности, къ которому меня не руководствовали иностранные Писатели, по крайней мѣрѣ тѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашелъ многія мѣста и цѣлыя стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его предшественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле Словесности своимъ соотечественникамъ; безпрестанное чтеніе сихъ образцовъ, особенно пѣвца Лауры, столь близкаго сердцу чувствительнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, — это чтеніе вѣвало въ памяти его многіе стихи и выраженія, которыя онъ невольнымъ образомъ повторять въ своей Поэмѣ. Кто не знаетъ прелестной Оды: Chiare, fresche e dolci acque, кою Вольперъ подражалъ столь удачно, и неподражаемаго Эпизода Эрминіи въ 7 пѣснѣ Освобожденнаго Іерусалима? Нѣтъ сомнѣнія,

что Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищемъ Италіанской Поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Тріадѣ, источнику окрестностей Авиньона *, котораго воды прохлаждали красавицу. На благовонныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присушествіемъ единственной для него женщины (*che sola a me rag donna*), онъ желаетъ, чтобы покоились его останки. Можешь быть, говоритъ онъ, можешь быть тамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, тамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искать снова, и увы! прахъ одинъ найдетъ, прахъ между камней разсыянный, и пр. — Отъ сихъ унылыхъ мыслей Поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оставляющей студеныя воды источника; облако цвѣтовъ рассыпалось на красавицу — *ed ella si sedea umile in tanta gloria*. Древность не производила ничего подобнаго. Самое рожденіе Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая запрепешала отъ сладоспращія, почувствовавъ прикосновеніе богини, не столько плѣняетъ воображеніе. — Но перейдемъ къ Тассу. — У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пастырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь Царей, покры-

* А не къ Воклюзѣ, какъ полагали нѣкоторые Писатели.

шая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начершываетъ имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ, и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Сто разъ перечишываетъ ее, и проливая слезы, обращается къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея тоски: „Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можешь быть вѣрный любовникъ, когда нибудь привлеченный прохладою тѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ прочищаетъ мои печальныя приключенія, и шронувшись до глубины сердца, скажетъ: щасшіе и любовь неблагодарностію воздали за шолікія спраданія и за примѣрную вѣрность! Можешь быть — если небо внимаетъ благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можешь быть въ сіи пустыни зайдетъ случайно и тоскъ, который ко мнѣ столько равнодушенъ, и обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоиться мои бранныя останки, позднія слезы прольетъ въ награду за мои спраданія и вѣрность.,,

Теперь увидимъ похищенія. Въ Одѣ, которая начинается: *Nella stagione ch'el Ciel rapido inchina etc.*, Пешарка описываетъ пашушку, которая при закатѣ солнца спѣшитъ въ сельское убѣжищѣ и тамъ забываетъ усталость:

La noja, e' l mal della passata vita.

Тассъ въ III пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное пришествіе крестовыхъ вои-

новъ къ священному граду, сравниваетъ ихъ съ мореплавателями, которые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и трудовъ забываютъ опасности минувшія:

La noja, e'l mal della passata vita.

Въ Соннетѣ: *Zefiro torna e'l bel tempo rimena* etc., Пешрарка говоритъ, что весна все оживляетъ поля улыбающся, небо свѣтлѣетъ; Зевесъ съ радостію взираетъ на Киприду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышатъ любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы находимъ эпитъ стихъ въ садахъ Армиды: —

Raddopian le colombe i baci loro,

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія похищенія; но я не могу ихъ теперь привести на память.

ХІІІ.

ГРИЗЕЛЬДА.

Повѣсть изъ Боккаччо.

Въ давнія времена, старшимъ въ родѣ Маркизовъ Салуцкихъ оставался по смерти родственниковъ своихъ, молодой *Гвальтиери*. Цѣлые дни онъ проводилъ на псовой и соколиной охотѣ, былъ не женатъ, бездѣтенъ и вовсе не помышлялъ о супружествѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно разуменъ, и особенно слылъ шаковымъ у женщинъ. Но это разуменіе не нравилось его подданнымъ: они часто упрашивали его вступить въ союзъ брачный.—Вамъ нуженъ наследникъ, а намъ господинъ, говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскать невѣсту отъ честнаго отца и матери, невѣсту, которая подавала бы о себѣ лестную надежду и со временемъ сдѣлала его ща-

спливѣйшимъ супругомъ. — Друзья мои, ошвѣчалъ имъ Гвальпіери, вы принуждаете меня присупить къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаешь несчастіе цѣлой жизни. Вы говорите, что можно положишься на доброшу родителей и по праву ихъ судить о нравѣ дочери; — вы заблуждаетесь, друзья мои! Какъ узнать совершенно отца? какъ узнать тайные поступки матери? И, еслибы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мнѣ, поручился, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носилъ узы брачныя и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи) то предоставьте мнѣ самому сдѣлать выборъ. Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почи себя совершенно щасливымъ, что успунилъ просьбамъ вашимъ. — Подданные ошвѣ-

чали, что на все согласны; только бы онъ не замедлилъ вступитъ въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени Маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и снранному Маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею счастье. Опложивъ всѣ поиски и распросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышлений предложить ей свою руку. Призвавъ отца ея — бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ — и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальшіери созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: Друзья! вы желали, чтобы я женился; исполняю желаніе ваше, болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали почищать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: — я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, что здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невѣсту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ

свадебный; придумайте, какъ лучше и достойнѣе принять супругу вашего владѣльца: однимъ словомъ, устройте все такъ, чѣшбы я былъ доволенъ вами, какъ вы моимъ выборомъ. — Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что выборъ его будетъ имъ по сердцу, что они будутъ любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхождения. — И весь домъ засуетился: начали приготовлять великолѣпный пиръ свадебный. Гвальіери пригласилъ множество пріятелей, сосѣдей и родственниковъ: у богашыхъ за друзьями дѣла не спанетъ. Наконецъ призываетъ къ себѣ горнишную дѣвушку, росшу одинакаго съ будущей невѣстою, и велитъ кроить по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того приготовлено всякой всячины; множество поясовъ богашыхъ, колець изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный: однимъ словомъ, все, что нужно для молодой. Насталъ условный день, и Маркизь приведа всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: Государи мои, пора намъ отправиться

за невѣсною. И всѣ поскакали веселою вереницею въ то селеніе, гдѣ жилъ отецъ нареченной. Она стояла у колодца и спѣшила вышаскивать вѣдра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу Маркизовой свадьбѣ, кошорая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальшіери называетъ ее по имени, *Гризельдою*, пошомъ спрашиваетъ: гдѣ отецъ твой? — Дома — опвѣчала она и краснѣлась, какъ алый макъ. Гвальшіери слѣзаетъ съ коня, приказываетъ полкъ ожидать себя на улицѣ, а самъ идетъ прямо въ низкую хижину бѣднаго Жіанукола. — Я пріѣхалъ за *Гризельдою*, но прежде всего, хочу поговорить съ нею въ швоемъ присутствіи. Нравлюсь ли я? Если такъ, то будетъ ли она всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малѣйшей волѣ его? — *Гризельда*, пошупя глаза, опвѣчала: Буду безъ сомнѣнія! — Гвальшіери, довольный опвѣшомъ, беретъ ее за руку и при всей полкѣ провожаемыхъ и челяди своей, раздѣваетъ и наряжаетъ въ великолѣпныя брачныя одежды, а на волосы,

которыя одна природа до сихъ поръ убирала, торжественно надѣваетъ вѣнецъ брачный. Всѣ удивились. — Друзья, оповѣчалъ онъ, вотъ та дѣвица, которую желаю имѣть супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною. Потомъ оборотясь къ Гризельдѣ, (а она ошъ спыда и радости свѣта Божія не видѣла): правду ли я говорю, Гризельда? желаешь ли ты быть моею женою? — Желая, Государь. — Дѣло сдѣлано и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ церкви посадили ее на богатаго коня и съ великою честию проводили въ замокъ. Пиръ былъ истинно великолѣпный, какъ будто Маркизь сочепался съ дочерью Короля Французскаго; а новобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ перемѣнила нравъ, поступъ и душу. Мы сказали уже, что она была снанаго роспу, пригожа и миловидна; а наряды еще болѣе придали блеску красотѣ ея. Она такъ умѣла лѣннть каждаго обхожденіемъ, учнн-воспню, сердечною доброшою, что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола, паслушку овечекъ, и щипали за дочь

какого нибудь знашнаго Принца. Всѣ, ее знавшіе въ первобышномъ состояніи, не могли надивиться. Кропость ангельская, послушаніе чудесное, дѣлали мужа ея щасливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными она обходилась шакъ ласково, тихо, милоспиво и привѣспливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и тѣ, копорые сей выборъ сперва оуждали, — что Гвальспіери поступилъ очень благоразумно, что онъ самый проицапельный человекъ; ибо могъ ошкрыть подъ сельскимъ, бѣднымъ рубищемъ столько доброшы, сполько прелеспныхъ качеспвъ! И не только въ Маркизспвѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ и поведеніемъ оправдала спранный поступокъ мужа своего. Въ шеченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелеспной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизу вздумалось испытать ангельскій нравъ и терпѣніе супруги труднѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, потомъ принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будто подданные его начинаютъ роптать за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго сословія — а болѣе еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣняясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: дѣлай что хочешь, Государь, отвѣчала оскорбленная — дѣлай то, чего пребуешь честь, польза и слава имени твоего. Я всѣмъ буду довольна; ибо не забываю, что была послѣднею изъ слугъ твоихъ; не забываю того, что ты для меня сдѣлалъ — для меня, бѣдной дѣвушки! — Такой отвѣтъ очень понравился Маркизу. Но, нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ ей снова, что подданные его не могутъ болѣе терпѣть его дочери... и удалился. Вскорѣ является одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и съ слезами на глазахъ начинаешь говорить: Простите, Государыня... но я подъ смертнымъ

страхомъ долженъ исполнишь то, что мнѣ приказалъ супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца вашего, и.....

И не могъ сказать болѣе. — Несчастная мать, услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ тѣмъ, что говорилъ Маркизь, вмигъ на мрачномъ лицѣ служителя прочитала участь невиннаго младенца — бросилась къ колыбели, поцаловала дочь свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ жеспочайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ лицѣ, вручила ее служителю. — Исполни то, что предписалъ тебѣ господинъ нашъ; но умоляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣрямъ... если тебѣ это не предписано! — Служитель взялъ младенца на руки и скрылся. Гвальпіери свѣдавъ ошъ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила строгое приказаніе, удивился ея швердости, но намѣренія своего не опложилъ. Съ вѣрнымъ служителемъ онъ немедленно отправилъ дочь свою въ Болонію, къ ближайшей родственницѣ своей, кошую умолялъ дать ей воспитаніе ош-

личное, но никому ни подъ какимъ видомъ не объявлять о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась мачерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Опець, принимая на руки новорожденного, былъ въ себя опъ радости: но не довольствуясь первымъ опытомъ, снова жесточайшимъ терзаніемъ рѣшился испытать сердце несчастной супруги своей. — Подданные мои, сказалъ онъ однажды, еще болѣе оскорблены съ тѣхъ поръ, какъ ты утѣшила меня сыномъ; они съ ужасомъ помышляютъ о томъ, что внукъ бѣднаго пасхуха — опца твоего — будешь ихъ господиномъ. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонятъ меня изъ областей моихъ. — Съ терпѣніемъ и покорностію Гризельда выслушала слова супруга своего. Устройте все ко благу вашему; обо мнѣ же позаботьтесь нисколько, Государь! Въ вашемъ щастіи заключается мое благополучіе. — Черезъ нѣсколько дней Гвальтѣри послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказать ма-

шери, что ему готовился одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ; — а самъ, тайно отправилъ его въ Болонію къ прежней родственницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею твердостью, безъ слезъ и роптанія, и въ глубинѣ сердца своего ушла неслезанную горечь материную. Гвальшери удивился. — Нѣтъ! повторялъ онъ самъ себѣ, ни одна женщина не можетъ сравниться съ нею!

Подданные думали, что Маркизь велѣлъ умертвить дѣтей своихъ: всѣ оуждали его поступокъ, называли его жестокимъ отцомъ, и безъ жалости не могли смотрѣть на бѣдную мать. Женщины, ее окружавшія, часто плакали и сокрушались при ней объ участи невинныхъ малюшкѣ, и она всегда говорила имъ: не плачьте, милыя подруги; вспомните, что такъ угодно было отцу ихъ.

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожденія дочери. Маркизь задумалъ сдѣлать послѣдній опытъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не

хочешь имѣть супругою Гризельду, что онъ по молодости лѣтъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поступилъ очень безразсудно, а чтобы загладить просупокъ свой, рѣшается просить Папу о разводѣ и позволеніи обручиться съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе Маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратившись въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлавшись паспущкою овецъ, видѣвъ супруга своего, до сихъ поръ спраспно обожаемаго, въ объятіяхъ другой жены... все это терзало, раздирало ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣдніе удары судьбы съ прежнею швердосшію, съ прежнимъ великодуніемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе Папы (оно было подложное) и Маркизь его обнародовалъ. Призывающъ Гризельду и въ присутствіи многочисленной толпы жестокосердый Гвальшіери говоритъ ей: Вошъ разрѣшеніе Папы на другой бракъ. Я долженъ опшвергнути тебѣ. Ты знаешь,

что многіе изъ подданныхъ моихъ дворянъ, знатные и сильные владѣльцы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ; а твои родственники всегда были земледѣльцами.... Тебѣ нельзя быть супругою Маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое *твое* и тебя — отцу твоему: я избралъ себѣ другую въ супруги.

Гризельда превозмогла всю горестъ оскорбленной женщины и слясъ удержавъ слезы и рыданія сказала голосомъ довольно твердымъ: — Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости Бога и вашей, Государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое щастіе было временное! Мое дѣло повиноваться слѣпо волѣ господина моего. Вотъ обручальное кольцо: возьми те его; но позвольте мнѣ возвратиться къ отцу моему въ той одеждѣ, въ кошорой прибыла я въ замокъ. Вамъ нѣчего возвращать мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы

взяли меня нагую, и, если мать дѣтей вашихъ должна нагая возвращишься къ преспарѣлому отцу своему, — то она исполнишь волю вашу. Но, именемъ любви и непорочности заклиная васъ, Государь, дайше, ахъ! дайше мнѣ хотя одно покрывало.... послѣднюю защиту стыдливости.

Гвальпіери, почти пронутый до слезъ, спарался сохранить суровый и спрогій видъ. Согласень на покрывало — сказалъ онъ — но...болѣе ничего! — Всѣ приближенные умоляли его дать ей по крайней мѣрѣ одно плащье. Какъ? говорили они, супруга Маркиза Салуцкаго, наша спарая госпожа, явишся полуобнаженною посреди улицы, какъ нищая, какъ преступница, какъ самая послѣдняя изъ женщинъ!... Напрасныя просьбы! — Полуобнаженная, безъ обуви, безъ покрова на головѣ, съ распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла изъ замка и сопровождаемая ыданіями слугъ и женщинъ, съ зардѣвшимися отъ слезъ глазами, явилась къ несчастному отцу. Жіануколо ни-

когда не хотѣлъ вѣрить, что дочь его оспанешся Маркизою; онъ съ препешомъ ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохранилъ рублища, оставленныя ею въ бѣдномъ быту его. Съ слезами возвращаешь ихъ дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежніе труды сельскіе, въ дому опеческомъ.

Между тѣмъ Маркизь немедленно объявляетъ, что свашаетъ за себя дочь славнаго Графа Панагскаго, приготавлиешь великое торжесство и — посылаетъ за Гризельдою. — Скоро будешь въ замокъ моя невѣста, говоришь ей Гвальшіери, я желаю принять ее съ великими почеспиями. Ты знаешь, что въ замкѣ ни одна женщина, кромѣ тебя, не умѣешь убирать покоевъ и учреждать порядка, для великаго торжесства приличнаго. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ, какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ, какъ хозяйка и попомъ —

можешь возвратиться въ свою хижину. Каждое слово, какъ острая игла, колело чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преславала обожать неблагодарнаго супруга.—Я на все готова, отвѣчала спрадалица; и, въ сельскомъ рубищѣ, прежняя повелительница замка, начала убирать покои, расставляшь по заламъ креслы, разстилашь ковры узорчатые, приговаряшь сноль и все, что было потребно — какъ будто бы она была просшая служанка или ключница. Однимъ словомъ, она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распоряджено ошъ важной вещи до последней бездѣлки. Гости приглашены: все готово, въ ожиданіи веселаго пира. И вошь наснаешъ день свадебный. Гризельда въ рубищѣ, но съ лицомъ веселымъ и привѣпливымъ, угощаетъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ боярскихъ, какъ добрая, домовишая хозяйка. Гвальшіери тайно посылаетъ въ Болонію къ супругу родсвевницы своей Графини Панагской, у котораго въ домѣ воспитывались его дѣти; приглашаетъ его въ замокъ свой съ шѣмъ, чшобы онъ и

Графиня привезли съ собою дѣшей его и множество госпей почешныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери Маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красошъ чудесной, а шешилѣтній брашъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною толпою госпей почешныхъ, съ сими предештными дѣшми пуспился въ пушъ и черезъ нѣсколько дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ жишели деревень, селъ и городовъ сосѣднихъ: всѣ ожидали съ нешерпѣніемъ нареченной невѣсшы.

Пріемная зала опкрылась и невѣспу вспрѣшили съ чрезвычайными почешями и церемоніями. Гризельда вышла на вспрѣчу и поклонясь ей низко примолвила: Добро пожаловать, Государыня! Всѣ барыни и дѣвицы идя къ столу упрашивали Маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мѣрѣ, дать ей приличное плашье: Маркизь не согласился.

Въ споловой взоры всѣхъ обрашлись на невѣспу: всѣ превозносили ее

до небесъ, а иные шептали другъ другу: Маркизь нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ! Сама Гризельда спояла, какъ очарованная, и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и молодѣшаго брата.

Наконецъ желанія Маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу терпѣнія Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можетъ поколебать сей твердой души; что впередъ можетъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, кошорую она силилась таить въ глубинѣ сердца своего. Но проникательный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи гостей великъ онъ ей приблизился съ колкою улыбкою повторилъ: Понравилась ли тебѣ моя невѣста? — Ахъ, какъ не понравилась, отвѣчала Гризельда; и если она сколько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливейшимъ супругомъ! Но. . . умоляю васъ, Государь, не терзайте ее, какъ прежнюю жену: она не пере-

несешь такихъ мученій. Пренная супруга ваша отъ самой юности была знакома съ горемъ и трудами, а эша, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана.

Гвальшіери съ радостію замѣшилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнялась въ добротѣ сердечной, подвинулъ стулъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она зашрепещала.

Гризельда, сказала Маркизь, по нѣкоторомъ молчаніи, пора тебѣ собрать плоды терпѣнія твоего; пора открыть глаза твои, которые полагали, что я жестокъ и неправосуденъ. Я достигъ моей цѣли; я научилъ тебя нести тяжелый крестъ супружества и быть во всемъ примѣрною женою! подданныхъ научилъ уважать твои рѣдкія качества и, впередъ не нарушать нашего покоя. Вотъ вся цѣль моихъ испытаній. Въ награду за любовь твою, которую ты мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, безцѣнная Гризельда! въ награду за счастье мое, котораго ты была и будешь единственною виновницею, я от-

даю все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ изцѣляю на вѣки. Вручаю тебѣ, которую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея. . .они твои — они дѣти наши, а я снова твой супругъ, счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Маркизь обнявъ ее съ восхищеніемъ, цаловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и, разпрогнанную, утѣшающую въ слезахъ, повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи неописанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнату, сняли рубище, надѣли великолѣпное платье и торжественно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ Маркиза, называлъ его мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и гости разѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замокъ съ почестями и уваженіемъ, какъ пещрь богатаго владѣльца, и въ объѣздахъ до-

чери своей кончилъ щасливую спаросшь. Маркизь не переславалъ обожашъ свою Гризельду и былъ конечно щасливѣйшій супругъ и отецъ во всей Италіи.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что въ хѣжинѣ мы чаще вспрѣчаемъ небесныя дарованія, по есшь: добродѣшель, чеспносшь и терпѣніе, нежели въ палахахъ и шеремахъ великолѣпныхъ. Часпо въ лачугѣ шаишся шопъ, кшо бы достоинъ былъ сіяшь въ коронѣ и повелѣвашъ людьми; а въ палахахъ — — — но ославимъ эшо! Спрашиваю шолько, кшо сравниешся въ терпѣніи съ Гризельдою? Кшо, подобно ей, перенесешъ съ лицемъ спокойнымъ, даже веселымъ, жесточайшія, неслыханныя испышанія, какимъ подвергнулъ ее Гвальшіери? . .

XIV.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность? отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаешь чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго Философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагають нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ Женевскій мизантропъ, и клевещалъ общество: слѣдственно клевещалъ человѣка; ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и отвлеченно онъ онаго существовать не можетъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое,

говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не могу вѣрить, чтобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли пигры вмѣстѣ? строятъ ли города? — Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связываетъ, но разлучаетъ. Кто живетъ въ обществѣ? Не злобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество*, которое украшаетъ человека и есть одно изъ неизблѣмыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принявъ младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защищою и опорою, передать ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣлан-

ную: вотъ обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Все основанія его суть *добро*, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ шверже его основаніе; ибо одно добро имѣешь здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣюшь нивы? Какъ сила плодородія имѣешь свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человѣка въ одномъ тѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы Нашуройспышатель глядѣлъ на муравья, во время его спростыванія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣешь видъ порядка, стройности, гдѣ

всѣ части относящіяся совершенно одна къ другой и составляющъ прекрасное цѣлое: то какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ насѣкомомъ? Вошь, что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣришь, чшобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напрошивъ шого, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды; она есть опреченіе опъ самаго себя. Есть добродѣтели уму принадлежащія, другія сердцу: благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, опголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежащъ сердцу. „Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю,“ такъ говоришь благородное сердце. Эгоистъ иначе: „ты мнѣ сдѣлалъ до-

бро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, шобою сдѣланное, не пребуешь ли пожертвованій съ моей спороны?“ Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая шѣмъ прелеснѣе, шѣмъ святѣе, чѣмъ менѣе разсуждаешь, чѣмъ менѣе торгуешься съ пользою личною, и болѣе предаешься одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ середины; для нихъ все есть зло или добро: видяшъ совершенный порядокъ въ обществѣ, или ошсущствіе онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человѣкъ, спрадавшій въ печеніи всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса ошъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клеветы на все человѣчество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, то есть, созданіе слабое, доброе, злое и нераз-

судимельное; лучъ Божества, заключенный въ прахъ; существо, поработенное всѣмъ спихіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себѣ на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвъ: „человѣкъ золь и люди подобны шиграмъ!“ пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ которомъ воля и разумокъ начинали заглушать голосъ страстей; пусть онъ спроситъ себя: или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей, въ теченіе цѣлой жизни? или я лучше и добрѣе всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ страстей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣтъ, скажетъ ему разумокъ и опытъ: и ты человѣкъ, и ты заплащивъ человѣчеству дань пороковъ, слабости и страстей; ты не ангель, ты и не чудовище. Опытъ и разумокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдаешь чудеса нравствен-

ныхъ съ неизъяснимою радостію открываешь яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, спраданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, которыя примиряють его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ человека не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, отложивъ всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не сошмашаешь нѣсколько примѣрныхъ людей, утѣшившихъ собою человѣчество? Не станемъ искать героевъ добродѣтели въ Исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя — и найдемъ конечно! — Курцій бросился въ пропасть, но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаетъ себя смерти, но все Ошечество (и какое Ошечество? Спарта!) объ немъ въ страхъ и надеждѣ. Долгорукій раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго Монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго Владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія — недокупныхъ, сладостныхъ,

божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, швердости душевной, безкорыстію въ великихъ обстоятельствахъ, то по чему не вѣровать имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлится послѣдними крохами съ нищимъ, сестра милосердія, въ душевной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея Опечества; смѣлый и чело-вѣколюбивый врачъ, испытующій свое искусство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣтелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И тогда, кто безпри-спасною рукою начертываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ-Казаса, Еропкина и другихъ людей, которыхъ добродѣтель и чело-вѣчество называютъ *своими*. Моншанъ замѣшилъ справедливо, что лучшіе подвиги хра-

броси персяюща въ неизвѣстности;
 одинъ похищаетъ знамя: имя его гре-
 мишь въ рядахъ, но сошнѣ неустра-
 шимыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ
 его... Перенеси же сей порядокъ въ міръ
 нравственный. Ласъ-Казасъ спасаетъ
 любезныхъ своихъ Американцевъ отъ
 рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный Мис-
 сіонеръ въ снѣгахъ Канадскихъ бродитъ
 изъ шалаша въ шалашъ, изъ сѣпи въ
 сѣпь; окруженный смертію, проповѣ-
 дуешь Бога и утѣшаешь спраждущихъ:
 какихъ? семью дикаго или изгнанника,
 живущаго на неизвѣстномъ берегу безъ-
 имянной рѣки или озера: сей смиренный
 воинъ Христа не есть ли великій чело-
 вѣкъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ?
 Но къ чему намъ переноситься въ даль-
 ния страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кто
 не испыталъ, что есть добрые люди,
 что въ обществѣ есть добродѣтели
 рѣдкія, посреди страстей, посреди раз-
 врата и роскоши: одно злое сердце
 можетъ въ нихъ сомнѣваться; одно
 жестокое сердце не находило сердець
 нѣжныхъ.

И въ странахъ опдаленныхъ и въ
 дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ человека,
 родящся цвѣшъ: на дикихъ берегахъ
 Амура, среди мховъ и болошъ выхо-
 дишъ прелесный цвѣшокъ, до сихъ
 поръ неизвѣстный любопытному ис-
 пышателю природы; медлѣнно распу-
 скаеишя онъ подъ кропкимъ вѣянiемъ
 лѣшняго вѣшера; наконецъ, украшенiе
 пусыни, цвѣшокъ увядаеишъ: —

Въ пусынномъ воздухѣ шеря запахъ свой!
 Но сѣмена его, падая на землю, раз-
 цвѣтающъ съ первою весною въ но-
 вой красотѣ, въ новомъ убранствѣ.
 Вошъ истинная эмблема сей доб-
 родѣтели, неизвѣстной челошкамъ,
 но непошериной для челошества;
 ибо ничто доброе здѣсь не шеряеишя,
 подобно какъ ни одна былинка въ при-
 родѣ: все имѣеишъ свою цѣль, свое на-
 значенiе; все принадлежишъ къ вѣчно-
 му и просшранному чертежу, и вхо-
 дишъ въ составъ цѣлаго въ нравствен-
 номъ мiрѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ
 многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ таже
 самая сумма, или шоже количествѣ

добра и зла, по мѣрѣ пространства, какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири, или въ землянкахъ Лапландцевъ. Добродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ Монарха, покинушаго друзьями, родсвенниками, дворянствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаетъ его подъ лезвиемъ мечей, при проклятіи озлобленныхъ ширановъ: (но въ виду вселенной, и, такъ сказать, въ присутствіи попомства): въ эту же самую минуту, сдѣлаемъ сіе предположеніе, Лапландецъ пробѣгаетъ на лыжахъ необъятное пространство, въ шре-скупчій морозъ, среди ужасной вьюги: зачѣмъ? Чтобы принести нѣсколько пищи бѣдному семейству друга своего, утѣшить больную вдовицу и спасти отъ явной смерти груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны передъ тѣмъ, кто ихъ создалъ, равны передъ лицомъ Добродѣтели и Правосудія небеснаго: оба жертвуютъ жизнью для добраго дѣла.

НѢЧТО О МОРАЛИ,

ОСНОВАННОЙ НА ФИЛОСОФІИ И РЕЛИГІИ.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человекъ, посредствомъ опыта и спрашей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становясь на новый рубежъ, озираешь съ него прошекшее и будущее, сравниваешь одно съ другимъ и рѣшаешься прошекать оспальное поприще жизни съ свѣтильникомъ вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суешныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое чело-вѣкъ, по щастливому выраженію Кантемира, *еще новый житель міра сего*, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество и ищетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникъ жизни, и ничто не можетъ утолить сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытносшю, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается спрасшю, и самое чтеніе. Щастливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонитъ отъ порочнаго и суешнаго; щастливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ спрасшей каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и чиншатель, неруководимый раз-

умомъ , подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходящъ то на одну, то на другую сторону. — Сомнѣніе не сущесгвуеетъ и не можетъ сущесгвовать; ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ поливики, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъятія и поражаютъ зло стрѣлами сапиры или палицею желѣзнаго человека, * не взирая ни на лица, ни на условія и законы общества, суть самыя опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе спрасшей, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцахъ сіи глубокіе слѣды, часомъ неизгладимые. **

Но время чтенія исчезаетъ; ибо пресыщенное любопытство упоминаетъ

* Сммотри мечтанія Мерсье подъ названіемъ: l'An 2440.

** Вотъ по чему чтеніе Вольтера менѣе развращало умовъ, нежели пламенныя меч-

ся. За симъ слѣдуетъ непосредствен-
но эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучитель-
но; оно есть необыкновенное состоя-
ніе души, и продолжительно не бы-
вается. Надобно рѣшишься мыслящему
человѣку принять свѣшійникъ мудро-
сти (той или другой школы); надоб-
но запаснись мудросію человѣческою
или небесными утѣшеніями; ибо онъ
видишь, онъ чувствуешь, что для са-
мой ограниченной дѣятельности въ об-
ществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько
постоянныхъ нравственныхъ истинъ
въ опору своей слабости. Къ неща-
стію, — или къ щасію можешь быть,
ибо кто извѣдалъ все пути Промысла?
— мы живемъ въ нечальномъ вѣкѣ, въ
которомъ человѣческая мудрость не-
достаточна для обыкновеннаго круга
дѣятельности самаго простаго граж-

данія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ
говоришь безпрестанно уму, другой сердцу;
одинъ угождаешь суеверности и скоро ушо-
мляешь остроуміемъ; другой никогда не мо-
жешь наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда
убѣждаетъ или шрогаетъ: онъ во сто разъ
опаснѣе.

данина: ибо какая мудрость можетъ утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станеть довольствоваться сухими правилами Философіи, или захочеть искасть грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди спраданий всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло шоржесвуесть надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обманушь въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаешь умъ, требующій опоры? Къ какимъ постояннымъ правиламъ, или расколамъ древней или новой Философіи, по какой системѣ расположишь свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей политическихъ, превращенныхъ и шапкихъ? и что успокоишь его? Какіе

свѣтскіе моралисты внушаютъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени столь печальнаго, для будущаго столь грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обшпояшельствамъ. Она подобна тѣмъ нѣжнымъ растѣніямъ, копорыя прозябають, цвѣтуть и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными растѣніями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣють листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Споккамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Откровеніи; ибо она единственно можеть быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: *она есть щитъ и колые* добраго человѣка, копорыя не ржавѣють отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты наблюденія зоркаго разума? Достаточно ли

они для человѣчества вообще и для
человѣка часно во время его стран-
ствованія по бурному морю жизни? Къ
чему, напримѣръ, сельскому жителю
вся мудрость и опытность Дюкло? Къ
чему тонкія замѣчанія Ларошфуко, ко-
торого книга, по словамъ и самихъ свѣш-
скихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему
всѣ эти истины, основанныя на ложныхъ
понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ
и дружба, и любовь, и чувство сына къ
отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ
своему рожденію, однимъ словомъ, благо-
дарность, безкорыстіе и все, что чело-
вѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекра-
снаго, великаго, всѣ позывы великой
души, всѣ невольныя движенія и тай-
ныя пожертвованія благороднаго серд-
ца, — все есть слѣдствіе *корысти*.

Другіе свѣшскіе моралисты повшо-
ряди однѣ и тѣже мысли, или (напр.
Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее
распространеніе, но вѣчно ложное.*

* Число понятій моральныхъ и политиче-
скихъ — говоритъ Ансильонъ — весьма ограни-
чено; вообще мало понятій въ обращеніи.

Они опечалили человечество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суешные умы: ибо что говорили они? *Будь щастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ оспается? — Терпѣніе, ошвѣчали они, и отсылали насъ къ Сшонкамъ.

Вошъ, въ чемъ совершенно заключаеиъся вся нравственная теорія новѣйшихъ мечпашелей, кошорую опровергъ другой мечпашель*, отступникъ отъ вѣры, отступникъ отъ философіи. Ни слова въ утѣшеніе; ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. — Согласенъ; но кто утѣшилъ эту мать, прижавшую къ груди своей пререпешнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объяшой пламенемъ? Кто утѣшилъ этого отца, супруга, кошорый подъ развалинами дома своего осмавляетъ все, что имѣлъ: идѣшей,

Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или, лучше сказать, перемѣняетъ только шшемпель, а мешалъ все тошъ же. —

* Руссо.

и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго спрадальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго счастья.... взоры его обращающагося къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы опечаленнаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Стойческая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, на одномъ отрицаніи; она ложна по тому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо она внушаетъ человѣку твердость, мужество, постоянство, безъ которыхъ нѣтъ добродѣтели; ибо она указываетъ смертному высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самого себя; но сердцу—она ничего не сказываетъ. Всѣ моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему отно-

сипься, какъ радіусы къ своему центру; ибо сердце есть источникъ спраспей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управлять; но и самый умъ (у людей щасливорожденныхъ) любивъ опдавать ему опчешъ, и сей опчешъ ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ совѣси.* Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой. (Новѣйшіе нѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повторяли только ска-

* Вошь въ чемъ заключали все ученіе Стоики: „Есть Богъ, слѣдственно Онъ создалъ человека. Онъ создалъ его для себя, создалъ шаковымъ, чтобы онъ содѣлался *правосуднымъ и щастливымъ* на земли; слѣдственно человекъ можешъ познашь истину и можешъ посредствомъ *мудрости своей* возвыситься до Бога который есть верховное благо“ — Мы приглашаемъ прочиташъ опроверженіе Моншана системы Эпикшетовой, и Паскалево опроверженіе Моншана и Эпикшета. Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; заставляешъ бороться Моншана съ Эпикшетомъ и обоихъ поражаетъ неборимыми доводами. —

занія древнихъ.* Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распротранити ея вліяніе на всѣ сословія, на всѣ случаи жизни, могущіе поспигнуть челоуѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: „Челоуѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его наклонности безпрестанно прошиворѣчаютъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И пакъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ, ни точности въ наукахъ.“ Монпанъ, великій защитникъ сего, представляетъ намъ Споическую добродѣ-

* Во всемъ, говоритъ Монпанъ (если не ошибаюсь), мы влечемся по слѣдамъ древнихъ, какъ малые дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечшательную Философію Платона подъ другимъ именемъ.

шелъ въ видѣ ужаснаго пугалища; а свою науку называешь игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдую по-
му, что ей нравишься, говоришь онъ, играешь она небрежно съ дурными и щаспливыми случайностями жизни, покоишься сладостно на лонѣ праздности, откуда показываешь людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣденіе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, — вошь два мягкія изголовья для головы щасливо образованной!

Убѣжденная въ сей истинѣ толпа Философовъ Эпикурейцовъ, отъ Моншана до самыхъ бурныхъ дней революціи, повсюду челоуѣку: Наслаждайся! Вся природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ радости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, минувшее, но вѣрное. — Но гдѣ же сіи радости, сіи наслажденія непрерывныя, сіи дни безоблачныя, сіи часы и минуты, соотканые усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ лаванды и розъ сладострасшія? гдѣ они,

спрашиваетъ сластолюбивый въ шипящихъ спрасней своихъ. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, оправленные слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ, или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суешныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя? — Нѣтъ опѣша, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердце человѣка просвѣщеннаго и щастливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ просвѣщеннѣе и щастливѣе Горація, и кто страдалъ подобно ему? Природа дѣлала его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испытавшая его въ юности, осыпала всѣми дарами и славы и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Мецената, наслажденія роскошнаго двора, общее уваженіе къ великому таланту, здоровье неизмѣняющее, друзья любезные сердцу и уму, и въ вѣрности подобныя благосклонной форшунѣ, прелесныя женщины, гошова увѣнчашъ миршами

любимца Монархова и Музъ, и что
 всего лучше, мудрость, удовлетвори-
 тельная для всѣхъ случайностей ща-
 стія, мудрость, которая открыла
 золотую середину во всѣхъ вещахъ,
 истинный философскій камень: чего бы
 не доставало? Но щастливецъ, при
 всѣхъ дарахъ фортуны, при всей Фило-
 софiи, скучалъ; ибо сердце человѣче-
 ское имѣешь нѣкошорый избытокъ
 чувствъ, который не рѣдко бываетъ
 источникомъ живѣйшихъ терзаній. На-
 слаждение насъ съѣдаетъ, говоритъ Мон-
 панъ; сердце скоро пресыщается. „Юно-
 ша, наливающей Фалернское, дай горь-
 каго!“ восклицаетъ Капулла, увѣнчан-
 ный розами, пресыщенный на пирше-
 ствѣ:

Minister vetuli, puer, Falerni
 Inger'mi calces amariores.

Такъ создано сердце человѣческое,
 и не безъ причины: въ самомъ высочай-
 шемъ блаженствѣ, у источника наслаж-
 деній, оно обрѣтаетъ горечь. И это
 испытывалъ Гораций. Нигдѣ не могъ онъ
 найши спокойствія: ни въ влажномъ
 Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убѣжищѣ

Мецената, ни въ градѣ; ни въ обѣщаніяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и шой Философіи, копорую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія; ибо если Науки и Поэзія услаждають нѣсколько часовъ въ жизни, то не осмавляють ли онъ въ душѣ какой-то пустошы, копорая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь? *

* „Въ Египтѣ я зналъ жреца, копорый, ишощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица природы! горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, копорое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и шомная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній.. При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.“ — *Путешестіе младшаго Анахарсиса.*

Это шягосшное состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Чшо избавитъ ихъ ошъ сего мученія? — Религія.

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далѣе. — Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ безспрастїи и въ непреклонной суровости нравовъ; (ибо человекъ созданъ любить). Ни кто не нашелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей; ибо и тотъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и тотъ, кто шайлъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій, не могутъ назваться счастливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго пребудетъ сердце, какъ шло пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, опвѣчаетъ опытнось всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Человекъ есть странникъ на земли, говоритъ святой Мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Вотъ почему всѣ системы и древнихъ и новѣйшихъ недоспапочны! Онѣ ведутъ человека къ блаженству наемнымъ пушемъ и никогда не доводятъ; Систематики забываютъ, что

человѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для щаспія минушнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о копоромъ Вѣра, одна святая Вѣра ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ спра-
снями или непріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ преволненій жизни, и никогда не обманываетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство человека. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писателей приблизились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, копорыя святое Ошкровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! Собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, шѣмъ болѣе и сильнѣе будетъ его терзаніи; ибо ни дары щаспія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ни что не удовлетворитъ его вполне. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ Геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія; ибо всю жизнь

искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавистными: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостью. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, расщербанный всѣми спрастями, онъ покидалъ общество, претовалъ счастья въ объятияхъ природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скипалъ при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облекается онъ въ мантию Спокковъ, напрасно подражаетъ имъ въ твердости; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна религія могла утѣшить и успокоить спрадальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину, и жертва неизлечимой гордости, оплодотворялъ безпрестанно главу свою опъ легкаго и спасительнаго ярма. Красногубый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его спрастямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ за-

блужденій своихъ, какъ часпо измѣнялъ онъ и добродѣтели и истину! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіи жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣшильникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣшильникъ сей недоспапоченъ; одинъ лучъ Вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываешь намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяясь добродѣтели и измѣняясь ей, бышь почишашелемъ истины и не обрѣшаешь ее, — вопль плачевный удѣлъ нравспвенности, кошорая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе раждаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію челоуѣка глубоко распроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу,

не съ гордостію мудреца, который укоряешь природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ Хрисціанина. Одинъ Богъ можетъ требовать отъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, завѣснаго для души благородной; онъ оскорбилъ плѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣденію: ибо истина на землѣ одному Богу извѣстна. Кто требовалъ у него сихъ признаній, сей спрашной повѣснцѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило превозимое сердце мечшашеля? Такъ! человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ спрашное пресшупленіе, неслыханное доселѣ, и эшо пресшупленіе родила мудрость человѣческая... Десятильшній опрокъ, который помнишь

свой Кашихизисъ, можешь уличить его въ этомъ пресупленіи. Боже великій! что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытносми и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и спорогаго, и снисходительнаго? *

* Безъ смѣха и жалости нельзя читать признаній Женевского мечтателя. Я не стану выписывать мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себя защитника правъ человѣчества и Философіи, шоль лакомаго въ молодости своей. У Г. Мабли, въ Ліонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и насмѣшника, онъ любилъ опдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: шутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: *malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul en lisant quel-*

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе Писателю. Закаленные въ ея свѣщильникѣ мысли его спановаясь посюяннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнонѣе; воображеніе при свѣщѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелестъ его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержитъ достоинство человека на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни прошекалъ съ своею Музою, онъ не унизитъ ее, не оскорбитъ ея спыдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія

ques pages de roman! Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ тутъ достоинство человека и мудреца? О слогъ ни слова. Въ шакомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И эшотъ человекъ имѣлъ сполько любезныхъ качествъ, сполько небесныхъ дарованій! И эшотъ человекъ чувствовалъ всю прелестъ Религіи, и благодѣтельное вліяніе оной на общество и на человека частнаго! — Чего недосшавало ему? Постояннаго убѣжденія, менѣе гордости и спрасшей, болѣе разсудительности и смиренія.

и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтилианъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ. Одна Вѣра создаетъ мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнушаго для коварнаго любопытства; Вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приносило въ него собственныя мраки, которые бывають шѣмъ гуще, чѣмъ они произвольнѣе. Чѣмъ бытъ выше другихъ людей, оно становилось на высоты, окруженныя пропастями. Опшуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслило обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случилось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ

но высокимъ горамъ, когда пары, опъ земли восходящѣе, проспирають со всѣхъ сторонъ шуманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, опъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывається и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жашвы и спада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенныя; вся природа вамъ ошдана снова: вопъ эмблема невѣрія и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ; призваные и поддержанные смиренной Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ опъ земли (они скрываютъ опъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и

пройдише сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она успу-
пишь вамъ безъ сопротивленія; она
исчезнешь — и ваши взоры обрѣшутъ
необъемлемую перспективу истинъ,
всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и
горь лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки
мудрости человѣческой. Къ щасію
нашему мы живемъ въ такія времена,
въ копорыя невозможно колебаться
человѣку мыслящему; споишь только
взглянушь на происшествія міра и по-
томъ углубишься въ собственное серд-
це, чшобы твердо убѣдись во всѣхъ
истинахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія,
всѣ доводы ума, логики и учености
книжной испощены передъ нами; мы
видѣли зло, созданное надменными му-
дрецами, добра не видали. Щасливые
обитатели обширнѣйшаго края, мы
не участвовали въ заблужденіяхъ пле-
мень просвѣщенныхъ: мы издали взирали
на громы и молніи невѣрія, раздро-
бляющіе и пронъ Царя и алшарь истин-
наго Бога; мы взирали съ ужасомъ на

плоды нечесливаго вольнодумства, на
вольность, водрузившую свое знамя
посреди окровавленных шруповъ, на
человѣчество униженное и оскорблен-
ное въ священнѣйшихъ правахъ сво-
ихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взи-
рали на успѣхи нечесливыхъ легіоновъ,
на Москву дымящуюся въ развалинахъ
своихъ; но мы не теряли надежды на
Бога, и еиміамъ усердія курился не
щечно въ кадильницѣ Вѣры, и слезы
и моленія не щечно проливались пе-
редъ Небомъ: мы воспоржеспвовали.
Оборотъ единспвенный, безпримѣрный
въ лѣтописяхъ міра! Легіоны *нелобѣ-*
димыхъ запрепешали въ свою очередь.
Копье и сабля, окропленные святою
водою на берегахъ тихаго Дона, засвер-
кали въ обители нечеспія, въ виду
храмовъ *разсудка, братства и вольно-*
сти, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя
Москвы, Вѣры и чести водружено на
мѣстѣ величайшаго преступленія про-
шивъ Бога и челоѣчества. *

* Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шашобріанъ
сказалъ: „храбрость безъ Вѣры ничтожна. —

Faut-il encore, faut-il vous rapeller le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее поржество невинности, человеколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣешь.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаешь новыя шаги въ Общество нашемъ: снова процвѣтутъ промышленность, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можешь быть, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣтильникамъ Эдмбургскимъ, долгомъ поспавятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, крошкихъ, посюянныхъ и

Посмотримъ, что сдѣлаютъ наши вольнодумцы прошивъ Козаковъ грубыхъ, непросвѣщенныхъ, но сильныхъ Вѣрою въ Бога? "... Всѣ журналисты вступились за честь оскорбленной великой націи (la grande nation); но предсказаніе сбылось,

незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую; достойныхъ Великаго человека, имъ управляющаго!

Итъ въ міръ царства такъ пространна,
Гдѣбъ можно споль добра творишь! *

* Державинъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Рѣчь о вліяніи легкой Поэзіи на языкъ	1
II. Нѣчто о Поэзіи и Поэтахъ	24
III. О Характерѣ Ломоносова	40
IV. Вечеръ у Каншемира	50
V. Письмо о сочиненіяхъ М. Н. Му- равьева	81
VI. Прогулка въ Академію Художествъ	114
VII. Ошрывокъ изъ писемъ о Финляндіи	159
VIII. Письмо изъ замка Сирея	174
IX. Двѣ Аллегоріи	196
X. Похвальное слово Сну	204
XI. Тассъ и Аріостъ	233
XII. Пешрарка	252
XIII. Гризельда, Повѣсть изъ Боккачіо.	276
XIV. О лучшихъ свойствахъ сердца	297
XV. Нѣчто о Морали, основанной на Религіи и Философіи	250

Batjuškov, Konstantin Nikolaevič,

Opyty v stichach i prozě Konstantina Batjuškova

Bd.: 1

St. Peterburg 1817

P.o.rel. 2890-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036169-3